

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3 (11)
2016**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2016

Редакторы:

А. А. Амирсейидова

Е. В. Невская

Корректор

В. С. Теверовский

Технический редактор

С. Ш. Абдуллаева

Верстка оригинал-макета

Е. А. Герасиной

Автор перевода

А. В. Борзов, кандидат

ист. наук, доцент

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

Владимирский государственный

университет имени

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции:

600014, г. Владимир,

пр-т Строителей, д. 3/7,

ауд. 231^а

Подписано в печать 30.08.16

Заказ №

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 13,02

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, Владимир,

ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

Е. М. Петровичева

доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)

Е. И. Аринин

доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения (зам. главного редактора серии)

М. В. Артамонова

кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института

И. Й. Деретич

доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет

В. В. Жданов

доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)

С. И. Реснянский

доктор ист. наук, профессор
академик РАН

И. Я. Кантеров

доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

К. А. Аверьянов

доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

Ю. В. Кривошеев

доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения Исторического факультета СПбГУ

Т. Л. Лабутина

доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

И. К. Лапишина

доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории

А. В. Лубков

доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического
государственного университета

С. А. Мартынова

кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
литературы

М. В. Пименова

доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка

Г. С. Егорова

кандидат ист. наук, доцент
кафедры истории России (отв. секретарь
редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

И. А. Николаева

Кадровый состав Владимирской губернской администрации накануне
и в период Первой мировой войны 5

Н. С. Скоробогатых

Роберт Мензис как лицо австралийского консерватизма середины XX в. 16

И. С. Тряхов

Высший генералитет вермахта и военные преступления в годы
Великой Отечественной войны 39

ФИЛОЛОГИЯ

Л. М. Устюгова

Глаголы с приставками *пре-* и *пере-* в списках «Повести временных лет» 51

А. С. Малахов

Аппозитивные сочетания во «Владимирских проселках» В. Солоухина:
функциональный аспект 58

К. М. Богрова

Опыт составления словаря языка лирической повести
«Владимирские проселки» В. А. Солоухина 63

ФИЛОСОФИЯ

А. В. Апполонов

Жанр и метод «трактата о модусах обозначения» Фомы Эрфуртского 69

П. Е. Матвеев

Онтотеология Гегеля и Хайдеггера 77

Л. В. Шапошникова

Космическое мышление и новая система познания 88

Сведения об авторах 112

CONTENTS

HISTORY

I. A. Nikolaeva

Staffing of Vladimir Provincial Administration before and During World war I 5

N. S. Skorobogatykh

Robert Menzies as The Face of the Australian Conservatism
of the Mid-20th Century 16

I. S. Tryakhov

Supreme Wehrmacht Generals and War Crimes During
the Great Patriotic War 39

PHILOLOGY

L. M. Ustyugova

Verbs with Prefixes *pre-* and *pere-* in the Copies of the «Tale of Bygone Years» 51

A. S. Malakhov

Appositive Constructions in the Text of «Vladimirskie Prosjolki»
by V. Soloukhin: the Functional Aspect 58

K. M. Bogrova

Experience of Compiling of the Language Dictionary of the Lyric Story
«Vladimirskie Prosjolki» by V. A. Soloukhin 63

PHILOSOPHY

A. V. Appolonov

Thomas of Erfurt's «Modes of Signifying»: Genre and Method 69

P. E. Matveev

Ontotheology of Hegel and Heidegger 77

L. V. Shaposhnikova

Cosmic Thinking and New System of Cognition 88

Contributors 112

УДК 93/94

И. А. Николаева

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В представленной статье рассматриваются качественные и количественные характеристики кадрового состава важнейших органов государственного управления Владимирской губернии накануне и в период Первой мировой войны. Изучаются профессиональные и личные особенности регионального чиновничества, в том числе даются оценки уровню образованности и профессионализма государственных служащих, определяется наличие коррупции в среде чиновников и доверия к представителям администрации со стороны местного населения. Особое внимание уделяется изменениям в качественном состоянии чиновничества накануне и в ходе Первой мировой войны и историческим факторам, которые их определяли.

Ключевые слова: Владимирская губернская администрация, полиция, региональное чиновничество, количественный состав губернского чиновничества, эффективность и профессионализм государственных служащих России в период Первой мировой войны.

Кадровый состав административных органов управления и его профессиональные характеристики являются важными факторами, определяющими эффективность деятельности системы государственного управления, имея более выраженное значение на его региональном уровне. Особый интерес в связи с этим вызывает и переломный во многих сферах исторического развития России период Первой мировой войны, когда вопрос о возможностях адекватного и квалифицированного руководства страной в экстремальных условиях войны со стороны «коронной» администрации

вышел на передовые позиции и до сих пор освещается в историографии неоднозначно.

Следует отметить, что, несмотря на стойкий интерес исследователей к данной проблеме в последнее время, ответить на многие вопросы, связанные с качественными и количественными характеристиками регионального чиновничества Российской империи начала XX в., представляется большой трудностью. Прежде всего это связано с плохой сохранностью и отсутствием ряда документов, отражающих данные аспекты проблемы в местных и центральных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-11-33003.

архивах. Однако имеющиеся в нашем распоряжении факты и косвенные данные все же позволяют провести научный анализ и сделать определенные выводы относительно характеристик личного состава органов административного управления Владимирской губернии. Среди важнейших органов административного управления губернии начала XX в. нами рассматривались: губернское правление, канцелярия губернатора и тесно связанные с ними в исполнительном делопроизводстве штаты губернской и уездной полиции.

Проанализированные архивные материалы позволяют говорить о том, что количественный состав государственных служащих рассматриваемых учреждений накануне и в начальный период войны был немногочисленным и соответствовал количественным показателям других губерний России. На протяжении 1908 – 1916 гг. на службе в канцелярии владимирского губернатора состояло около 20 чел. [38, л. 11 – 11 об., 12], в губернском правлении – 75 – 77 чел. [38, л. 18 – 18 об., 40, л. 18 – 19]. Общий (штатный) состав губернского правления и канцелярии губернатора вместе с губернатором и вице-губернатором составлял около 95 чел. [15, л. 1 – 11 об.]. Материалы делопроизводства данных учреждений позволяют сделать вывод, что такая немногочисленность состава чиновников губернской администрации Владимирской губернии компенсировалась достаточно рациональной организацией делопроизводства и стремлением владимирских губернаторов не увеличивать штат чиновников, а использовать систему поощрений за сверхурочную работу. Такие выплаты за «усиленные вечерние занятия» в канцелярии

губернатора ежегодно составляли около 1 – 1,5 тыс. руб. [8, л. 44, 210].

В целом административные служащие в ведомстве МВД во Владимирской губернии составляли 0,03 % от всего количества населения в губернии [36, л. 42, 44 – 44 об.], а чиновники всех ведомств составляли 15 чел. на каждую 1 000 населения** (50, с. 89), что сильно уступало показателям по таким странам, как Германия, Франция и США [1, с. 113]. Это позволяет согласиться с мнением, что, учитывая большие территории управления и неразвитость средств связи начала XX в., в России не только отсутствовала излишняя бюрократизация управления, но скорее проявлялась «недоуправляемость» на местах [53, с. 52]. Последнее особенно заметно было в деятельности полицейских чинов, численность которых по территории губернии размещалась неравномерно и оставалась особенно незначительной в сельской местности. Накануне вступления России в Первую мировую войну силы уездной полиции Владимирской губернии составляли около 1033 полицейских чиновника. Поэтому в 1912 г. многие уездные исправники губернии среди причин увеличения преступности в среде крестьянского населения вполне справедливо называли недостаточность штатов полицейских чиновников (один полицейский приходился на несколько деревень) [10, с. 63]. В январе 1913 г., готовясь к посещению Владимирской губернии Императором, губернатор И. Н. Сазонов просил МВД разрешить

** В состав служащих по МВД были включены служащие и депутаты дворянского самоуправления, а также врачи, фармацевты и ветеринары, состоящие на государственной службе.

усилить состав полицейских управлений, а также прислать 2 тыс. казаков из других губерний для организации надлежащей охраны [17, л. 20]. Из этого следует, что своими силами губернская администрация в таком деле справиться не могла.

В связи с вступлением России в Первую мировую войну проблема недостатка чиновничества на губернском уровне стала еще более острой. Хотя к 1916 г. численность штатов полиции немного увеличилась и в крупных промышленных городах (Шуя, Иваново-Вознесенск) соотношение полицейских чинов к населению составляло 1 к 200 – 300 чел., в сельской местности – 1 к 2000 чел. [52, с. 75, 79], ситуация оставалась крайне напряженной: уже к январю 1917 г. под воздействием масштабных мобилизаций в армию штат полиции существенно сократился: так, владимирская городская полиция состояла из 76 чел., уездная – из 61 чел. [13, л. 31 – 32].

При этом с самого начала войны стала ощущаться нехватка не только исполнительных, но и управляющих элементов. Уже в 1914 г. губернатор В. Н. Крейтон писал министру внутренних дел: «Со времени последних мобилизаций во многих подведомственных учреждениях ощущается недостаток в рабочих силах, что крайне неблагоприятно отражается на делопроизводстве, увеличившимся... до значительных размеров...» [9, л. 20]. Расширение сферы деятельности администрации вызвало чрезвычайную загруженность самого губернатора. Поэтому в сентябре 1915 г. глава губернии посчитал необходимым просить у вышестоящих властей командировать ему в качестве второго помощ-

ника Минского вице-губернатора, эвакуированного из своей губернии [17, л. 15]. Уже в 1914 г., по самым скромным подсчетам власти, местному административному аппарату настоятельно требовалось около 46 чел. Наибольшая нужда ощущалась в канцелярских чиновниках и нижних полицейских чинах [17, л. 21 – 21 об.]. Положение администрации ухудшалось и резкое сокращение с первых дней войны служащих местного самоуправления [57, с. 10 – 12]. В марте 1916 г. газета «Старый Владимирец» сообщала, что в Шуйской уездной управе из-за мобилизации осталось только два члена, на которых лежит все земское хозяйство [62, с. 3].

Найти квалифицированных специалистов на освободившиеся места в аппарате управления было трудно. Сказывались и низкие оклады этих категорий служащих, которые, несмотря на повышение, в условиях инфляции оставались крайне недостаточными [57, с. 12 – 13]. Сокращение норм финансирования из центра не давало возможности местной администрации повышать зарплату чиновникам; к тому же необходимо было перечислять выплаты жалованья мобилизованных чинов на содержание их семейств, и нанять новых людей было невозможно [17, л. 15]. Владимирский губернатор пытался выйти из ситуации, ходатайствуя перед МВД о присылке в губернию чиновников из эвакуированных губерний, которые были обеспечены содержанием «по эвакуации». Однако эвакуированных чиновников было слишком мало и МВД смогло направить на службу в губернию только пятерых канцелярских служащих [17, л. 6, 13, 20, 27]. В таких экстренных условиях министерство решило привлечь на госу-

дарственную службу женщин, приступив летом 1916 г. к разработке соответствующего законопроекта, но ему не было суждено осуществиться [45, л. 1 – 1 об.; 9 – 10].

Малочисленность состава исполнительной полиции и других служащих в экстренных условиях войны и назревания политического кризиса ставили функционирование всего аппарата губернского управления в критическое состояние. Огромной нагрузкой на административный аппарат стали новые масштабные по задачам направления деятельности: решение продовольственных вопросов, борьба со спекуляцией, контроль общественных настроений и пресечение антиправительственных и пацифистских проявлений, организации мобилизаций в армию, борьба с проявлениями шпионажа и другие сферы деятельности. Усугубляли ситуацию также повышение с 1915 – 1916 гг. уровня стачечного движения рабочих, рост преступности и увеличение населения тыловой губернии за счет беженцев и раненых воинов (с осени 1914 по январь 1917 г. только в госпитали губернии было эвакуировано более 50 тыс. человек) [61, с. 2 – 3; 63, с. 3; 31, л. 33 – 34; 11, л. 34; 14, л. 12].

Но, тем не менее, вплоть до февраля 1917 г. во Владимирской губернии сохранялась относительно спокойная обстановка, что вполне можно поставить в заслугу деятельности местной администрации и губернатору В. Н. Крейстону. Нельзя не учитывать и тот факт, что ряд направлений деятельности местной администрации не только вызывал одобрение, но и находил содействие среди населения владимирской губернии. Среди таких мероприятий

можно назвать противодействие спекуляции торговцев, проявлениям военного шпионажа, пьянством и винокурением [32, л. 12, 15, 16; 12, л. 58 об.].

Рассматривая вопрос о профессиональных качествах чиновничества Владимирской администрации, необходимо отметить, что служба в ведомстве МВД, за исключением некоторых должностей, зачастую не требовала наличия узкоспециальных знаний. Поэтому чиновники данных учреждений имели разнородное образование. Большинство их имели среднее или неполное среднее образование (многие заканчивали Владимирскую гимназию, городское училище, духовное училище). Менее образованными были низшие канцелярские служащие, часто имевшие начальное образование. На должности наиболее значимых чиновников местной администрации губернаторы старались назначать людей, имеющих высшее или среднее специальное образование, закончивших Императорский лицей им. Цесаревича Николая, Императорское училище правоведения, Московский кадетский корпус, Императорский Александровский лицей и др. [21, л. 1; 22, л. 1 об.; 23, л. 1; 20, л. 1 об.; 25, л. 1; 26, л. 1 об.; 24, л. 1 – 2 об.]. В то же время специальное образование становилось все более ценным в учреждениях, подведомственных МВД. Уже к 1910 г. 35 % служащих канцелярии губернатора и губернского правления имели специальное высшее образование и 75 % служащих губернии по ведомству МВД имели среднее, неполное высшее и высшее образование [55, с. 268 – 269].

Кроме того, усложнение делопроизводства в начале XX в. не позволило бы малообразованному чиновнику справ-

ляться со своими обязанностями. От служащих губернских учреждений требовалось не только хорошее знание законодательства, современной политической ситуации, но и умение вести переписку с вышестоящими инстанциями и учреждениями других ведомств, правильно составить документ, написать его языком, доступным для населения, и т. п. Документы показывают, что представители Владимирской администрации выполняли свои функции вполне грамотно [47, л. 1 – 54]. Среди чиновников Владимирской губернии были и те, которых можно было отнести к типу канцелярских умельцев, необходимых для эффективной работы бюрократического механизма. Очевидно, среди них можно назвать таких сотрудников губернаторской канцелярии, как коллежский секретарь Трегубов, коллежский асессор Ионов, коллежский асессор Минервин, губернский секретарь Запекшин, коллежский секретарь Высоков, не имеющий чина Брунс [8, л. 44].

Заменить специальную подготовку чиновникам часто помогал служебный опыт. Исследованные документы позволяют говорить, что многие служащие губернских органов управления имели солидный опыт работы. Наиболее ответственные должности (чиновники особых поручений, советники) занимали чиновники с большим опытом службы – 20 – 40 лет [18, л. 1 – 4; 19, л. 1 – 2]. Средняя продолжительность службы штатного состава Владимирского губернского правления накануне Первой мировой войны составляла 18 лет. Почти 40 % чиновников имели стаж службы более 20 лет. 55 % чиновников имели чин выше IX класса. Все это свидетельствует о большом опыте практической

работы местной бюрократии [18, л. 1 – 4; 19, л. 1 – 2].

Наличие постоянного состава в штатах губернской администрации способствовало передаче и сохранению опыта практического делопроизводства в губернских учреждениях. За период 1905 – 1915 гг. состав штатных служащих в канцелярии губернатора и губернском правлении изменился на 74 %, но оставшиеся 26 % составляли костяк чиновничества данных учреждений, проработавшие в них как минимум 10 лет (но обычно больше 20) [2, с. 1 – 5; 6, с. 116 – 123; 35, л. 1 – 13]. С другой стороны, наличие быстрой ротации кадров в губернских учреждениях способствовало обновлению штатного состава учреждений. Этому процессу помогала и практика перемещений чиновников, позволявшая служащему получить ценный служебный опыт и способствовала формированию специалиста, обладающего универсальными качествами государственного служащего [3, с. 1]. Большинство чиновников администрации Владимирской губернии обладали опытом работы в различных государственных учреждениях. В частности, губернский секретарь М. Ф. Сорокин за период своей служебной карьеры исполнял обязанности канцелярского служащего в канцелярии директора народных училищ и канцелярии губернатора, младшего помощника правителя канцелярии губернатора, секретаря Владимирского губернского по земским и городским делам присутствия [28, л. 2].

При этом чиновники губернских органов управления часто совмещали работу с преподавательской и просветительской деятельностью. Специалисты губернского правления участвовали в

различных образовательных курсах, работали в учебных заведениях: при губернской чертежной существовали землемерные курсы; ветеринарный инспектор читал лекции по ветеринарии во Владимирской полицейской школе, участвовал в курсах по сельскому хозяйству и животноводству; врачебный инспектор и его помощник преподавали медицину, анатомию и гигиену в местной общине «Красного креста» [4, с. 3; 41, л. 108, л. 66; 59, с. 2].

Вообще государственная служба в исследуемый период предъявляла к чиновнику массу требований, планка которых не снижалась даже в сложный период войны. Так, в 1915 г. директор департамента Общих дел МВД повторил распоряжение губернаторам об обязательном ежегодном доставлении в департамент сведений о «служебных и нравственных качествах» наиболее значимых должностных лиц – вице-губернаторах, советниках и правителях канцелярии. На первое место в ряду служебных качеств был поставлен образовательный ценз [28, л. 2].

Конечно, излишняя регламентация законодательства, существование Табели о рангах с приоритетом выслуги лет и централизация государственного управления объективно сковывали инициативу чиновников местного уровня и не стимулировали чувство ответственности. Но в исследуемый период ситуация постепенно менялась. Принцип соответствия должности и чинов соблюдался все меньше, а замена в 1906 г. словесного принципа при получении чинов критерием образования способствовала пополнению рядов служащих новыми более образованными и молодыми кадрами, которые ещё не погрязли

в рутине, отличались свежим взглядом на проблемы управления. Например, младшим чиновником особых поручений в 1910 г. был назначен губернский секретарь Ф. Г. Брунс (25 лет), закончивший курс наук по юридическому факультету Императорского лицея в августе 1909 г. [21, л. 1].

В исследуемый период изменялся взгляд на деловые качества чиновника, традиционная исполнительность, по мнению начальства, должна была дополняться «разумной инициативой» [29, л. 40]. Исследованные материалы позволяют говорить о том, что в экстренных условиях войны тенденция на активизацию самостоятельных действий чиновников продолжала усиливаться. В 1915 г. губернатор обратился к полиции с просьбой внести предложения для введения мер против распространения в среде больных и раненых воинов, находящихся на излечении в лазаретах Владимирской губернии, революционной пропаганды. Предварительно глава губернии сообщил начальнику Генерального штаба Московского военного округа, что принятие таких мер, «которые могли бы коренным образом воспрепятствовать вредной пропаганде среди низших воинских чинов», является «задачей крайне трудной и почти неосуществимой», однако ряд мер, предложенных исправниками, были введены в действие. Видимо, они имели определённый эффект, так как в марте 1915 г. вязниковский уездный исправник рапортовал, что благодаря предупредительным мерам «большинство крестьянского населения, городских обывателей и раненых чинов имеют патриотическое настроение» [11, л. 1 – 2, 20, 34].

Сложность и многообразность функций чиновников заставляла начальство обращать пристальное внимание также на личные и нравственные качества. Ценились способность находить общий язык с сослуживцами, тактичность в обращении с людьми, умение контролировать эмоции, честность, беспристрастность, ответственность [30, л. 39 – 40; 53; 63 об.].

Говоря о профессионализме чиновников местной администрации, нельзя обойти вниманием вопрос о должностных преступлениях и коррупции, как явлении, считающемся наиболее распространенным в чиновничьей среде Российской империи. Одним из главных источников коррупции является финансовое обеспечение служащих, абсолютное большинство которых в начале XX в. жило уже за счет чиновничьего жалованья. Классные чиновники канцелярии в среднем получали в год 600 – 800 р., что было в 3 – 3,5 раза больше годового заработка среднего фабричного рабочего [56, с. 125]. Содержание владимирского губернатора обходилось государству в 10 000 р., вице-губернатора – в 4 500 р. Однако, несмотря на то что содержание губернатора намного превышало жалованье остальных представителей административного управления в губернии, на фоне содержания глав других губерний и чиновников центрального ведомства оно было не слишком высоким (в 1908 г. министры получали от 18 до 26 тыс. рублей в год) [60, с. 3; 44, л. 3 – 4, 7 – 8, 13 – 14]. Так, губернатору И. Н. Сазонову, главным источником существования семьи которого было его жалованье, заработная плата не давала возможности содержать свое семейство на должном уровне

[64, с. 125, 137]. Что касается «нижних служителей» (писцы, курьеры и др.), то они зарабатывали в год всего 120 – 240 р. [15, л. 4 об., 11] и существовали на грани нищеты.

Вступление России в войну и связанные с этим финансовые расходы сильно повлияли на положение чиновничества. Несмотря на то что правительство старалось изо всех сил сохранить заработные платы госслужащих на довоенном уровне и даже повысить, в 1915 г. Министерство внутренних дел сообщало, что на следующий год в распоряжение Владимирского губернатора поступит 97 659 р. на выдачу суточных полицейским чинам и 4 188 р. – на усиление канцелярских средств [48, л. 24 – 29 об.]. Их жалование не могло перекрыть гигантской инфляции, размеры которой к февралю 1916 г. достигли от 100 до 233 % на товары первой необходимости [43, л. 7 – 7 об., 11 – 12 об.; 44, л. 3 – 4, 7 – 8, 13, 14; 61, с. 2 – 3]. В 1915 г. в открытом письме, опубликованном в газете «День», сами рабочие признавали, что «канцелярские чиновники» в материальном отношении устроены хуже, чем большинство обученных рабочих (58, с. 144). Это обстоятельство, безусловно, сделало губернское чиновничество более уязвимым в социальном отношении и в плане устойчивости к проявлениям коррупции. Однако, учитывая отсутствие надежных данных о размерах коррупции российских чиновников и опираясь на имеющиеся факты, можно предположить, что Владимирская губерния относилась к тем регионам России, где данное явление не нашло широкого распространения в исследуемый период, даже в условиях военного времени. Отдельные прецеденты

такого рода скорее позволяют сделать вывод, что в среде чиновников губернского уровня злоупотребления служебным положением были скорее исключением, чем правилом [27, л. 1 – 1об.; 8, л. 141].

В большей степени должностные проступки и преступления были распространены в среде низших чинов полиции. Чаще всего это были растрата казенных средств и превышение служебных полномочий. При этом делопроизводство Владимирского правления показывает, что в изучаемый период губернская администрация не только не замалчивала вину полицейских чинов, но боролась с произволом, коррупцией, формализмом в их работе всеми доступными методами – административными наказаниями в виде предупреждений, выговоров, арестов, увольнений и судебными разбирательствами. Так, в 1911 г. из 70 дел, рассмотренных губернским правлением по нарушениям в деятельности подведомственных чиновников, 46 были переданы в суд (66 %), в 4 случаях (5 %) было наложено административное взыскание и лишь в 7 случаях (10 %) чиновники были признаны невиновными [37, л. 1 – 134; 42, л. 1 – 142; 39, л. 1 – 139; 34, л. 1 – 60].

Анализ документов по разбирательствам над полицейскими чинами позволяет также сделать вывод, что увеличение количества жалоб на действия чиновников в начале XX в. (в 1905 г. состоялось 36 журнальных постановлений правления, в 1911 г. – 121 постановление [33, л. 9 – 12; 34, л. 24 – 26; 37, л. 15 – 17]) было вызвано не столько ростом должностных преступлений чиновников, сколько повышением социальной активности населения, ростом

гражданского самосознания и роли законности в жизни людей, так как жалобы достаточно часто были направлены на действия полиции, предусмотренные законом или, вообще, не имели под собой реальных оснований [46, л. 127]. В то же время накануне войны отношения местного населения к полицейским было вполне лояльным. Так, в 1913 г. не было зафиксировано ни одного случая сопротивления чинам полиции [12, л. 2 об.; 16, л. 20 об.].

Дореволюционные и современные исследователи вполне обоснованно считают, что большое влияние на нравственный облик подчиненных оказывала личность губернатора как высшего начальства в регионе [51, с. 140]. Что касается Владимирской губернии, то последние губернаторы, руководившие губернией накануне и в период Первой мировой войны, отличались достаточно высокой нравственностью, образовательным уровнем и профессионализмом. В частности, губернатор Иван Николаевич Сазонов начал свою службу на посту губернатора в 1906 г. в возрасте 50 лет. Несмотря на то что Сазонов получил военное образование (Морской корпус в Санкт-Петербурге), он имел девятнадцатилетний опыт службы в гражданском ведомстве, в том числе в должности вице-губернатора. Личностные качества Владимирского губернатора были также высоко оценены современниками. Хорошо знавший И. Н. Сазонова начальник департамента полиции В. Ф. Джунковский оставил яркую характеристику личности владимирского губернатора: «это был честнейший и благороднейший человек, необыкновенной доброжелательности, скромный, строгий к себе». Считая

Сазонова не слишком «дельным» администратором, Джунковский, тем не менее, признавал, что дела в губернии шли хорошо, потому что губернатор всегда умел окружить себя «честными людьми», которые его никогда не подводили и «всеми силами старались служить не за страх, а за совесть» [64, с. 121 – 123; 49, с. 167].

Последний владимирский губернатор Владимир Николаевич Крейтон, ставший губернатором в возрасте 43 лет, имел два образования. Он закончил Пажеский корпус, одновременно посещая вольнослушателем лекции Петербургского археологического института. Служебную карьеру Крейтон успешно совмещал с научной деятельностью [64, с. 137; 5, с. 121 – 124; 6, с. 116 – 117].

Об управленческой мудрости Владимирских губернаторов свидетельствует и определенная преемственность в их деятельности, бережное отношение к сложившимся традициям управления в регионе. В частности, для губернии не была характерна смена чиновничьих кадров в аппарате управления в связи с изменением главы губернии. С 1906 по 1914 гг. состав канцелярии и губернского правления изменился не более чем на 35 %, при этом наиболее значимые чиновники местного управления оставались на своих постах вплоть до революционных событий 1917 г. [55, с. 268 – 269]. Таким образом, можно говорить о том, что, с одной стороны, Владимирские губернаторы ценили опытность и профессионализм своих подчиненных, а с другой – что последние этим профессионализмом обладали.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что качественные

характеристики чиновничества Владимирской администрации, сложившиеся к началу Первой мировой войны, были относительно высокими. Служащие местного госаппарата имели большой служебный опыт и достаточный уровень образования, позволявшие им вполне эффективно выполнять стоящие перед ними задачи, отличались законопослушностью. Такому положению дел в исследуемый период способствовали как общие тенденции развития госаппарата Российской империи, направленные на повышение образованности, профессионализма и самостоятельности в деятельности чиновников, так и контроль губернского начальства за деятельностью служащих, постоянная борьба с должностными преступлениями. Все это определило тот факт, что в сложных условиях Первой мировой войны губернский аппарат административного управления показал себя достаточно эффективным, способным решать сложные задачи военного времени, и заслуживавшим доверие местного населения даже в крайне затруднительных условиях социально-экономического и штатного обеспечения губернских органов власти.

Тем не менее масштабное расширение сфер деятельности местных органов власти в период войны при одновременном сокращении количественного состава органов государственного управления послужило серьезным фактором сбоев в деятельности Владимирской губернской администрации и, в конечном итоге, невозможности противостоять нарастанию революционного кризиса 1917 г., приведшего к слому всей системы государственного управления Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVII – XX вв. М. : РГГУ, 1999.
2. Владимирский календарь и справочная книжка на 1905 г. Владимир, 1904.
3. Владимирские губернские ведомости. 1907. № 12. 23 марта.
4. Владимирские губернские ведомости. 1910. № 10. 5 марта.
5. Владимирский календарь и справочная книжка на 1913 г. Владимир, 1912.
6. Владимирский календарь и справочная книжка на 1915 г. Владимир, 1914.
7. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 5. Д. 1536.
8. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2476.
9. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2995а.
10. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3083.
11. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3440.
12. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3451.
13. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3594.
14. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 232.
15. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 2454.
16. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 2676.
17. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 596.
18. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1218.
19. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1347.
20. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 44.
21. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 45.
22. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 84.
23. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 392.
24. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 570.
25. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 609.
26. ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 634.
27. ГАВО. Ф. 14. Оп. 10. Д. 449.
28. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2281.
29. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2769.
30. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2769.
31. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2303.
32. ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 186.
33. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20208.
34. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20210.
35. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20518.
36. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20654.
37. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21467.
38. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21474.
39. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21772.
40. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21817.
41. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21891.
42. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22001.

43. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22004.
44. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. 22573.
45. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22845.
46. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 29208.
47. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 64. Д. 9. Ч. 9.
48. ГАРФ. Ф. 102. Д/п. 2. Оп. 73. Ч. 1. Д. 88. Ч. 10.
49. Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1997.
50. Ежегодник России 1909 г. Центральный статистический комитет МВД. СПб., 1910.
51. Козельчук Т. В. Чиновничество Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. как социальный слой : дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.
52. Кокшаров А. В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1999.
53. Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России: вторая половина XIX в. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1998.
54. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000.
55. Николаева И. А. Владимирская губернская администрация в 1905 – 1917 гг.: анализ деятельности губернатора, канцелярии губернатора и губернского правления : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009.
56. Оболонский А. В. На государственной службе: бюрократия в старой и новой России. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1997.
57. Петровичева Е. М. Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М. : МПГУ, 2001.
58. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М. : РОССПЭН, 2004.
59. Старый Владимирец. 1908. № 13. 17 авг.
60. Старый Владимирец. 1908. № 44. 26 сент.
61. Старый Владимирец. 1916. № 27. 4 февр.
62. Старый Владимирец. 1916. № 49. 3 марта.
63. Старый Владимирец. 1916. № 68. 25 марта.
64. Фролов Н. В., Фролова Н. В. Владимирские наместники и губернаторы. Ковров, 1998.

I. A. Nikolaeva

STAFFING OF VLADIMIR PROVINCIAL ADMINISTRATION BEFORE AND DURING WORLD WAR I

The article deals with the qualitative and quantitative characteristics of the staff of the major government bodies of Vladimir province before and during the First World War. Professional and personal characteristics of regional officials are analyzed, including the level of education and professionalism of civil servants, corruption among

officials and local people's trust in authorities. Particular attention is paid to qualitative changes in the state bureaucracy before and during the First World War and historical factors that determined them.

Keywords: Vladimir provincial administration, police, regional officials, the number of members of the provincial bureaucracy, efficiency and professionalism of civil servants in Russia during the First World War.

УДК 94 (94)

Н. С. Скоробогатых

РОБЕРТ МЕНЗИС КАК ЛИЦО АВСТРАЛИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА СЕРЕДИНЫ XX в.

Статья посвящена одному из выдающихся политических деятелей Австралийского Союза – Роберту Гордону Мензису, основателю и самому успешному руководителю Либеральной партии Австралии, возглавлявшему правительство страны рекордно долгий срок – с 1949 по 1966 гг. До наших дней его фигура и деятельность вызывают ожесточенные споры в среде представителей историографии Австралии, но для правого фланга австралийской политики он остается идеалом государственного деятеля эпохи процветания середины XX в.

Ключевые слова: Австралийский Союз, Либеральная партия Австралии, Австралийская лейбористская партия, Демократическая лейбористская партия, Коммунистическая партия Австралии, Р. Г. Мензис, Б. Сантамария, Г. В. Эватт, Б. Чифли, А. Фэдден.

В начале XXI в. интерес австралийцев к их политикам середины прошлого столетия значительно вырос. Так, один из недавних лидеров Либеральной партии Австралии (ЛПА) Дж. Говард в 2014 г. опубликовал монографию «Эра Мензиса». В этом исследовании он назвал своего героя – Р. Г. Мензиса – основателя и самого успешного руководителя ЛПА, величайшим премьер-министром страны и образцом государственного деятеля того времени [1].

Споры вокруг этого имени не утихают и поныне. Традиционные либералы

продолжают «искренне верить в изречение времен Мензиса о том, что правительство должно править ради блага всей страны, а не только для одного процента тех, кто на вершине национальной пирамиды, или даже просто тех, кто за них голосовал» [2]. У левых же ужас вызывает даже намек на возможность возврата к идеалам прошлого: «Мы отступаем к понятиям семьи эры Мензиса и вместо богатства нашей разнообразной культуры и примера ее счастливой толерантности мы находим упорствующее в своей неправоте кол-

лективное чувство безопасности в политике страха и милитаризма» [3].

В СССР не было издано ни одной монографии, посвященной Р. Г. Мензису. Как личность он мало волновал наших соотечественников, а оценки его политического курса сводились к суровой отповеди за консерватизм, антисоветизм и антикоммунизм [4]. В Австралии, напротив, без упоминания Мензиса не обходится ни одна работа по проблемам этого периода. В Национальных архивах и крупнейших библиотеках страны собраны богатейшие коллекции документов, связанных с ним; опубликованы его воспоминания, мемуары ближайших сподвижников и оппонентов, многочисленные монографии – либо посвященные ему лично, либо анализирующие его деятельность. Среди авторов весьма уважаемые австралийские исследователи: П. Хэзлак, Дж. Бретт, К. Хэйлхерст, А. Мартин и др. Но и тут оценки его деятельности порой прямо противоположны: от монументальных – «памятник эпохи процветания» до полного отрицания – пугало империалистической реакции. В этой связи интересным представляется не только упомянутая личность, но и сам феномен австралийского консерватизма середины XX в.: не косной его версии («держатъ – не пущать»), а разумного сочетания сохранения здоровых общественных основ с необходимостью движения вперед – некой «золотой середины» «золотых пятидесятих».

Молодые годы

Роберт Гордон Мензис родился в маленьком городке Джепарит на северо-

западе колонии Виктория 20 декабря 1894 г. в большой семье выходцев из Британии, прибывших сюда на волне «золотой лихорадки» середины XIX в. Он был горд своим шотландским происхождением и прозвищем «Минг» (от шотландского произношения фамилии как «Мингес») [5]. Его отец был активистом местной методистской церкви и депутатом законодательного собрания штата Виктория в 1911 – 1920 гг. [6]. Два дяди Роберта тоже участвовали в политике, а дед по линии матери был президентом профсоюза шахтеров Виктории [7]. Когда мальчику было всего 9 лет, странствующий френолог предсказал ему успех на юридическом и общественном поприще [8].

Мензис обучался в государственной и частных школах Балларата и Мельбурна, штудировал право в Мельбурнском университете. Он проявил прекрасные способности и активно участвовал в студенческой жизни [9]. В годы первой мировой войны ему исполнилось 19 лет, и после долгого обсуждения в семье было решено, чтобы Роберт не уезжал на фронт (двое его братьев уже отправились на войну), а остался дома и закончил свое обучение. Это решение не раз доставит ему много неприятностей, но впоследствии он никогда публично не опускался до оправданий своего поступка [10].

В 1918 г., получив степень магистра искусств, Мензис был принят в коллегию адвокатов Виктории и оказался в числе учеников и соратников знаменитого судьи Оуэна Диксона, которого на склоне жизни называл «величайшим юристом в австралийской правовой

истории» [11]. Возникшая между ними дружба сохранялась вплоть до кончины Диксона в 1972 г. Мензис быстро создал себе хорошую репутацию. В 1920 г. в качестве адвоката Объединенного общества инженеров он выиграл в Высоком суде Австралии дело, которое стало важной вехой на пути расширения полномочий федерального правительства – знаменитое «дело инженеров» [12]. Оно принесло «внезапную славу» молодому Мензису и твердый статус одного из ведущих специалистов по конституционному праву АС. Впрочем, многие отмечали, что несмотря на профессиональные достижения, он часто не находил общего языка с людьми, которых отталкивали его язвительность, гордость и агрессивность поведения [13]. Став успешным юристом и заработав крупное состояние, в сентябре 1920 г. Мензис женился на Пэтти Майе, дочери Джона Уильяма Лекки, промышленника и депутата нижней палаты парламента Виктории с 1914 г. и федерального парламента в 1917 – 1919 гг.

Тогда же состоялось и первое практическое участие Мензиса в политике. В 1926 г. федеральное правительство премьер-министра С. М. Брюса, стремясь ограничить забастовочную активность профсоюзов, инициировало референдум по расширению юрисдикции Федерального арбитражного суда и полномочий федерального центра в деле регулирования отношений в промышленности. Мензис счел эти притязания чрезмерными и, присоединившись к противникам Брюса, выступил в защиту прав штатов. Этот опыт публичных вы-

ступлений стал для него хорошей практикой общения с широкой аудиторией.

Начало его пути в политику пришлось на сложное время в австралийской истории первой половины XX в. – от рывка «рокочущих 1920-х» к шоку великой депрессии. В 1928 г. Мензис оставил юридическую практику: он был избран в состав законодательного совета парламента штата Виктория от Националистической партии Австралии и в 1928 – 1929 гг. занимал должность министра без портфеля в правительстве У. Макферсона. Его политическим лозунгом как националиста по партийной принадлежности стало «должное почтение к троице – Флаг, Трон и Конституция» [14]. В следующем году он перешел в нижнюю палату – законодательное собрание.

Одновременно с работой в парламенте Мензис включился в работу по модернизации Националистической партии. Он и его друг Уилфрид Кент Хьюз сформировали группу «Молодые Националисты», целью которой стало реформирование партии. Стремясь приблизить политику к массам, они выступали на улицах, у торговых центров, проповедуя основы либерализма. Мензис писал статьи, в которых излагал свои взгляды на пути коррекции политической структуры АС, в частности системы промышленного арбитража [15].

В 1932 – 1934 гг. он занимал посты генерального атторнея и министра железных дорог, став первым «молодым националом» с полноправным положением в кабинете консерваторов, возглавляемом сэром Стэнли Аргайлом. Вскоре Мензиса сделали и заместителем

премьера штата Виктория [16]. По сути, он занял второе место в правительстве штата, что с учетом проблем со здоровьем у Аргайла порождало подозрения, будто молодой политик метит и на первое. Ибо три «всепоглощающие страсти» определяли его характер: жажда славы, преклонение перед британским образом жизни – для него синонимом цивилизации – и нетерпимость к низвергателям традиций [17].

Тяготы экономического кризиса, который переживала Австралия в начале 1930-х гг., и мучительный поиск путей выхода из него приводили многих к попыткам освоить европейский опыт. Результаты были самые неожиданные: от симпатий к СССР у таких видных общественных фигур, как Дж. Стрит и К. С. Причард до обращения к опыту фашизма, как у соратника Мензиса У. К. Хьюза. Хьюз, глубоко разочаровавшись в возможностях традиционной парламентской системы, опубликовал серию статей под общим заголовком «Почему я стал фашистом». В них он доказывал необходимость усиления государственного контроля в делах экономики и обновления избирательной системы. Это выступление вызвало жесткие отклики; Мензис постарался смягчить критическую часть тезисов товарища, заявив, что «не так уж много плохого в парламенте», чем «привел всех эмбриональных фашистов в замешательство» [18]. В свою очередь, он поддерживал идею о более жестком государственном контроле и вмешательстве в экономику там и тогда, где и когда частная инициатива не в состоянии справляться со своими задачами.

В эти же годы на почве общности взглядов на проблемы выхода из Великой депрессии Мензис сблизился с канцелярией федерального правительства Австралийской лейбористской партии (АЛП) Джозефом Алоизиусом Лайонсом. Мензис вместе с «Молодыми Националистами» убедили Лайонса оставить АЛП и взять на себя руководство новой Партией единой Австралии (ПЕА). Федеральные выборы в декабре 1931 г. привели Лайонса на пост премьер-министра АС.

Дебют на федеральном уровне

В 1934 г. Мензис вступил на федеральную арену как представитель ПЕА от округа Куйонг, большинство избирателей которого составляли представители зажиточных слоев населения. Получив должность генерального атторнея и министра промышленности, он вскоре стал и заместителем лидера партии. Известный историк С. Макинтайр не без язвительности отметил, что в рядах соратников Лайонса «самым способным и самым нетерпеливым был Роберт Мензис, юрист из Мельбурна; среди многих его качеств приличествующая скромность явно отсутствовала» [19].

Жесткие действия Мензиса в отношении забастовщиков, профсоюзов, коммунистов по вопросу гражданских прав и иммиграционных законов, отстаивание интересов частного предпринимательства создали ему репутацию яркого реакционера. Тогда же проявились его основные черты как политика – в частности, непримиримая вражда к левым партиям, которая ярко выразилась в ходе нашумевшего в свое время

эпизода с выдворением из АС в 1934 – 1935 гг. чешского коммуниста Эгона Киша, всеми правдами и неправдами пытавшегося попасть на континент для участия в антивоенной конференции в Мельбурне. Мензис был категорически против такого гостя и поддержал запрет на его въезд, исходивший от министра внутренних дел Т. Патерсона [20]. Тогда же произошло первое открытое столкновение Мензиса с молодым юристом Гербертом Виром Эваттом, который добился нового постановления суда, утверждавшего, что запрет правительства Лайонса на въезд Киша в АС был нелегитимен и что тот может свободно посетить страну [21]. Это стало началом их взаимной неприязни на всю жизнь. В своих мемуарах впоследствии Мензис охарактеризовал Эватта кратко, но емко: «Он был странной и противоречивой фигурой» [22].

Его конфликты с профсоюзами имели не менее широкий резонанс. В 1938 г. докеры Порт Кембла отказались грузить партию чугуна, предназначенного для отправки в Японию, которую заклеямили как агрессора в Китае и вероятного врага Австралии. Мензис как член правительства не мог допустить, чтобы внешнеполитический курс, ориентированный на сбалансированные отношения с Японией и недопущение войны с ней, был отдан на откуп Федерации береговых работников. В пылу полемики никто не отметил того факта, что предлагаемый контракт на экспорт был разовый и очень ограниченный по объему и что Мензис пошел на многое, чтобы договориться с профсоюзами [23]. Его же попытка заставить докеров выполнить их обязанности привела к тому,

что к незадачливому министру до конца жизни приклеилось малопочтенное прозвище «Боб – чугунная чушка» [24]. А за позицию невмешательства в дела Европы и поддержку курса на умиротворение агрессора, который в 1930-х гг. проводила Великобритания, в глазах рабочих он заслужил репутацию «фашистского миротворца № 1 в Австралии». Его и все правительство Лайонса подозревали в открытых симпатиях к Гитлеру [25]. Впрочем, это обвинение оказалось преувеличенным.

Репутацию ретрограда утвердило и отношение Мензиса к метрополии. В 1935 г. он совершил свою первую поездку в Англию, приняв в составе австралийской делегации участие в праздновании серебряного юбилея короля Георга V и официальных переговорах в Сити и в парламенте. Австралийский политик нашел это занятие утомительным, британских переговорщиков – мракобесами, но любовь к Британии, ее культуре и традициям осталась с ним на всю оставшуюся жизнь. Он подружился с Э. Иденом, познакомился с У. Черчиллем и Д. Ллойд Джорджем. Последующие официальные визиты в Лондон в 1936 и 1938 гг. укрепили его убеждения и выработали весьма трезвый взгляд на достоинства и недостатки метрополии [26]. Тогда же он приобрел свой первый практический опыт в области внешней политики и осознал опасность со стороны военных приготовлений нацистской Германии.

В конце июля 1938 г. Мензис посетил с официальным визитом Берлин, где встречался со многими лидерами Третьего рейха. Его знакомили с политической ситуацией и показали круп-

нейшие предприятия страны. Мензис восхищался экономической эффективностью режима и удивлялся философии, что «произвела настоящий и бескорыстный энтузиазм, сопровождавшийся отказом от свободы личности и чем-то вроде исступления вроде того, с которым средневековый монах носил покаянную власяницу». Но в то же время отметил, что «подавление критики в конечном итоге полностью уничтожит Германию» [27]. Во всяком случае, «принципы тоталитарного государства» он посчитал «не подходящими британскому гению», хотя отметил и «большое желание молодых немцев посвятить себя службе и благосостоянию государства» [28].

В области внешней политики его взгляды были вполне ортодоксальными. По мнению Мензиса, разработка внешнеполитического курса АС должна была осуществляться в строгой координации с метрополией: «...Я считаю, что если каждый доминион начинает самостоятельно назначать дипломатических представителей в иностранные державы, в нашей внешней политике проявятся серьезные расхождения и британскому единству будет нанесен тяжелый удар» [29]. Впрочем, далеко не все австралийские дипломаты разделяли осторожные и верноподданнические взгляды Мензиса. Нависавшая над Тихим океаном угроза реальной войны заставляла государственных деятелей АС более пристально присматриваться к ближайшим соседям [30].

Еще в 1934 г. одним из немаловажных стимулов для выхода Мензиса на

федеральную арену было обещание Лайонса, который к тому времени был болен, уйти в отставку с поста лидера партии и премьер-министра в пользу своего партнера. Но ситуация складывалась неоднозначно, Лайонсу пришлось остаться на его посту и на выборах 1937 г. Вместе с тем сам он, опасаясь конкуренции и амбиций Мензиса, пытался сделать все возможное, чтобы его преемником стал либо дипломат Р. Кейси, либо опытный политик С. М. Брюс – только не честолюбивый Мензис. Однако в 1938 г. ввиду приближения военной угрозы стране требовался более сильный лидер. Напряженную атмосферу в парламенте красочно описал журналист Д. Уайтингтон, отметивший, что роль Мензиса была отнюдь не пассивной: он «критиковал, устраивал obstruction, злорадно глумился, как правило, веселился. Лайонс был расстроен и сбит с толку; Аграрная партия, цвета буйволовой кожи от большей части колючих стрел Мензиса, была бешено беспомощна» [31]. Отношения особенно обострились в марте 1939 г., когда Мензис подал в отставку, убедившись в бесполезности своих требований принять закон о государственном страховании. Все это привело к сердечному приступу и смерти Лайонса в апреле 1939 г., а Мензис был избран в руководство ПЕА и, несмотря на все увещевания С. М. Брюса, принял пост лидера партии. Тогда он был молодым амбициозным политиком, мало прислушивающимся и приглядывающимся к своим коллегам.

Первый срок на посту премьер-министра

Практически изначально первый опыт лидерства Мензиса был обречен на неудачу. Он возглавил партию, в которой борьба фракций «вела почти к открытому мятежу» [32], и столкнулся с враждебной ему Аграрной партией Австралии (АПА). Недолгое пребывание на посту премьер-министра АС (1939 – 1941 гг.) началось с того, что лидер АПА, состоявшей в коалиции с ПЕА, Эрл Пейдж отказался оставаться в правительстве. Он утверждал, что Мензис был неспособен повести за собой народ, обвиняя его в трусости в годы Первой мировой и предательстве Лайонса. Пейдж объявил, что АПА выходит из коалиции. Его атаку на Мензиса пресса АС охарактеризовала, как «нарушение приличий в дискуссии, которое не имеет аналогов в анналах федерального парламента»; то, что и как говорил Пейдж, было расценено многими как признак «дурного вкуса», и Австралийская радиовещательная комиссия отказалась транслировать его выступление [33].

Громкая речь Пейджа «была призвана уничтожить Мензиса. Вместо этого она уничтожила Пейджа как лидера Аграрной партии» [34]. В ходе разразившегося скандала Мензис повел себя максимально сдержанно и остался на посту главы ПЕА. С началом второй мировой в 1939 г. он сам подбирал себе министров военного времени, сформировал правительство меньшинства, а спустя несколько месяцев, когда в результате раскола уже в руководстве аграриев Пейдж лишился лидерства в

АПА, Мензис восстановил правительственную коалицию с ее новым лидером Арчи Кэмероном. Надо отдать должное Мензису – он не был злопамятен; по словам А. Фэддена, «Пейдж был мудрым администратором и великолепным политическим тактиком, Мензис признал его выдающиеся качества, когда он вернулся в состав кабинета меньше чем через два года после атаки Пейджа лично на Мензиса, которая развела их в разные стороны» [35].

Помимо трудностей с АПА свою лепту внесла близившаяся Вторая мировая война, заставившая правительство АС все больше внимания уделять внешней политике. Премьер-министр намеревался сохранить мир во что бы то ни стало. Вместе с тем, понимая крайнюю сложность ситуации, он отметил, что «в Тихом океане мы несем первостепенную ответственность и первостепенные риски ... Тихоокеанские проблемы другие. То, что Великобритания называет Дальним Востоком, для нас является ближним севером». Поэтому, сохраняя все связи с Империей, «Австралия должна учитывать в первую очередь свои интересы, обеспечивая себя своей информацией и поддерживая свои собственные дипломатические контакты с иностранными державами» [36]. Исходя из этого, Р. Мензис стремился наладить отношения с ближайшими соседями по АТР: США, Новой Зеландией, Канадой. В своем стремлении оттянуть начало войны он порой предпринимал шаги, которые ныне смотрятся совсем нелепо. Так, в конце августа 1939 г. он предлагал премьер-

министру Англии Н. Чемберлену «пригласить Гитлера в Лондон или более нейтральное место встречи» с тем, чтобы «разрушить психологические барьеры, которые сейчас быстро воздвигаются между британцами и немцами», «чтобы Гитлер мог продемонстрировать реальность своих мирных намерений» и «снизить европейскую температуру» [37]. Было это политической близорукостью или последней отчаянной попыткой спасти мир – сказать трудно.

Уже 3 сентября 1939 г. Мензис, выступая по радио, сказал: «Моя печальная обязанность – официально сообщить вам, что вследствие продолжения вторжения Германии в Польшу Великобритания объявила ей войну и в результате Австралия также находится в состоянии войны». Но главное, «Правда с нами в битве, и эта Правда должна победить», – заявил премьер-министр [38]. Глава правительства предпринял все меры для того, чтобы адаптировать страну к нуждам военного времени. Из внешнеполитических акций главнейшими были отправка экспедиционных сил на помощь Великобритании и открытие дипломатического представительства АС в Вашингтоне в 1940 г. С большой оглядкой проводился курс на выстраивание отношений с Японией и СССР [39]. Надо сказать, он всегда был очень осторожен в своих действиях. Так, в 1939 г. на предложение Франции бомбить Баку и Кавказ, чтобы помешать поставкам российской нефти в Германию, Мензис заметил: «Это должно означать войну, и мы хотели бы взвесить плюсы и минусы ... одно дело

активизировать действия на существующих фронтах против существующего противника, но совсем другое – создать новые фронты и новых врагов» [40]. Больше к этой теме союзники не возвращались.

Главным вопросом внутренней политики стала перестройка жизни страны на военный лад. В рамках Закона о национальной безопасности 1939 г. правительство переводило Австралию на военные рельсы. Во главе специально созданного департамента по делам военной организации промышленности встал один из самых способных менеджеров своего времени Эссингтон Льюис [41]. Были повышены зарплаты в военных отраслях и сделано все, чтобы не допустить срыва производства. Мензис, прекрасно понимая силу профсоюзов в АС, был настроен на самое деловое сотрудничество с ними [42]. Вместе с тем вводился контроль над ценами, распределением по квотам горючего, одежды, основных продуктов питания. У правительства появилось право объявлять любой район АС опасной зоной и вводить на его территории режим ЧП, оно могло установить также принудительную трудовую повинность для строительства объектов оборонного значения. Осуществлялся строгий контроль над передвижением иностранцев. Все подозреваемые в сочувствии к противнику были интернированы, а после подписания советско-германского пакта о ненападении в 1940 г. был принят закон о запрете деятельности Коммунистической партии Австралии (КПА) [43].

В эти годы Мензис постоянно наталкивался на трудности и непонимание среди политической элиты и населения страны. В результате федеральных выборов в сентябре 1940 г. коалиция и Лейбористская партия набрали равное количество мест, и только благодаря поддержке двух независимых членов парламента правительство Мензиса удержалось у власти. Ему часто припоминали старые и новые грехи, и когда он предложил создать национальное правительство с участием всех ведущих партий, АЛП отказалась. Ее лидер Джон Кертин мотивировал отказ просто: «Если и могло бы быть что-то хуже правительства, состоящего из двух партий, это было бы правительство, состоящее из трех партий» [44]. Но отказавшись войти в общенациональное правительство и протестуя против отправки австралийских военных в Европу, лейбористы вошли в состав Консультативного военного совета, который проработал до конца Второй мировой войны [45]. Отправка австралийских подразделений на помощь Великобритании была большим вопросом и для Мензиса. Он с горечью подметил, что британцы показали «вполне ощутимую склонность относиться к Австралии как колонии и недостаточно обратили внимание на то, что именно ее правительство определяет, отправятся ли австралийские войска и когда именно они покинут Австралию» [46]. Тем не менее дивизии Австралийских Имперских Сил воевали в самых сложных точках на Ближнем Востоке и в Европе; неудачи в Греции и на Крите вызвали глубокую скорбь и недовольство в АС [47].

Со временем трудности и ограничения военного времени, жесткая централизация управления, пробританская ориентация Мензиса и его непримиримый антикоммунизм в условиях все нараставшей опасности непосредственно для страны вызывали неприязнь у многих австралийцев. Даже в рядах возглавляемой им коалиции все ярче проявлялись расхождения во взглядах, особенно со стороны его союзников-аггриев. В таких непростых условиях в самом начале 1941 г. Мензис предпринял поездку в Великобританию для обсуждения сложившейся ситуации и оказания нажима на британцев. У. Черчилль пригласил его на заседания британского военного кабинета, и австралийский премьер-министр «в целом оказался бельмом на глазу Черчилля» [48]. Переговоры были далеки от идиллической картины братской сплоченности; в своих дневниках один из главных чиновников Форин Оффис лорд Александр Кэдоген отметил по этому поводу: «Какую безответственную чепуху несут эти антиподы!» [49]. В свою очередь и Мензис был недоволен диктаторскими замашками Черчилля, в чем был не одинок [50].

На обратном пути Мензис посетил США, Канаду и Новую Зеландию, где задержался до мая 1941 г. Долгое отсутствие лидера вызвало критику в его адрес даже среди его сторонников и в конечном итоге стало еще одной причиной его падения. В августе 1941 г. Мензис сначала был вынужден уйти с поста премьер-министра, а затем и лидера ПЕА. В октябре 1941 г. к власти пришла АЛП под руководством Дж. Кертина, которая привела страну к победе в 1945 г.

Пребывание на скамьях оппозиции стало для Мензиса глубоко личным ударом, следствием предательства со стороны коллег. Позже он писал: «Я все еще пребывал в убеждении, что быть логичным означало быть правым, а быть правым являлось само по себе оправдывающим обстоятельством. Я еще не обрел простого чувства локтя, чтобы понять, что люди восхитительно нелогичны, но по большей части честны; чтобы осознать, что все черное и все белое не являются единственными оттенками в спектре» [51]. Но далеко не все поставили крест на карьере Мензиса. Хорошо знавший его А. Кэмерон сказал: «Кончено? Он вернется. Проклятый надутый бугай сходит с дороги только с тем, чтобы очистить дерьмо с башмаков и вырезать себе новую дубинку» [52].

Возвращение к власти

После отставки Мензис практически не принимал участия в политике, и декабрь 1942 г. был пиком падения его политической карьеры. Однако размышляя о своем будущем, он все же решил, что останется в парламенте, и вскоре после того был вовлечен в переговоры о формировании новой не-лейбористской партии [53]. В те годы он много выступал по самым различным вопросам, одно из этих выступлений стало особо значимым: в речи по радио 22 мая 1942 г. Мензис фактически наметил в основных чертах всю свою послевоенную политическую линию. Он встал на защиту «забытого класса — среднего класса, ... который правильно

рассматривать как составляющий костяк этой страны». Средний класс — это те избиратели, которых он сам представлял в парламенте: «работающие по найму за жалование, владельцы магазинов, искусные ремесленники, профессионалы, фермеры и так далее». Они «по большей части не организованны и не уверены в себе», но «они являются основой нации». Реальная жизнь нации проходит именно в домах этих мало заметных людей: «Дом — это основа здравомыслия и трезвости; это обязательное условие непрерывности; его здоровье определяет здоровье общества в целом». Поддерживая индивидуальную инициативу, политик подчеркивал, что «это не значит, что мы должны вернуться к старой и циничной политике невмешательства. Функции государства будут гораздо больше, чем просто держать кольцо, в пределах которого конкуренты будут бороться. Наши социальные и промышленные законы будут увеличены. Будет больше закона, не меньше; больше контроля, не меньше» [54]. Это выступление стало в какой-то мере программным: Мензис искал для себя новую социальную опору — некую золотую середину между двумя классовыми полюсами. Он нашел ее и разрабатывал дальнейшую политическую линию, ориентируясь именно на эти слои.

В 1943 г. после очередной неудачи ПЕА на выборах наступил час Мензиса: он вновь вернулся на пост лидера, но сама партия была в очевидном упадке. И многим стало ясно, что необходима была новая политическая сила. Главную задачу Мензис видел в создании жизнеспособной организации на базе

«либеральной, прогрессивной политики, против социализма с его бюрократической администрацией и ограничениями личной свободы» [55]. Он продолжил политическую традицию, которая возникла в Австралии со времени создания федерации. Война сплотила нацию и централизовала экономику, и во второй половине 1940-х гг. многие не-лейбористские государственные деятели обратились к идеям своих оппонентов в области социальной политики: и те, и другие «все больше сближались и находили точки соприкосновения в желательности основанного на смешанной экономике государства всеобщего благоденствия» [56]. Различия сохранялись лишь в тактике, но не в конечной цели; тем не менее конкретная политическая программа Мензиса значительно отличалась от предложений АЛП. Лозунгами либералов стали отмена ограничений и восстановление свободы предпринимательства, уничтожение влияния КПА в профсоюзах, сбалансированная внешняя политика.

В рамках сплочения сил раздробленного лагеря буржуазных политиков в 1944 г. прошли встречи с представителями самых различных политических течений – от членов ПЕА до Молодых Националистов, включая АПА и женские организации. Разрабатывая основы новой партии, Мензис опирался на успешный опыт АЛП как мощной организационной структуры с жестким подчинением филиалов центральному кокусу, наличием партийной дисциплины и постоянной работы с избирателями. Свою партию он изначально видел как «массовую партию с широким

членством» [57]. Из 18 консервативных по австралийским меркам политических группировок ему удалось воссоздать единую партию среднего класса – Либеральную партию Австралии.

Роль Мензиса в ее создании была решающей: «Либеральная партия была Мензис – и наоборот» [58]. Впоследствии сам он признавал, что эти годы дали ему очень многое: «Я очень хорошо освоил практику парламентских дебатов и научился понимать тех, с кем я спорил. У меня была прекрасная возможность, которую я пытался использовать в полной мере, для разработки альтернативной и конструктивной политики» [59]. Эти тактические навыки фактически привели к появлению нового публичного имиджа Мензиса – более опытного, более гибкого и более успешного, что помогло завоевать и общественное доверие к новой политической организации. В 1945 г. в ее рядах состояли порядка 40 тыс. членов; в 1947 г. представители либералов пришли к власти в трех штатах, а отделения по всей стране вели активную работу с электоратом. Уже в 1946 г. в ходе проведения опросов общественного мнения в АС большинство их участников – до 44 % – отдавали пальму первенства среди политических лидеров ЛПА именно Мензису. Впрочем, далеко не все члены его партии безоговорочно «восхищались и еще менее подчинялись» ее лидеру – особенно на уровне штатов [60]. В этом аспекте ораторское искусство и умение убеждать оченьгодились Мензису.

Да и надежда на то, что АЛП потерпит поражение на выборах 1946 г., не

оправдалась: преемник Кертиса Бен Чифли выиграл у коалиции с большим перевесом. Причины тому лежали главным образом в области социальной политики лейбористов. С одной стороны, Чифли продолжал политику экономического контроля военного времени, включая крайне непопулярное нормирование горючего. В то же время австралийский парламент принял 299 законов, которые фактически создали базу для проведения политики государства всеобщего благоденствия. Чувствуя себя у власти уверенно, Чифли решил, что пришло время продвигать в жизнь генеральную линию, цель АЛП – демократический социализм. Это подразумевало путь интенсивного государственного вмешательства и планирования в экономике и социальной сфере и выравнивание богатства, доходов и возможностей. Данные тенденции определили жизнь страны на несколько десятилетий.

В 1946 г. Мензис думал вообще уйти из политической жизни, и комментарии, что с ним «вместе мы не можем выиграть», начали циркулировать в консервативной прессе [61]. Однако антикоммунистическая атмосфера в австралийском обществе, усиливавшаяся в период «холодной войны», несколько подорвала поддержку лейбористов. Основания для страхов, к сожалению, были: оживилась деятельность КПА и ее сторонников. К примеру, известный профсоюзный деятель Э. Торнтон в 1946 г. в своем обращении к правительству АС писал: «Мы, коммунисты этой страны, копим силы для совершения кровавой революции» [62]. Лейбористы не были

столь категоричны и ставили себе совсем иные цели, но попытка Чифли в 1947 г. национализировать австралийские частные банки спровоцировала массовые протесты. Это дало Мензису новый импульс для «антисоциалистического» дела, которое он и его коллеги тогда видели как ключевой политический вопрос. Поездка в Англию в 1948 г. подкрепила его опасения. В Лондоне Мензис на себе ощутил напряженную атмосферу, созданную советской блокадой Берлина и шоком от смерти в Праге Я. Масарика. Ощущение кризиса и искренние разговоры с Э. Иденом и другими консервативными друзьями утвердили его решимость действовать [63].

По его возвращении в АС парламентская фракция либералов приняла в качестве одной из своих целей роспуск Коммунистической партии Австралии. В 1949 г. ожесточенная борьба в период забастовки шахтеров, организованной КПА, сыграла на руку Мензису. Чифли использовал армию в качестве штрейк-брехеров, что не прибавило ему популярности. По словам журналиста Ф. Найтли, «избиратели устали от контроля военного времени и спустя 4 года после войны хотели освободиться от регулирования продуктов, государственного регулирования и постоянных битв между судами и правительством по поводу его планов национализации» [64]. Мензис изображал АЛП как пособников коммунизма, обещал «остановить процесс социализации» австралийского образа жизни, снизить налоги и запретить КПА. Предвыборная платформа партий коалиции строилась главным образом на противопоставлении «социали-

стического государства с его подчинением индивидуума всеобщему официозу правительства» и «древней британской веры в то, что правительство – слуги народа» [65].

В итоге в декабре 1949 г. Мензис одержал внушительную победу на парламентских выборах и вновь стал премьер-министром страны. Анализируя причины победы партий коалиции, Д. Уайтингтон отмечал: «...главный факт в том, ... что именно Мензис выиграл выборы 1949 г., убедив электорат в том, что он являлся человеком часа. Это была почти полностью личная победа, и последовавший рекорд его правительства следует рассматривать под этим углом зрения» [66].

Вторично во главе правительства

Беспрецедентно долгое для австралийской истории (1949 – 1966 гг.) непрерывное пребывание Мензиса у власти без преувеличений называют «эрой Мензиса». Это был взлет его политической карьеры, отмеченный до сих пор никем не превзойденным рекордом длительности пребывания на посту главы правительства. Не отменяя базовых основ заложенной при АЛП социальной политики и смешанной экономики государства всеобщего благоденствия, он сумел выполнить свои обещания: отменил экономические ограничения и восстановил свободу предпринимательства, подорвал влияние КПА в профсоюзах, проводил сбалансированную в целом внешнюю политику.

Во многом этим он был обязан своему искусству подбирать себе помощников. В его команду входили как Инид Лайонс (вдова Дж. А. Лайонса, в 1943 г.

ставшая первой и тогда еще единственной женщиной – депутатом федерального парламента), так и его верные соратники: опытные дипломаты Р. Кейси, П. Спендер, П. Хэзлак. Важная роль принадлежала и аграриям – А. Фэддену и Джону Макьюэну, обладавшему колоссальным политическим опытом и влиянием, сотрудничество с которым было одним из самых продуктивных [67]. Недаром один из наиболее авторитетных политологов АС П. Келли назвал политический тандем Мензис – Макьюэн в числе «величайших коалиционных партнерств», которые «коренились в личном уважении и политических компромиссах» [68].

Вместе с тем, как отмечали исследователи, его личный успех на посту премьер-министра в течение шестнадцати лет подряд – результат «не только его мастерства в использовании перестроенной им партийной машины, но также отсутствия претендентов на его пост ... там не было “никаких братьев, рядом с тронном”» [69]. Даже соратники Мензиса признавались, что его манера личного доминирования давила на окружающих; впрочем, сам он отрицал это и писал в мемуарах: «Существует курьезная легенда, что я был диктатором в кабинете, что министры принимали мои взгляды под страхом увольнения или немилости». По его словам, многие его коллеги обладали блестящими способностями, и сам он был лишь «первым среди равных» [70]. Крупный и импозантный внешне, он предпочитал доминировать в своем окружении, что, безусловно, делало трудной совместную работу с ним и

«требовало крепких нервов и железного терпения от тех, кто служил ему» [71]. Самой верной и надежной помощницей для него оставалась жена: ее частенько именовали «секретным оружием Мензиса», и с мнением Пэтти Мензис считались многие, в том числе и влиятельные лица [72].

Все, кто знал Мензиса, отмечали его ораторское искусство, которым он привлекал на свою сторону все большее число сторонников. Он тщательно продумывал и готовил свои выступления. Некоторые видели в нем актерское начало; но сам он и наиболее близкие к нему лица говорили, что это был лишь способ «не только победить, но и удерживать победу» [73]. С появлением на экране телевизоров он не утратил своего шарма и использовал новый шанс говорить с избирателями напрямую: «Он мог быть вальяжно серьезным или откровенным клоуном, если хотел» [74]. Впрочем, дружественные отношения с прессой в целом у него не сложились, и многие журналисты обижались на его неприязненное обращение с ними.

В рамках небольшой статьи, увы, нет возможности подробно остановиться на всех достижениях «эпохи Мензиса», но наиболее яркие ее черты хотелось бы отметить. После громкой неудачи последовательного антикоммуниста Мензиса в начале 1950-х гг. вновь запретить КПА – большинство населения сочло сохранение свободы слова и презумпции невиновности более важными, чем коммунистическую угрозу «ущемить демократию» [75], – на помощь ему неожиданно пришел громкий скандал. В 1954 г. советский

дипломат В. М. Петров попросил в АС политического убежища. Документы подтвердили наличие в стране широкой шпионской сети, что стоило поста лидера АЛП Г. В. Эватту [76]. Пикантность ситуации состояла в том, что три секретаря Эватта оказались в тесном контакте с советским посольством в Канберре: «это было смерти подобно для его политических амбиций» [77]. В конечном итоге выборы 1954 г. Эватт проиграл, обвинив в этом своих политических противников. Устойчивый миф о том, что эти события стали результатом заговора между Мензисом, спецслужбами и правыми силами АС с целью устранения от власти Эватта, был опровергнут гораздо позднее [78].

Не приходится сомневаться в искренности Мензиса как противника коммунизма советского типа, но еще более верно то, что он как опытный игрок на полную катушку использовал страх перед коммунистической угрозой при разработке своей политической линии. Революцию 1949 г. в Китае, Корейскую войну, дело Петрова, карибский кризис 1962 г. и тому подобное он представлял избирателям как «угрозу», противостоять которой способна только его партия. Все это привело аналитиков к выводу, что «Мензис был самым умелым тактиком в австралийской политической истории, стопроцентным политиком», некой «мистической амальгамой деда Мороза, Питта Младшего и Беды Достопочтенного» [79].

Мензис умело привлекал на свою сторону все консервативные силы, например, журналиста и общественного деятеля Бартоломью Огастина

Сантамарию и созданную им при участии австралийских католиков Демократическую лейбористскую партию (ДЛП), возникшую после раскола АЛП в 1957 г. [80]. Большинство ее членов на федеральных выборах поддерживали партии коалиции: в 1950-х гг. порядка 80 % сторонников ДЛП отдавали вторые преференции на выборах партиям коалиции и только около 20 % – АЛП, что способствовало победам либералов и аграриев [81]. Впоследствии Б. Сантамария вспоминал: «Мензис... хорошо понимал, что в значительной степени зависел от ДЛП», и считал эту партию очень близкой себе по духу. Одновременно Мензис стремился держать союзников под контролем, учитывая их требования к своей политике. После трудных выборов 1961 г., когда только преференции ДЛП смогли удержать коалицию у власти, в 1963 г. кабинет коалиции ввел принцип равноправия государственных и религиозных школ при получении государственных дотаций. Когда Сантамария спросил Мензиса, как это сочеталось с прежними высказываниями премьер-министра, что помощь школам не входит в компетенцию Союза, но относится к сфере полномочий штатов, ответ был краток: «Есть некоторые вещи, которые лучше не обсуждать» [82]. Вопрос был закрыт.

Но главной причиной популярности Мензиса стали экономические успехи, достигнутые страной в годы его правления. Он умел держать руку на пульсе времени и хорошо помнил, что именно проблемы жизненного уровня перевесили все страхи перед коммунизмом в

начале 1950-х гг. Его политика экономического роста, базировавшаяся на идеях Дж. М. Кейнса, позволяла использовать для блага людей все особенности послевоенного периода. Сам он писал впоследствии: «Самой важной функцией демократического правительства является создание *климата* (курсив автора – Н.С.), при котором предпринимательство будет процветать и производительность расти» [83]. Мензису в каком-то смысле повезло: его правление пришлось на период небывалого подъема экономики, вызванного разведанными в Австралии большими запасами минерального сырья и возросшим мировым спросом на сырьевые продукты в целом. Экономисты определяют это время как период «длительного бума» 1940 – 1970-х гг. [84]. Расцвет горнодобывающей отрасли стал базой для хозяйственного рывка 1950 – 1960-х гг., на основе которого в АС сложилась одна из наиболее сбалансированных экономических систем мира.

При этом правящие круги отнюдь не отказывались от самой активной социальной политики. Были введены выдача бесплатного молока детям в начальных школах, федеральное финансирование университетов, что австралийцы относят к числу главных заслуг Мензиса перед нацией [85]. Б. Сантамария, например, считал, что «без сомнения, правительство Мензиса было лучшим рабочим правительством, чем какое-либо лейбористское правительство... Мензис всегда верил в то, во что верила Лейбористская партия, а именно в политику... усиления государственного вмешательства, что государство должно

сохранять контроль над экономикой в конечном счете» [86]. С. Макинтайр отмечал, что именно в годы правления Мензиса наряду с поощрением частной инициативы правительство уделяло огромное внимание государственному сектору экономики и именно тогда Канберра и Территория федеральной столицы стали средоточием центральной государственной власти [87]. Да и сам Мензис был горд тем, что именно при нем Канберра превратилась из захолустной «столицы буша», чье благоустройство было прервано Великой депрессией и Второй мировой войной, в цветущий город мирового уровня. Он подчеркивал, что «построил Канберру как столицу в глазах и умах австралийского народа» [88].

Резко пошел вверх и уровень жизни в АС; при этом качество жизни рабочих мало чем отличалось от среднего класса – то, о чем говорил Мензис в 1942 г., осуществлялось. В быт каждого австралийца как норма вошли личные автомобили, пылесосы, холодильники, стиральные машины и телевизоры. Культ дома и семьи был возведен в абсолют. Вдвое выросло число университетов, и европейские стандарты образования стали доступны практически каждому австралийцу. Государство выделяло средства для приглашения в Австралию лучших ученых умов со всего мира. В стране началось использование атомной энергии в мирных целях; был осуществлен запуск первого австралийского искусственного спутника Земли с космодрома Вумера в Южной Австралии. Настоящий расцвет оперного искусства начался с создания в 1956 г.

«Австралийской оперы» – национальной труппы, финансируемой государством. С созданием в 1962 г. государственного «Австралийского Балета» искусство профессионального танца получило новый импульс. В 1958 г. был учрежден Федеральный совет по развитию аборигенов и жителей островов Торресова пролива, задачей которого стало сотрудничество правительства и общин по подготовке к референдуму о гражданском равноправии коренных австралийцев, а в 1961 г. образован сенатский комитет по предоставлению аборигенам права голосовать на федеральных выборах.

Все это вместе взятое способствовало тому, что по уровню и комфортности жизни АС занимал одно из первых мест в мире. В стране практически исчезла угроза распространения и популярности политического экстремизма, всегда ориентированного на маргиналов. Своего рода международным признанием нового статуса страны стало проведение в 1956 г. Олимпийских игр в Мельбурне.

В сфере внешней политики в период правления Р. Мензиса доминировали настроения самого премьер-министра, главной чертой которых была неколебимая вера в идеи либерализма и искренняя приверженность всему английскому. Однако его личные симпатии никогда не заслоняли интересов страны, чье правительство он возглавлял. С одной стороны, отдавая должное историческим связям, сохранялись самые тесные контакты с Великобританией. С другой стороны, АС продолжал тесное сотрудничество с США, видя в

них самый мощный заслон распространению коммунистического влияния в странах Азии и гаранта общей безопасности в регионе. Были подписаны ряд международных договоров о военно-политическом сотрудничестве: АНЗЮС, СЕАТО, АНЗАМ. Они предусматривали самую тесную координацию усилий по укреплению обороноспособности стран-участниц, созданию системы региональной безопасности и противостояния коммунизму. Состав этих блоков как бы уравнивал положение АС между прежней опорой – Содружеством наций – и новыми региональными союзниками. Подчиняясь обязательствам, закрепленным в рамках перечисленных договоров, АС принимал участие в ряде вооруженных конфликтов, разразившихся в те годы. Самыми продолжительными стали вооруженные операции в Малайе в 1950 – 1962 гг., в 1950 – 1953 гг. Австралия участвовала в войне в Корее. В 1962 г. 30 военных советников из АС прибыли на помощь армии Южного Вьетнама, в 1965 г. было принято решение об отправке сюда первых австралийских воинских подразделений. В рамках военного партнерства с США на территории АС были размещены американские военные базы: Норд Вест Кейп, Пайн Гэп. Наряду с вооруженными методами противодействия коммунизму укреплялись связи с соседями по региону. Несмотря на сохранявшиеся в обществе предубеждения по отношению к японцам, в 1952 г. был подписан и ратифицирован мирный договор с Японией. Австралия активно участвовала в политике деколонизации. В январе 1950 г. министры

иностранных дел стран Содружества в ходе консультаций в г. Коломбо на о. Цейлон предложили создать схему, по которой двусторонняя помощь оказывалась развивающимся странам Южной и Юго-Восточной Азии. Впоследствии эта инициатива получила название «план Коломбо», и к 1954 г. к семи государствам-инициаторам присоединились страны указанного региона, а также США [89].

Общим итогом деятельности Р. Мензиса и всего послевоенного развития Австралии стало ее превращение в крупное индустриально-аграрное государство, реально претендовавшее на роль лидера в Южно-Тихоокеанском регионе.

Последние годы жизни

Глава австралийских либералов ушел в отставку добровольно в ореоле славы, обладая непререкаемым авторитетом в стране. Королева Елизавета II за верную службу возвела Мензиса в рыцарское достоинство и удостоила целого ряда британских наград; в 1973 г. он получил от японского правительства орден Восходящего Солнца I класса; перечень его регалий можно продолжить. Всю свою жизнь этот человек был «глубоко британским и глубоко консервативным» [90]. Противники Мензиса и критиковали главным образом его «монархизм и приверженность всему британскому», но успех этого политика как раз и состоял в «его беспрецедентной способности выразить и использовать консерватизм австралийского народа» [91], который он ощущал как никто другой. Поэтому даже обозреватели левого толка признают, что никто ни до

него, ни после не смог добиться столь полного личного доминирования в общественной жизни АС.

После отставки в январе 1966 г. Р. Мензис поселился в Мельбурне и часть года проводил в замке Уолмер в графстве Кент. Он путешествовал по США, где по приглашению Университета Вирджинии прочел цикл лекций, а также опубликовал два тома своих воспоминаний. Уход с поста премьер-министра негативно сказался на его здоровье: в 1968 и 1971 гг. Мензис перенес два сердечных приступа, инсульт практически обездвижил его физически, после чего общественную деятельность пришлось прекратить. Он, видимо, тяжело переживал пертурбации в ЛПА и споры вокруг лидерства и проблемы выбора нового политического курса в среде своих бывших соратников. Во время долгой болезни Мензиса Санта-мария, навещавший его регулярно, говорил, что тот на рубеже 1960 – 1970-х гг. перестал голосовать за Либеральную партию: «Действительно, позднее он сказал мне – потому что я встретился с ним только после того, как он оставил пост премьер-министра – что он дважды голосовал за ДЛП» в 1969 и 1972 гг. и однажды прислал 150 фунтов стерлингов в фонд этой партии [92]. Усиление правых в ЛПА не радовало его, и «по мере того, как он подходил к концу своей жизни, Мензис был не раз готов заявить, что Либеральная партия, возможно, изжила себя, и что ее конец лишь был отложен, но не полностью предотвращен избранием Малколма

Фрейзера» [93]. В 1975 г. Мензис, что подтверждали члены его семьи, голосовал за него, а когорта правых либералов с их рыночным подходом не находила у него одобрения.

Он умер в Мельбурне в мае 1978 г. от инфаркта и был удостоен государственных похорон. По словам К. Хейзелхерста, ко времени его кончины «выросло новое поколение взрослых австралийцев, слишком молодое, чтобы иметь что-то еще помимо фрагментарных впечатлений о его карьере». Несмотря на официальные траурные сообщения о его смерти, «нация демонстративно не скорбела ... Факт в том, что Мензис, в отличие от Уинстона Черчилля, никогда не пользовался симпатией большинства своих соотечественников» [94].

Тем не менее, по словам известного публициста Р. Манна, «для многих австралийцев эра Мензиса – с ее спокойным оптимизмом, полной занятостью, постоянно растущим уровнем жизни, хорошо сбалансированной... экономикой, расширением университетов, расцветом искусств, удивительными успехами в спорте – выглядит неким золотым веком» [95]. Критики приписывали успех этого политика исключительно условиям послевоенного бума, бездарности лидеров АЛП и антикоммунистическим настроениям периода «холодной войны», которые он использовал в своих целях. Но его репутация среди консерваторов была ничем незапятнанной, и он остался одним из величайших героев Либеральной партии [96]. А его

политический курс, который условно можно определить как «консерватизм с человеческим лицом» – умение отстаивать свою точку зрения и идти вперед	при сохранении сделанного предшественниками и без коренной ломки базы общественного устройства – в каком-то смысле можно считать образцовым.
---	--

Библиографические ссылки

1. См.: <http://menziesbyhoward.moadoph.gov.au> (дата обращения: 18.07.2016).
2. Democracy is about the people, not the parties. By Tim Dunlop. Posted Thu 10 Apr 2014. URL: <http://www.abc.net.au/news/2014-04-10/dunlop-democracy-is-about-the-people-not-the-parties/5381038> (дата обращения: 22.06.2016).
3. The recidivism of our gnarled conservatism. By ABC's Jonathan Green. Thu 18 Sep 2014. URL: <http://www.abc.net.au/news/2014-09-18/green-the-recidivism-of-our-gnarled-conservatism/5752052> (дата обращения: 04.05.2016).
4. См., например: Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980 ; Вревский В. А. Либеральная и аграрная партии Австралии после второй мировой войны. М., 1976 ; Морозов С. Н. Австралийский колониализм. М., 1967.
5. Robert Menzies. URL: http://www.fact-index.com/r/ro/robert_menzies.html (дата обращения: 30.05.2016).
6. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. This article was published in *Australian Dictionary of Biography*, Vol. 15, (MUP). 2000. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/menzies-sir-robert-gordon-bob-11111> (дата обращения: 09.08.2016).
7. См.: Manning Clark C. A Short History of Australia. 1983. P. 206.
8. Hughes C. A. Australian Prime Ministers 1901 – 1972. Melbourne, 1976. P. 105.
9. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
10. См.: Hazlehurst C. Menzies Observed. Sydney, 1979. P. 28 – 29.
11. Menzies R. G. The Measure of the Years. Melbourne, 1970. P. 229.
12. См. подробнее: Скоробогатых Н. С. Вехи конституционного пути Австралии (1788 – 2000). М., 2006. С. 98.
13. См.: Manning Clark C. Op. cit. P. 206.
14. См.: Hazlehurst C. Op. cit. P. 28 – 29.
15. Hughes C. A. Op. cit. P. 106.
16. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
17. Подробнее см.: Manning Clark C. Op. cit. P. 206 – 207.
18. Цит. по: Hazlehurst C. Op. cit. P. 98.

19. Macintyre S. A Concise history of Australia. Cambridge, 2005. P. 185.
20. Подробнее см.: Ibidem. P. 186 – 187.
21. Rasmussen C. Kisch, Egon Erwin (1885 – 1948). Australian Dictionary of Biography Online Edition. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/kisch-egon-erwin-10755> (дата обращения: 28.02.2016).
22. Menzies R. The Measure of the Years. Sydney, 1970. P. 155.
23. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
24. Modern Australia in Documents. 1901 – 1939 / Ed. by Crowley F. K. Vol. 1. Melbourne, 1973. P. 589.
25. Hagan J. The History of the A.C.T.U. Melbourne, 1981. P. 107.
26. См., например: Hazlehurst C. Op. cit. P. 117.
27. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
28. Цит. по: Hazlehurst C. Op. cit. P. 138.
29. Материалы архива МИД АС доступны на сайте: Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade (далее DFAT). Historical Publications: (www.info.dfat.gov.au). 2 Mr R. G. Menzies, Attorney-General and Minister for Industry, to Mr J. A. Lyons, Prime Minister. Letter MELBOURNE, 5 January 1939.
30. См. подробнее: Скоробогатых Н. С. Становление внешнеполитического курса Австралийского Союза в 1930-х гг. // Британские доминионы: история и современность. Вып. 3. Красноярск, 2011. С. 5 – 27.
31. Whittington D. The House Will Divide. A Review of the Australian Federal Politics. Melbourne, 1969. P. 53, 68.
32. Jeanson D. Australia's Party System. Sydney, 1989. P. 23.
33. Hazlehurst C. Op. cit. P. 162.
34. Edwards C. Bruce of Melbourne. Man of Two Worlds. L. : HEINEMANN, 1965. P. 268 – 269.
35. Fadden A. They called me Artie. The memoirs of A. Fadden. Milton, 1969. P. 82.
36. 73 Broadcast Speech by Mr R. G. Menzies, Prime Minister. Extract 26. April 1939 // DFAT.
37. 156 Mr R. G. Menzies, Prime Minister, to Mr N. Chamberlain, U.K. Prime Minister. Cablegram unnumbered 27 August 1939 // DFAT.
38. Broadcast Message by Mr R. G. Menzies, Prime Minister. 3 September 1939, 9.15 p.m. // DFAT.

39. См.: Скоробогатых Н. С. Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений. Ч. 1. Военные угрозы и дипломатия // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXIV (ЮВА 2013-2014). М. : ИВ РАН, 2014. С. 129 – 151.
40. Edwards C. Op. cit. P. 293.
41. См. о нем подробнее: Famous Australians. Richmond, 1973. P. 438 – 446 ; The Bulletin. 2006. July 4. P. 67.
42. См.: Hagan J. Op. cit. P. 144, 176.
43. См. подробнее: Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век. М., 2015. С. 145 – 156.
44. Цит. по: Hagan J. The History of the A.C.T.U. Melbourne, 1981. P. 71.
45. Whittington D. The House Will Divide. A Review of Australian Federal Politics. Melbourne : Lansdowne Press, 1969. P. 81.
46. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
47. Barnard M. A History of Australia. Sydney, 1978. P. 557.
48. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
49. Цит. по: Hazlehurst C. Op. cit. P. 211.
50. См.: Скоробогатых Н. С. С. М. Брюс как дипломат // Дипломатия на Востоке и Западе: взгляд из Сибири : всерос. науч. конф. Иркутск, 13 мая 2016 г. : материалы. Иркутск, 2016. С. 176 – 194.
51. Menzies R. Afternoon Light. Melbourne, 1969. P. 57.
52. Цит. по: Hazlehurst C. Op. cit. P. 256.
53. Brett J. The Australian Liberals and the Moral Middle Class. From Alfred Deakin to John Howard. Cambridge, 2003. P. 14.
54. The Forgotten People: Robert Menzies. May 22, 1942. URL: <http://australianpolitics.com/political-parties/liberal/the-forgotten-people-robert-menzies-1942-speech> (дата обращения: 30.06.2016).
55. Цит. по: Hughes C. A. Australian Prime Ministers 1901 – 1972. Melbourne, 1976. P. 152.
56. Australian Conservatism. Essays in the Twentieth Century Political History. Ed. by Hazlehurst C. Canberra, 1979. P. 311.
57. Jeanson D. Op. cit. P. 29.
58. Whittington D. Op. cit. P. 129.
59. Menzies R. Afternoon Light. Melbourne. P. 57.
60. Подробнее: Hazlehurst C. Op. cit. P. 295, 299.

61. Robert Menzies. URL: http://www.fact-index.com/r/ro/robert_menzies.html (дата обращения: 18.05.2016).
62. Цит. по: Parliamentary Debates, vol. 193. P. 584 – 585.
63. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894 – 1978) by A. W. Martin. Op. cit.
64. Knightley P. Australia. A Biography of a Nation. L., 2001. P. 231.
65. Menzies R. G. Joint Opposition Policy – 1949. Sydney, 1949. P. 6.
66. Whittington D. Op. cit. P. 148.
67. См.: Скоробогатых Н. С. «Черный Джек» – Джон Макьюэн (один из столпов австралийского консерватизма XX века) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXIX (ЮБА 2014 – 2015). М. : ИВ РАН, 2015. С. 199 – 222.
68. Kelly P. The End of Certainty. The story of the 1980s. Sydney, 1992. P. 603.
69. Edwards C. Op. cit. P. 267.
70. Menzies R. G. The Measure of the Years. Melbourne, 1970. P. 35 – 36.
71. Цит. по: Hazlehurst C. Op. cit. P. 311, 314.
72. Pattie Menzies. URL: <http://www.primeministers.naa.gov.au/primeministers/menzies/spouse.aspx> (дата обращения: 21.07.2016).
73. Fadden A. Op. cit. P. 111.
74. Hughes C. A. Op. cit. P. 155.
75. The Australian Labour Party and Federal Politics. A Documentary Survey. Melbourne, 1976. P. 123.
76. См. об этом: Petrov Conspiracy Unmasked. ASIO's criminal activities revealed – Waterdate in Australia. Melbourne, 1973 ; Thwaites M. Truth will Out. ASIO and the Petrovs. Sydney, 1980.
77. BOB SANTAMARIA. Full interview transcript. URL: <http://www.australianbiography.gov.au/subjects/santamaria/interview1.html> (дата обращения: 17.05.2016).
78. См.: Manne R. Left Right Left. Political essays 1977 – 2005. Melbourne, 2005. P. 3.
79. Jeanson D. Op. cit. P. 28.
80. См.: Скоробогатых Н. С. Б. Сантамария как представитель правого крыла общественно-политической мысли Австралийского Союза в XX в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXVI (ЮБА 2014 – 2015). М. : ИВ РАН, 2015. С. 174 – 194.
81. Jeanson D. Op. cit. P. 30.
82. BOB SANTAMARIA. Full interview transcript. URL: <http://www.australianbiography.gov.au/subjects/santamaria/interview1.html> (дата обращения: 08.06.2016).
83. Menzies R. G. The Measure of the Years. Melbourne. P. 12.

84. См. подробнее: The Australian Economy in the Long Run. Cambridge, 1987. P. 79 – 132.
85. См.: Argy F. Where to from Here? Australian egalitarianism under threat. Canberra, 2003. P. 126.
86. BOB SANTAMARIA. Full interview transcript. URL: <http://www.australianbiography.gov.au/subjects/santamaria/interview1.html> (дата обращения: 25.04.2016).
87. Macintyre S. Op. cit. P. 207.
88. Menzies R. G. The Measure of the Years. Melbourne. P. 143 – 144.
89. См. подробнее: Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век. Гл. 4.
90. Ward R. Short History of Australia, Sydney, 1979. P. 177.
91. The Bulletin. 2006. July 4. P. 82.
92. BOB SANTAMARIA. Full interview transcript. URL: <http://www.australianbiography.gov.au/subjects/santamaria/interview1.html> (дата обращения: 27.04.2016).
93. Kelly P. Op. cit. P. 246.
94. Hazlehurst C. Op. cit. P. 382.
95. Mann R. Left Right Left. Political Essays 1977 – 2005. Melbourne, 2005. P. 88.
96. См.: Robert Menzies. URL: http://www.fact-index.com/r/ro/robert_menzies.html (дата обращения: 02.08.2016).

N. S. Skorobogatykh

ROBERT MENZIES AS THE FACE OF THE AUSTRALIAN CONSERVATISM OF THE MID-20TH CENTURY

The article deals with one of the greatest political figures of the Commonwealth of Australia – Robert Gordon Menzies, the founder and the most successful leader of the Liberal party of Australia, who headed the government of the country for a record long period – from 1949 to 1966. Up to our days his figure and activity have been the matter of intense controversy among historians of Australia, but for the right wing of Australian politics, he remains the ideal of the statesman of the mid-20th century prosperity epoch.

Keywords: The Commonwealth of Australia, the Liberal party of Australia, the Australian Labor Party, the Democratic Labor Party, the Communist Party of Australia, R. G. Menzies, B. Santamaria, G. V. Evatt, J. B. Chifley, A. Fadden.

ВЫСШИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ ВЕРМАХТА И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследование посвящено проблеме ответственности высшего генералитета немецкой армии за преступления, совершённые вермахтом в годы Великой Отечественной войны. На основе ряда воспоминаний и дневников немецких генералов автор прослеживает отношение к данной проблеме и её понимание высшими офицерами гитлеровской армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные преступления, верховное командование вермахта (ОКВ), верховное командование сухопутных сил (ОКХ), айнзатцкоманда, немецкий генералитет, нацизм, гражданское население, военнопленные.

«Теперь мне кажется, что я должна злиться на того ребёнка, которым я была, на то детское безрассудство, с которым я никак не могла понять, что за чудовища меня окружают.

Я не понимала, во что я ввязалась, как я могла так легко согласиться на это?

Я ведь не была убеждённой нацисткой.

Приехав в Берлин, я бы могла сказать: «Нет!

Я не согласна работать в штаб-квартире фюрера».

Но я не сказала, нет, любопытство оказалось сильнее.

Я просто не думала, что судьба заведёт меня так далеко, куда я ни за что бы не пошла по собственной воле.

И всё-таки очень трудно простить себя за это...».

*Траудль Юнге, секретарь А. Гитлера,
в предисловии к к/ф «Бункер»*

Проблема военных преступлений в годы Второй мировой войны представляет собой не только исключительно научную, но и общественно-политическую актуальность. Тенденция к примирению, разумеется, несёт в себе правильное направление в развитии отношений между государствами, однако в связи с непростой международной обстановкой именно это и заставляет учёных разных отраслей гуманитарных наук продолжать изучение проблем XX века. Пропаганда, ведущаяся отдельными

средствами массовой информации как за рубежом, так и у нас в стране, иной раз напоминая истерию предвоенных лет, заставляет задуматься о том, что непродуманные действия политиков и людей, формирующих общественное мнение, могут привести к самым неприятным последствиям.

Масштабы военных преступлений гитлеровских войск в странах Восточной Европы породили стремление большей части руководства этих войск всяческими способами отмежеваться от

этих зловещих событий того времени. Задачей настоящей статьи является попытка проследить отношение к преступным приказам верховного командования вермахта (ОКВ) и сухопутных сил (ОКХ), наиболее влиятельных в то время командующих немецких войск, занимавших высшие командные посты, а потому имевших прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Многие из числа немецких генералов оставили в послевоенные годы воспоминания, носившие, как это часто бывает с мемуарами, оправдательный характер. Сохранились и дневники некоторых представителей немецкого генералитета, которые, несмотря на свою субъективность и тенденциозность, позволяют посмотреть на заявленную в статье проблему в ином ракурсе, недаром же они были созданы «по горячим следам».

Историография военных преступлений Второй мировой войны насчитывает обширное количество книг и статей, написанных как отечественными, так и зарубежными исследователями. Более того, историографами выступили и некоторые немецкие военачальники, пытаясь отмежеваться в своих мемуарах от действий айнзатцкоманд. Данная проблема была вынесена как одна из важнейших на рассмотрение Нюрнбергского трибунала, а также последующие процессы, организованные США против ряда немецких военных. По итогам этих судов далеко не все из обвиняемых генералов были осуждены, в основном это касалось руководителей ОКВ (В. Кейтеля, А. Йодля). Однако ни это, ни объяснение своих действий выполнением приказа командования не

снимает с этих военных руководителей ответственность за свои действия. Тем более, что в отличие от рядовых солдат вермахта широта выбора, например, у генералов Э. Манштейна или Ф. Бока, была несравненно больше. Среди исследований роли немецкого генералитета в политике Третьего рейха особенно следует выделить монографию Л. Безыменского, в широком историческом ракурсе рассмотревшего влияние офицерского корпуса на политическую систему Германии не только во время Второй мировой войны, но также в довоенный и послевоенный периоды [1]. Отдельных важных аспектов этой проблемы касается в своём исследовании немецкий историк К. Штрайт, обративший в частности внимание на то, что внешнеполитические цели Гитлера в основном совпадали с устремлениями и мировоззрением немецкого офицерства [20, с. 70 – 87; 21, с. 239]. Жажду реванша среди немецкого генералитета, готового из-за этого следовать за нацистами, выделяли не только немецкие историки, но и генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс [16, 23, с. 152]. Широкое сотрудничество военнотружущих вермахта и СС, а также их участие в геноциде советских граждан рассматривал в своей монографии Н. Мюллер [17].

Безусловно, большая часть немецкого военного командования не была убеждёнными нацистами подобно генералу В. Рейхенау, но при этом они едва ли не в полной мере разделяли не только цели, но и методы ведения войны против Советского Союза. К наличию такого единства мнений следует добавить активную деятельность министерства

пропаганды Й. Геббельса, правда последняя была направлена в большей части на молодое поколение офицеров и солдат, у которых мировоззрение было сформировано ещё не до конца. С другой стороны, бесспорно и наличие сильной, но скрытой оппозиции в среде высшего немецкого генералитета, однако под влиянием успешных внешнеполитических актов А. Гитлера в предвоенные годы ушедших в отставку или отложивших свои действия до определённого момента. В числе таких оппозиционеров находился даже начальник штаба ОКХ Ф. Гальдер, что в то же время не мешало ему выполнять замыслы нацистов. Немецкий исследователь Рюруп отмечал: «Даже офицеры и солдаты, не разделявшие идей национализма, считали, что это «вечная борьба» германцев о защите европейской культуры от «азиатских орд», о культурном призвании и о праве господства немцев на Востоке» [14, с. 32]. И даже, более того, немцы «ничего не имели против создания Великой германской империи. Однако... они не видели пути, обещавшего успех в достижении этой заветной цели. Но его видел Гитлер. И когда позже этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти по нему», — отмечает другой немецкий историк С. Хаффнер [22, с. 70].

В послевоенные годы многие из немецких военачальников, переживших войну, в своих мемуарах не только старательно пытались переложить ответственность за поражение Германии на Гитлера и его окружение, но и всячески стремились обойти любые упоминания

о своих преступных как с точки зрения международного права, так и с точки зрения морали действиях того времени. С другой стороны, они отмечали воодушевлённость войск, что значило лишь то, что действия и приказы нацистов в большой степени совпадают с общими настроениями в армии. Так, генерал Ф. Бок в мае 1941 г. отмечал в дневнике: «Везде, где я только не бывал, войска производили на меня приятное впечатление: у военнослужащих цветущий и жизнерадостный вид» [2, с. 32]. В своих мемуарах ему вторил генерал Г. Гот, указывавший, что «вера в безусловное превосходство германской армии была непоколебима» [10, с. 36]. Немецкий историк В. Ветте указывал на чёткую сформированность образа врага в вермахте [4, с. 105]. Стоит лишь добавить, что в Красной армии такой чёткости в начале войны не было. Бойцы же вермахта руководствовались простыми и ясными формулировками, такими, например, как приказ генерала Гёпнера: «...борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью... Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...» [19, с. 62]. Его инструктаж представлял собой типичный пример мышления в духе «образов врага», в котором антиславянские, антирусские, антибольшевистские и антисемитские элементы пропаганды слились в одну взрывоопасную смесь [4, с. 105]. Тот же Ф. Гальдер в своём дневнике походя, отмечая желание немецкого руководства о расчленении на несколько частей

советского государства, разделял идею, что «Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника» [8, с. 429].

Однако нам интересны здесь не только лишь дневниковые утверждения, изначально не предполагавшие своего открытого оглашения, а отношение немецкого генералитета к наиболее одиозным приказам последних предвоенных недель, которые ставили советских политических комиссаров и военных руководящих работников вне закона, а советских военнопленных на грань гибели. 12 мая 1941 года ОКХ издал приказ об «Обращении с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками», а 6 июня вдогонку были изданы «Указания об обращении с политическими комиссарами» [5]. Сами представители немецкого командного корпуса всячески принижали значение и роль этих приказов и недооценивали их как в годы войны, так и после её окончания. С точки зрения того же Ф. Гальдера: «Комиссары и лица, принадлежащие к ГПУ, являются преступниками, и с ними следует поступать как с преступниками. Поэтому командиры должны прочно держать в руках свои войска. Командир обязан отдавать свои приказы, учитывая настроения войск. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего» [5]. Рассчитывая

на скорую и безоговорочную победу в войне, немецкий генералитет был убеждён, что война спишет все их действия в свете ожидаемой победы, а гуманизм не в приоритете у прусской «военщины». При этом в послевоенные годы наиболее распространённым способом перевести с себя обвинения в преступлениях против человечности стала отсылка к указаниям А. Гитлера, который якобы издавал едва ли не все изуверские приказы. Однако весьма убедительно показал К. Штрайт в своём исследовании о судьбе советских военнопленных, что большая часть указаний об обращении с ними и их содержании в пересыльных и концентрационных лагерях издавалась помимо фюрера непосредственно командованием ОКВ и ОКХ [20, с. 75; 21, с. 239]. Таким образом, их оправдания как на Нюрнбергском процессе, так и в воспоминаниях послевоенного времени оказываются не только неубедительными, но и ложными, хотя некоторым из них и удалось в конечном итоге уйти от ответственности.

Э. Манштейн писал в воспоминаниях по поводу приказа о советских политработниках следующее: «за несколько дней до начала наступления мы получили приказ ОКВ, который позже стал известен под названием «приказа о комиссарах». Суть его заключалась в том, что в нем предписывался немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров Красной Армии — носителей большевистской идеологии. С точки зрения международного права политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих.

Они, конечно, не были солдатами. Я вряд ли стал бы рассматривать как солдата, например, гауляйтера, приставленного ко мне в качестве политического надзирателя. Но равным образом нельзя было причислить этих комиссаров к не участвующим в бою, как, например, медицинский персонал, военных священников или корреспондентов. Напротив, не будучи солдатами, они были фанатическими борцами, а именно борцами, деятельность которых по традиционным военным понятиям могла лишь считаться нелегальной. В их задачу входило не только осуществлять политический контроль над командирами, но и придать войне самый жестокий характер, который полностью противоречил прежнему пониманию ведения войны. Комиссары были как раз теми людьми, которые в первую очередь ввели те методы ведения войны и обращения с пленными, которые находились в явном противоречии с положениями Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны. Но какого бы мнения мы ни придерживались относительно статуса комиссаров с точки зрения международного права, их расстрел после взятия в плен в бою противоречил всяким представлениям о солдатской морали. Такой приказ, как приказ о комиссарах, по своему существу противоречил ей. Выполнение этого приказа угрожало не только чести войск, но и их моральному духу. Я был поэтому вынужден доложить моему начальнику, что в моих войсках этот приказ не будет выполняться. Я действовал при этом с согласия командиров частей и в своем корпусе так и поступал. Впрочем, естест-

венно, мои начальники были полностью согласны с моим мнением... Когда я принял командование 11-й армией, выяснилось, что мое мнение разделялось почти во всех соединениях сухопутных сил. И в 11-й армии приказ о комиссарах не выполнялся. Небольшое число комиссаров, которые несмотря на это были расстреляны, не были взяты в плен в бою, а схвачены в тылу как руководители или организаторы партизан. С ними обращались поэтому согласно военному праву» [15, с. 193 – 194]. Весьма показательны оправдания «лучшего оперативного ума» немецкого Генштаба, ведь преступления, в которых якобы повинны комиссары, ещё не совершены, а приговор людям уже вынесен приказом по вермахту. Также трудно поверить в игнорирование немецким генералом воли и прямого требования А. Гитлера и военного приказа, но есть и прямые свидетельства того, что фельдмаршал в мемуарах лжёт [5]. На Нюрнбергском трибунале были приведены доказательства, что Э. Манштейн командовал соединениями, которые исполняли такие приказы. По этому поводу имелись не только живые свидетели, но и отдельные тексты приказов за его подписью. Так, в своём приказе по армии от 20 ноября 1941 года, который был доведён до полков и батальонов, он описал фактическое положение на фронте в виде следующего пассажа: «Еврейство выступает в роли посредника между врагом в тылу и ещё сражающимися остатками Красной армии и красным командованием... Немецкий солдат выступает как «носитель национальной идеи

и как мститель за все жестокости, проявленные по отношению к нему и всему немецкому народу. Солдат должен проявить понимание суровой кары над еврейством, духовным носителем большевистского террора. Она также необходима, чтобы в зародыше подавить все восстания, к которым подстрекают евреи» [4, с. 107 – 108]. Не остались без внимания трибуналы и его настоятельные просьбы к СД о скорейшем освобождении для подчинённых ему войск жилища силами айнзатцкоманд для расквартировки и постоя.

Потому в утверждениях генерала можно согласиться лишь с тем, что расстрелы пленных подрывают моральный дух и дисциплину собственных солдат. Это можно считать изъяном в моральной подготовке немецких солдат к войне, но это могло проявиться лишь в ходе войны, а перед её началом это скорее всего было преимуществом морально-психологической подготовки войск.

Генерал-полковнику Х. Гудериану тоже приходится оправдываться в своих воспоминаниях. Он пишет, что «приказ, также получивший печальную известность, так называемый «приказ о комиссарах», вообще никогда не доводился до моей танковой группы. По всей вероятности, он был задержан в штабе группы армий «Центр». Таким образом, «приказ о комиссарах» тоже не применялся в моих войсках [11, с. 67]». Генерал в своих мемуарах всячески стремится обелить себя и вермахт и в данном случае тоже пишет неправду наравне с Э. Манштейном. Отмечая, что над немецкими генералами проводились судебные разбирательства по поводу

исполнения этих приказов, Х. Гудериан умалчивает, что и в его войсках они исполнялись, что было показано на Нюрнбергском трибунале военными служащими разных сторон, в том числе и немцами. Блюментритт [3], Г. Гот [10] и Мюллер-Гиллебрандт [18] вообще ни слова не говорят об этих творениях ОКВ, а генерал-фельдмаршал В. Кейтель на Нюрнбергском трибунале оправдывается, доказывая, что «это не приказ. Это – просто докладная записка из отдела обороны страны с замечанием о том, что недостаёт ещё соответствующих решений фюрера» [12, с. 324]. В. Кейтель вообще стремится свести всю свою деятельность на посту начальника штаба вермахта к роли чуть ли не обычного делопроизводителя, который лишь подписывал приказы, приносимые ему А. Гитлером [13]. Но не логичнее было бы покинуть свой пост под каким-либо предлогом, если не разделяешь действия и приказы нацистского руководства, тем более отдельные примеры таких действий со стороны немецкого генералитета имелись, хотя и были исключением.

Разумеется, не из соображений гуманности они считали эти приказы вредными для Германии, а с той точки зрения, что это нецелесообразно и опасно – отступать от норм международного права для самих немцев. Так, например, руководитель абвера адмирал Канарис со своими «Заметками относительно распоряжения об обращении с советскими военнопленными» и имперский министр по делам оккупированных территорий Розенберг независимо выступили с обращением в адрес В. Кейтеля [5]. При

этом Канарис критиковал приказ «не только с точки зрения нарушения международного права, но и выдвигал весомые политические и военные обоснования» [20, с. 75]. В. Кейтель же пытался убедить обвинителя от СССР на трибунале, что «разделял, в общем, сомнения Канариса», но вот резолюция генерала, представленная в Нюрнберге советской стороной, говорила об обратном. «Здесь речь идёт об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их» [12, с. 329]. Но генерал продолжал оправдываться и доказывал, что «считал целесообразным то, чтобы части вооружённых сил не знали ничего о деятельности этих команд» [12, с. 330]. В действительности значительная часть вермахта не только знала о деятельности айнзатцгрупп СС, но и взаимодействовала с ними [5].

В условиях послевоенных лет попытка оправдания характерна не только для бывших военачальников вермахта, но и отдельных представителей немецкой историографии. Так, В. Гёрлиц пытается переложить вину как за развязывание войны, так и за систему преступных действий войск едва ли не на одного Гитлера, а по поводу советских военнопленных пишет: «Между тем Гитлер обращался с дезертирами как с военнопленными и запретил отправлять советских военнопленных в лагеря рейха» [9, с. 407]. Складывается впечатление, будто А. Гитлер лично расстреливал советских военнопленных, а не немецкие солдаты делали это. Но далее В. Гёрлиц пишет: «Число пленных росло в геометрической прогрессии. Не было возможности обеспечить всех

продовольствием, поэтому многие умирали от голода» [9, с. 409]. Тот же К. Штрайт при этом обращал внимание, что немецкое военное командование в принципе ничего не предпринимало для спасения жизни советских военнопленных [20, с. 70 – 87].

Наиболее одиозен же был другой приказ по вермахту, определявший военную подсудность гражданского населения в зоне «Барбаросса». Первый пункт первого раздела директивы изымает из юрисдикции немецких военных и военно-полевых судов все преступления, совершаемые гражданами нашей страны, которых эта директива с ходу обозначает как «враждебные гражданские лица». Заметим, что здесь не идет речи ни о «коммунистических элементах», ни о «сотрудниках НКВД» или ком-то подобном. Все граждане СССР поголовно отнесены к враждебным гражданским лицам. Третий пункт директивы предписывает войскам всех, кто совершает нападения на них, уничтожать немедленно с применением крайних мер. Четвертый пункт отчетливо и однозначно определяет, кому предоставляется полное право вершить суд и расправу над гражданами СССР вплоть до применения расстрела. Таким согласно приказу становится любой немецкий офицер. Более того для этого не требуется разбирательство, расследование и даже достаточно четкое определение – совершал ли этот человек преступление или нет. Выбор мер также оказывался невелик – расстрелять или не расстрелять. Само собой никакой демократической процедуры суда не предусматривалось. Прокуроры,

адвокаты, презумпция невиновности, право на обжалование отсутствовали. Немецкий офицер здесь высшая судебная инстанция и приговор его окончательный. Любое его решение автоматически считается правоммерным и законным. Пункт пятый директивы запрещает сохранять жизнь подозреваемому до момента, пока в данной местности будет установлена судебная власть. Офицер должен расстрелять подозреваемого, даже если сомневается в его виновности. Более того, пункт третий позволяет немецкому офицеру в должности командира батальона и выше осуществлять массовые репрессии в отношении целых населенных пунктов. И только когда командующий группой армий решит, что та или иная местность достаточно усмирена, то с согласия командующих военно-воздушными и военно-морскими силами, действующими на данной территории, он может ввести систему военных судов для местного населения, а может и не вводить. Итак, вся юстиция для местного населения на оккупированных территориях, весь закон, все право по гитлеровской директиве зиждется на настроении немецкого офицера. Второй раздел регулировал отношения к преступлениям немецких военнослужащих против местного населения. Этот раздел обнажает всю суть отношения немецкого государства к преступлениям своих военнослужащих на оккупированной территории. Согласно этому разделу приказа судить солдата за преступления можно только в том случае, если он своими действиями принес вред своим войскам. Директива предписывает верить

немецкому солдату, а не «враждебным гражданским лицам». Таким образом, соответствующий раздел директивы полностью отдавал население во власть немецких солдат. В отношении местного населения для немцев нет никаких сдерживающих произвол правил [6].

Э. Манштейн, Г. Гот и Мюллер-Гиллебрандт не посвятили места в своих мемуарах этому приказу. Если в отношении последних двух можно сказать, что в своих работах генералы не посвящали места вопросам отношений с военнопленными и местными жителями, то первому, видимо, либо нечего сказать в своё оправдание, либо он решил ограничиться сообщением о тех приказах, которые были рассмотрены в предыдущем разделе. Генерал Блюментритт же лишь замечает, что «как отнесётся к нам гражданское население России, мы не знали. В 1914 – 1918 гг. русское население относилось к нам мягко и лояльно. Однако никто не мог сказать, насколько оно изменилось за эти годы» [3, с. 71]. Может быть, генерал не знал об этом приказе, нет, просто не считает нужным о нём говорить. Однако, только прочитав этот приказ, становится ясно, что население, если не сразу, то вскоре, после того как оккупанты приходили на определённую территорию, было, мягко говоря, не в восторге от принесённой ему «свободы». В. Кейтель вновь говорит, что «Гитлер отдал этот приказ мне, и я поставил свою подпись» [12, с. 323]. Если учесть, что приказ издан 13 мая, то можно констатировать, что убийство людей планировалось немецким руководством заранее. В. Кейтель же при этом свидетельствует: «Социалистиче-

ские идеи в нынешней России уже невозможно искоренить. Эти идеи могут послужить внутривойсковой основой при создании новых государств» [13, с. 104]. Генерал Ф. Бок пишет по этому поводу в своём дневнике: «Верховное главнокомандование издало приказ, регулирующий отношения наших вооружённых сил и гражданского населения в России. Фактически он даёт право каждому солдату пристрелить любого гражданского, который «похож» или «кажется похожим» на партизана... Браухич издал сопроводительный документ к этому приказу, намереваясь ослабить категоричность некоторых формулировок, но, как мне кажется, не слишком в этом преуспел... Я попросил Грейффенберга, который находился в это время в ОКВ, выяснить, сильно ли изменяют эти «специальные разъяснения» смысл приказа. Если нет, Грейффенберг должен от моего имени заявить Главнокомандующему, что приказ в его нынешней форме неприемлем и несовместим с воинской дисциплиной» [2, с. 38]. С одной стороны, понятно, что фон Бока как командующего заботит прежде всего воинская дисциплина, но, с другой стороны, он не мог не понимать, что такие действия вермахта повлекут за собой далеко идущие последствия. Но вот получив разъяснения, фон Бок удовлетворён и уже через три дня записывает в дневнике: «Это означало, что полевым войскам всё-таки будет позволено наказывать гражданское население! Что же касается офицеров из военно-полевых судов, то им в каждом конкретном случае придётся решать,

содержат ли подобные действия состав преступления или нет. При этом вопрос поддержания дисциплины будет играть в принятии решения определяющую роль! Что ж, с такой трактовкой приказа я согласен» [2, с. 40 – 41]. Немца абсолютно не заботит гражданское население, ему важна дисциплина в войсках. Хотя, если считать, что немцы уверены в своей победе, становится ясно, что судьба гражданского населения их не волнует, так как они уверены, что и наказания за это не понесут, а издержки от усиления сопротивления населения и его помощи партизанам будут ничтожно малы по сравнению с итоговой победой.

В похожем ключе высказывается и Х. Гудериан. Вот что он говорит: «Незадолго до начала войны на востоке непосредственно в корпуса и дивизии поступил приказ верховного командования вооружённых сил относительно обращения с гражданским населением и военнопленными. Этот приказ отменял обязательное применение военных законов к военнопленным, виновным в грабежах, убийствах и насилиях гражданского населения и военнопленных, и передавал наложение наказания на усмотрение непосредственных начальников и командиров. Такой приказ мог способствовать лишь разложению дисциплины. Очевидно, такое же чувство он вызвал и у главнокомандующего сухопутными силами, так как фельдмаршал фон Браухич приложил к приказу инструкцию, позволяющую не применять этот приказ в том случае, если он создает опасность подрыва дисциплины.

По моему мнению и по единодушному мнению моих командиров корпусов, приказ заранее создавал такую опасность, поэтому я запретил его рассылку в дивизии и распорядился отослать его обратно в Берлин. Этот приказ, которому впоследствии суждено было сыграть видную роль на процессах над немецкими генералами, проводившихся нашими бывшими противниками, никогда не применялся в моей танковой группе. В свое время я по долгу службы доложил командующему группой армий о невыполнении этого приказа... Война и без этих строгих приказов легла достаточно тяжелым бременем на плечи населения страны противника, которое так же, как и население нашей страны, не было в ней повинно» [11, с. 205]. Генерал-полковник несколько себе противоречит, его всё-таки несколько волнует гражданское население, если он не лукавит, но вопросы дисциплины для него всё равно на первом месте. Так же, как фельдмаршал Э. Манштейн, Х. Гудериан пытается нас убедить, что приказ не выполнялся в соединениях, которыми он командовал.

Гальдер 17 марта отмечает, что «насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан. В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится» [9, с. 410].

По воле политического и военного руководства Германии война на Востоке изначально рассматривалась не как военный конфликт традиционного образца, ведущийся по правилам международного военного права и согласно традициям «рыцарской борьбы», а как расово-идеологическая война на уничтожение, в которой эта принятая система правил теряла силу [4, с. 99]. Принципиальное отличие войны нацистской Германии против СССР состояло в том, что в ней Германия преследовала особые цели и вела её особыми методами. Для достижения этих целей гитлеровцы отказались от соблюдения каких бы то ни было правил ведения войны, моральных норм и проводили откровенную политику геноцида [7, с. 142]. Немецкие генералы знали, что война будет вестись на уничтожение, вели её на уничтожение сознательно, более того в большинстве своём они разделяли мнение на такое ведение войны.

Эти одиозные приказы шли вразрез с нормами международного права и обычаями войн. В значительной степени своими такими действиями гитлеровцы не столько подавляли волю к сопротивлению народов Советского Союза, а консолидировали людей. Старания немецкого генералитета отделить себя от действий нацистов в свете имеющихся источников и свидетельств оказались бесполезны. Таким образом, у нас нет оснований утверждать, как делает тот же В. Гёрлиц, что «вскоре борьба с большевизмом превратилась в

истребление и порабощение славянских народов, и это было роковой ошибкой восточной кампании» [9, с. 457]. Это была не ошибка, а целенаправленная

планомерная политика, которая была составной частью войны Германии с СССР, не будь этой политики, не было бы и войны с СССР.

«Конечно, на Нюрнбергском процессе я слышала страшные вещи о шести миллионах евреев и о других народах.

Узнав об этом, я испытала сильное потрясение, но я не видела связи с моим собственным прошлым.

Я радовалась, что лично мне не в чем себя упрекнуть, я ведь ничего не знала об этом. Но однажды мне попала на глаза мемориальная доска на улице Франца-Иосифа в честь девушки по имени Софи Шолль.

Она родилась в один год со мной. И в тот же год, когда я устроилась на работу к Гитлеру, её казнили.

И только в эту минуту я поняла, что молодость не может служить оправданием. Стоило лишь захотеть, во всём можно было разобраться».

Траудль Юнге в послесловии к к/ф «Бункер»

Библиографические ссылки

1. Безыменский Л. Германские генералы – с Гитлером и без него. М. : Мысль, 1964. 533 с.
2. Бок Ф. «Я стоял у ворот Москвы». Дневник командующего группой армий «Центр» / пер. с нем. А. Кашина ; предисл. А. Исаева. М. : Яуза : Эксмо, 2009. 512 с.
3. Роковые решения Вермахта / Вестфаль [и др.]. Смоленск : Русич, 2001. (Мир в войнах). 355 с.
4. Ветте В. Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война (взгляд из Германии) / ред.-сост. А. В. Исаев. М. : Яуза : Эксмо, 2008.
5. Веремеев Ю. Г. Приказ о комиссарах. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/prik-komissar.shtml> (дата обращения: 30.06.2016).
6. *Он же*. О военной подсудности в зоне «Барбаросса». URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/barbarossa.shtml> (дата обращения: 30.06.2016).
7. Вишлёв О. В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М. : Наука, 2001. 230 с.
8. Гальдер Ф. Военный дневник. М. : Воениздат, 1968. 512 с.
9. Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. М. : Центрполиграф, 2005. 478 с.
10. Гот Г. Танковые операции. Смоленск : Русич, 1999. 340 с.
11. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск : Русич, 1999. 390 с.

12. Картье Р. Тайны войны. После Нюрнберга. М. : Вече, 2005. 455 с.
13. Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск : Русич, 2000. 592 с.
14. Кожин В. В. Великая война России. Почему непобедим русский народ? М. : Вече, 2006. 550 с.
15. Манштейн Э. Утерянные победы : пер. с нем. / худож. А. Шуплецов. Смоленск : Русич, 1999. 586 с.
16. Марковчин В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М. : Детектив-Пресс, 2000. 220 с.
17. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 2010. 387 с.
18. Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Вермахта 1933 – 1945. Т. 3. М. : Изогграфус : Эксмо, 2002. 800 с.
19. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза / под ред. П. А Жилина. М. : Наука, 1987. 302 с.
20. Штрайт К. Советские военнопленные в Германии // Вторая мировая война (взгляд из Германии) / ред.-сост. А. В. Исаев. М. : Яуза : Эксмо, 2008. С. 70 – 87.
21. *Он же*. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941 – 1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М. : Русское историческое общество, 2009. 480 с.
22. Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. М. : Прогресс, 1972. 144 с.
23. Энгельберг Э. О теории упущенных возможностей в вооружении Германии // Вторая мировая война (взгляд из Германии) / ред.-сост. А. В. Исаев. М. : Яуза : Эксмо, 2008. С. 145 – 160.

I. S. Tryakhov

**SUPREME WEHRMACHT GENERALS AND WAR CRIMES
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Research is devoted to the problem of the responsibility of the German army top generals for the crimes committed by the Wehrmacht during World War II. On the basis of a number of memoirs and diaries of German generals, the author traces Hitler's army senior officers' attitude and understanding of this problem.

Keywords: the Great Patriotic War, war crimes, the High Command of the Wehrmacht (OKW), the supreme command of the land forces (OKH), Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, German generals, Nazism, civilians, prisoners of war.

**ГЛАГОЛЫ С ПРИСТАВКАМИ ПРЕ- И ПЕРЕ- В СПИСКАХ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»**

В статье предпринята попытка на базе сопоставления по 6 основным спискам ПВЛ совпадающих случаев, а также разночтений в употреблении глаголов с приставками *пре-* и *пере-*, определить, в каком направлении осуществлялись изменения в использовании глаголов с гетерогенными приставками в списках, различающихся местом (северо-восток, запад, юго-запад и юг Древней Руси) и временем (XIV – XVII вв.) своего создания.

Ключевые слова: книжнославянизмы, русизмы, глаголы с приставками *пре-* / *пере-* и *при-*, разночтения, варьирование языковых средств.

«Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), отметившая 900-летие со времени своего создания, по-прежнему вызывает живой интерес у историков, лингвистов (см. [8, 10 – 12, 17] и др.) Этот высокохудожественный памятник раннего Средневековья, сохранявший авторитетность для целых поколений последующих летописцев, без преувеличения может быть определён как своеобразная творческая лаборатория, заложившая основы того типа древнерусского литературного языка, который характеризуется широким совмещением элементов высокой церковнославянской книжности и разговорной восточнославянской речи. Поэтому исследование особенностей преломления присущих данному памятнику принципов отбора языковых средств в его основных списках, на наш взгляд, даёт достаточно надёжный фактический материал для решения ряда общетеоретических вопросов, касающихся происхождения и развития древнерусского литературного языка.

Цель данной статьи – сопоставить по 6 спискам ПВЛ (Лаврентьевскому, Радзивилловскому, Академическому, Ипатьевскому, Хлебниковскому и Погодиному) совпадающие случаи, а также разночтения в употреблении глаголов с приставками *пре-* и *пере-* и определить характер различий в использовании глаголов с гетерогенными приставками в списках разной территориальной (северо-восток, запад, юго-запад и юг Древней Руси) и временной (XIV – XVII вв.) приуроченности. По особенностям отражаемых редакций ПВЛ эти списки образуют две группы – Лаврентьевскую (Л, Р, А) и Ипатьевскую (И, Х, П). В древнерусском языке данные глаголы составляли весьма обширную группу лексем с гетерогенными морфемами. В «Словаре древнерусского языка» (далее – СДРЯ) представлено 396 глаголов с книжной приставкой *пре-*, некоторые из которых имели весьма высокую частотность употребления: *пребывати* ~1000, *пребыти* ~1000, *предати* 813, *преставитися* 458, *преити* 364, *пре-*

зърѣти 263, преходити 233, преоби-
дѣти 226 и др. [7, т. 8]. В Л-списке ПВЛ
[4] зафиксировано 42 глагола с непол-
ногласной приставкой, что составляет
10,6 % от количества этих глаголов в
СДРЯ. К числу наиболее частотных от-
носятся глаголы *преставитися 33, пре-
дати 20, пребывати 18, предатися 12,
преступати 10, преступити 10*. Глаго-
лы с книжной приставкой в Л- упо-
треблены 179 раз, т. е. их средняя ча-
стотность равна 4,3.

Глаголы с исконной приставкой *пере-*
в СДРЯ ограничиваются 92 единицами,
причём 48 из них, т. е. немногим больше
половины, имеют соотносительные гла-
голы с приставкой *пре-*. В ПВЛ зафик-
сировано 11 глаголов с полногласной
приставкой, что составляет 12 % от ко-
личества таких глаголов в СДРЯ. 5 гла-
голов из 11 имеют соотносительные пары
с неполногласной приставкой: *переда-
тися 3 – предатися 12, переити 4 – пре-
ити 6, перенести 1 – пренести 2, пе-
рещдѣти 1 – прещдѣти 3, переяти 13 –
преяти 2*. Два последних глагола явля-
ются единственной парой, в которой
частотность употребления глагола с
полногласной приставкой заметно пре-
вышает частотность книжнославянизма.
Глаголы с приставкой *пере-* употреб-
лены в ПВЛ 31 раз, т. е. их частотность
равна 2,8.

В своём исследовании мы исходим
из признания того, что в древнерусских
памятниках раннего Средневековья
книжнославянизмы (в нашей статье это
лексемы, включающие старо- или цер-
ковнославянские морфемы) были обыч-
ными элементами книжного повество-
вания, употребление которых не нужда-
лось в особой мотивировке. При этом
уже тогда в контекстах народно-литера-

турного типа (ср. с типами древнерус-
ского литературного языка у В. В. Ви-
ноградова [9]) вырабатывались стан-
дартизованные случаи использования
русизмов. К ним можно отнести семан-
тическую дифференциацию между ра-
нее соотносительными книжнославя-
низмами и русизмами; соотнесённость
с устойчивыми словосочетаниями-
формулами, отражающими особенно-
сти древнерусского быта и этикета;
употребление в составе претендую-
щих на документальность речей; ис-
пользование с целью варьирования
языковых средств; связь с новгород-
скими источниками и др. [15, 16]. При
обработке фактического материала
мы старались по возможности опреде-
лять причины выявленных разночте-
ний, но ввиду заранее заданного объ-
ёма статьи эта часть нашего исследо-
вания в основном остаётся «за кад-
ром». Более подробно представлены
результаты количественного анализа
совпадающих случаев и разночтений в
употреблении анализируемых глаго-
лов, поскольку количественные пока-
затели зачастую уже сами по себе яв-
ляются «информацией к размышле-
нию». Исходя из данных Л, мы указы-
ваем количество анализируемых гла-
голов в ПВЛ (в таблице это первое
число во 2-й графе, выделенное полу-
жирным шрифтом) и в СДРЯ (число
после косой линии), а также количе-
ство разночтений с данным глаголом в
списках памятника (3-я графа). Для
глаголов с приставкой *при-* приво-
дится количество употреблений в раз-
ночтениях, а в круглых скобках – в це-
лом в ПВЛ. Отсутствие разночтений
обозначается длинным тире. Рассмотрим
данные таблицы.

Разночтения в употреблении глаголов с приставками *пре-* / *пере-* и *при-* в списках «Повести временных лет»

Лаврентьевский список (1377 г.)			Разночтения		
Глаголы	Всего		Р, А (XV в.)	Ипатьевский список (1425 г.)	Х, П (XVI – XVII вв.)
	глаголов	разно- чтений			
1. презрѣти	2/ 263	1	–	перезрити 1	–
прекреститися	1/ 7*	1	–	перекреститися	–
престояти	1/ 118	1	перестояти	перестояти	перестояти
преступати	10 + 2 / 143	4 + 2	–	переступати 3	переступати 3
Текстологическое различие			преступати 2	переступати 2	переступати 1
преступити	10/ 171	3	переступити 1	переступити 2	переступити 2
претребовати	1/ 12	1	–	перетребовати	перетребовати
2. перевезтися	3/ 6*	3	превезтися	–	–
пережечи	2/ 4*	1	прежечи	–	–
перерѣзати	1/ 2*	1	прерѣзати	–	–
3. предатися	12/ 75	3	–	передатися 2	передатися 1
передатися	3/ 16	3	предатися 3	–	–
пренести	2 / 22	2	принести А	принести 2	–
перенести	1/ 9	1	принести	–	–
4. преити	6/ 364	1	при(и)ти А	переити	–
переити	4/ 80	4	преити 3	при(и)ти 2	преити 2
при(и)ти	1 (330) / ~5000	1	превезъше	переити	при(и)ти
преяти	2/ 60	2	прияти 1	прияти	прияти
перести	13/ 27	12	прияти 10	перести	–
прияти	2 (105) / > 4000	2	преяти 1 Р-	прияти 7	прияти 7
5. приложити	1 (3) / 514	1	преложити	переложити	преложити
приѣхати	1 (9) / 360	1	–	перѣхати	перѣхати
Всего	74 + 2; 457	44 + 2; 5			
с <i>пре-</i>	10 (47)	19 (40 %)	14 (60) Р 13 (57) А	5 (32)	10 (44)
с <i>пере-</i>	7 (27)	25 (93 %)	2 (2)	15 (38)	12 (28)
с <i>при-</i>	4 (5 / 457)	5 (1 %)	4 (23) Р 5 (26) А	3 (11)	2 (9)

1. Из таблицы видно, что в разночтениях представлено (1) шесть глаголов с приставкой *пре-* (**презрѣти**, **прекреститися**, **престояти**, **преступати**, **преступити**, **претребовати**), (2) три глагола с приставкой *пере-* (**перевезтися**,

пережечи, **перерѣзати**), (3) две пары соотносительных глаголов с приставками *пре-* / *пере-* (**предатися** / **передатися**, **пренести** / **перенести**), (4) две группы глаголов с приставками *пре-* / *пере-* и *при-* (**преити** / **переити** /

при(и)ти, прѣяти / перѣяти / прияти) и (5) два глагола с приставкой *при-* (*приложити, приххати*), т. е. всего 17 глаголов с маркированными приставками, 7 из которых имеют полногласную приставку, и 4 – с нейтральной приставкой *при-*. Перечисленные глаголы с гетерогенными приставками в Л употреблены 74 раза и входят в 44 разночтения, из которых 40 % (19 примеров) составляют разночтения глаголов с неполногласной приставкой и 93 % (25 примеров) – с полногласной. Глаголы с нейтральной приставкой *при-* представлены в памятнике 457 примерами, но только в 5 случаях они образуют разночтения с маркированными глаголами.

2. Как показывает таблица, наиболее значимыми являются разночтения с И, где глаголам с приставкой *пре-*, как правило, соответствуют глаголы с полногласной приставкой: *презрѣти / презрѣти, прекреститися / прекреститися, престояти / перестояти, преступати (10) / переступати (3 + 2), преступити (10) / переступити (2), претребовати / перетеребовати, прѣити (6) / перѣити (1), прѣяти (2) / перѣяти (1)* и др. Рассмотрим более подробно особенности употребления некоторых глаголов. Так, глаголы *преступати* и *преступити* в Л представлены 20 примерами, причём преобладающими во всех анализируемых списках являются именно книжнославянизмы. Большинство примеров их употребления зафиксировано в устойчивых словосочетаниях-штампах книжного происхождения: *Ярославъ <...> заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня* Л-1054, 108; *преступи Исавъ заповѣдь отца своего* Л-1073, 122; *тако яша Всеслава <...> преступивше крѣсть*

Л-1067, 112 и др. В перечисленных примерах в И тоже употребляются глаголы с неполногласной приставкой. Русизм *переступати* в списках И-группы представлен прежде всего в текстах договоров с греками: *уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не переступати* И-912, 28. Отмечены примеры использования русизмов в составе прямой речи (*волхвъ <...> глаголюще сице <...> яко на пятое лѣто <...> землямъ переступати на ина мѣста* И-1071, 126), а также с целью варьирования языковых средств. Ср.: *кляхомъся <...> хранити все еже есть написано на неи не преступати от него ничтоже а иже преступитъ се от страны нашея <...> да не имуть помощи от Бога* Л-945, 27 – *не преступати... оже переступитъ* И, 38.

3. В тех случаях, когда в Л зафиксированы оба глагола с гетерогенными приставками, преобладающим обычно является книжнославянизм. Так, в паре *предатися / передатися* глагол с неполногласной приставкой представлен 12 примерами своего употребления, а с полногласной – только тремя. Ср.: *людье изнемогоша водною жажею и предашася* Л-988, 74; *единъ старецъ... рече имъ слышахъ яко хочете ся передати печенѣгомъ* Л-997, 87. Книжнославянизм *предатися* в ПВЛ употребляется при описании однотипных ситуаций – сдачи русских городов неприятелю после длительной осады, что обусловливало и однотипность применяемых лексических средств, так как, по справедливому замечанию А. С. Орлова, «у книжников выработался известный художественный шаблон», в соответствии с которым «воинские картины облекались стереотипными выра-

жениями хорошо знакомого книжного литературного рода» [14, с. 1]. Поэтому преимущественное употребление книжнославянизма *предатися* является особенностью всех анализируемых списков ПВЛ. В протографе Р и А эта особенность получила своё окончательное развитие в плане устранения всех случаев использования русизма *передатися*, который в других списках ПВЛ представлен единичными случаями своего употребления, локализованными в основном в тексте Легенды о белгородском киселе (статья 997 г.). В И данный русизм последовательно употребляется именно в этой легенде. Один пример зафиксирован в речи Ольги: *Ольга <...> посла къ городу глаголющи <...> вси ваши города **передатися** мнѣ* И-946, 43. В Х и П количество случаев использования русизма *передатися* несколько меньше, чем в И, но в целом эти списки отражают зафиксированные в ранних списках, в Л в частности, примеры употребления данного русизма. Особо следует подчеркнуть тот факт, что только в Х и П отмечено варьирование лексем *предатися* / *передатися*: *одинъ старецъ <..> рече слышахъ яко хотите **ся передати** печенѣгомъ <..> **не предаитися** за три дѣни* Х-997, 108.

4.1. Глаголам Л-списка с маркированными приставками в других списках соответствуют глаголы с нейтральной приставкой *при-*: *пренести* / *принести*, *перенести* / *принести*, *преити* / *при(и)ти*, *переити* / *при(и)ти*, *преяти* / *прियाи*, *перейти* / *прियाи*. В связи с этим отметим, что в источниках СДРЯ наблюдаются постоянные «замены форм с *пре-* (*preh-*) формами с *при-*; ...изобилие образований на *пре-* обуславливало

и нередкую замену исконной *при-* на *пре-*» [7, т. 8, с. 5]. В нашем материале перечисленные выше соответствия в определённой степени отражают семантические различия. Так, глаголы *преити* / *переити* и *при(и)ти* оказываются в положении синонимичных прежде всего в тех случаях, когда в контексте не акцентируется внимание на движении ‘через что-то’ (*бѣ бо Рогъволодъ **пришелъ** иза-морья* Л-980, 46 – ***перешелъ*** И, 57) или когда этот оттенок значения выражается при помощи других лексических средств: *Володимеръ <...> **пришедъ** на ону сторону Днѣпра* И-1093, 159.

4.2. Некоторые смысловые различия имели также лексемы *перейти* / *преяти* и *прियाи*. Анализ контекстов, в которых представлены эти глаголы, даёт основание предполагать, что в ранних списках ПВЛ они употреблялись прежде всего тогда, когда речь шла о насильственном захвате города, земли, власти. Ср.: *въшедъ Ярополкъ в градъ Ольговъ **перей** власть его* Л-977, 46; *Святоша и Путята **перейста** городъ* И-1097, 184. Разночтения более поздних списков свидетельствуют об ослаблении в значениях глаголов *перейти* / *преяти* семы ‘насилие’. Ср.: *хотѣхъ есмь **перейти** болгары Дунайскыѣ* Л-1097, 178 – ***прियाи*** Р, 143; *Святополкъ **перей** Володимеръ* Л-1097, 183 – ***прिया*** Р, 146. Весьма показательны в этом отношении такие разночтения, в которых глаголу *прियाи* в более позднем списке соответствует глагол с маркированной приставкой: *воѣхъ **прियाи** землю словѣньску* Л-898, 16 – ***перейша*** И, 17, Х и П; ***преаиша*** Р, 12 и др.

4.3. В Л есть пример употребления глаголов *перейти* / *преяти* в значении

‘перенять, перекрыть, преградить’ [7, т. 8, с. 339]: *Настасъ написавъ <...> на стрѣлѣ <...> вода идетъ по трубѣ копавъ **переими**. Володимеръ <...> повелѣ копати преки трубамъ и **преяша** воду* Л-988, 74. Имеющееся здесь варьирование языковых средств (**переими** ... **преяша**) зафиксировано также в И, правда, с перестановкой компонентов – **преимете** ... **перейаша** И, 80.

5. Глаголы Л-списка с полногласными приставками (**перевезтися**, **перержечи**, **перерѣзати**) в И сохраняются без изменений. В целом в разночтениях данного списка зафиксировано 12 глаголов с полногласной приставкой, представленных 38 примерами. Частотность употребления 5 глаголов с приставкой **пре-**, представленных в этом списке, почти совпадает с частотностью глаголов с полногласной приставкой – 32 примера.

6. Наиболее последовательно, по сравнению с другими списками ПВЛ, тенденция к преобладанию глаголов с приставкой **пре-** проводится в Р. Так, только в Р глагол **превезтися** (3) употребляется исключительно с приставкой **пре-**: *новгородци рѣша Ярославу яко заутра **превеземъся*** Р-1016, 80; *перевеземъся* в других списках. Однако ‘запретительные тенденции’ на употребление глаголов с приставкой **пере-** в Р распространялись не на все случаи использования русизмов, представленных в ранних списках ПВЛ. В Р сохраняются следующие глаголы с приставкой **пере-**: **перезгутъ** их велми Р-введ., 4 – хотя **прежгоша** истьбу Р-945, 28; *рече Блудъ <...> нама ихъ **не перебороти*** Р-980, 43; *придоста к Зарубу и ту **перебородистася*** Р-1096, 132; *горожане*

*же рѣша <...> почто губите себѣ коли можете насъ **перестояти*** Р-997, 72 – *перестояти* Л, 88; *Ярополкъ <...> **переседѣвъ** мало дѣнии иде ко Звенигороду* Р-1086, 119; *рече царь переключала мя еси Олго* Р-955, 32 – *переключала* Л, 34 и др.

7. Разночтения, выявленные между И, с одной стороны, и Х и П, с другой, не подтверждают предположение И. С. Улуканова о последовательной замене в Х и П глаголов с приставками **пере-** соотносительными глаголами с приставкой **пре-** [14, с. 7]. В целом в Х и П глаголов с полногласной приставкой меньше, чем в И (см. итоговые подсчёты в таблице), однако в поздних списках сохраняются отмеченные в И глаголы *перееха* (ст. 1067 г.), *перерѣза* (ст. 1097 года), *перестояти* (ст. 980 г.), *переключка* (ст. 955 г.), *перенесоша* (ст. 1096 г.), *перебородистася* (ст. 1096 г.), *перевезтися* (ст. 1016 и 1097 гг.), *перержечи* (введ., ст. 945 г.), *перекрестися* (ст. 1074 г.), *перетребуете* (ст. 983 г.). Случаи же замен глаголов с приставкой **пере-** соотносительными книжнославянскими формами представлены единичными примерами.

Следовательно, о тенденции к устранению ряда глаголов с приставкой **пере-** можно говорить только применительно к Р и частично к А. Но в целом, текст ПВЛ, пройдя через руки не одного поколения переписчиков, подвергаясь редакторской правке, сохранил основные особенности языка памятника, проявляющиеся в широком совмещении элементов высокой церковнославянской книжности и разговорной восточнославянской речи.

Библиографические ссылки

1. Летопись Нестора с продолжением до 1419 г. Рукопись б. Московской Духовной Академии. РГБ. Отдел рукописей. № 236. Академический список [А].
2. Несторова Российская летопись. РНБ. Отдел рукописей. F. IV. 230. Хлебниковский список [X].
3. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии (фотолитографическим способом). СПб., 1871. Ипатьевский список [И].
4. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссии (посредством светопечати). СПб., 1872. Лаврентьевский список [Л].
5. Погодинское собрание. № 1401. РНБ. Отдел рукописей. Погодинский список [П].
6. Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Фототипическое издание. СПб., 1902. Радзивилловский список [Р].
7. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1 – 8. М. : Русский язык (1 – 4 и 7 тт.) : Азбуковник, 1988 – 2008 [СДРЯ].
8. Аникин Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 205 с.
9. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // В. В. Виноградов. Избранные труды: История русского литературного языка. М. : Наука, 1978. С. 65 – 151.
10. Гиппиус А. А. К проблеме редакций «Повести временных лет» Ч. 1 // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20 – 44 ; Ч. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3 – 24.
11. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М. : Аспект-Пресс, 2004. 383 с.
12. Материалы Международной конференции «Повесть временных лет и начальное летописание» (к 100-летию книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах»). Москва, 22 – 25 окт. 2008 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. М. : Индрик, 2008. С. 5 – 99.
13. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. Кн. 4. 1902. С. 1 – 50.
14. Улуханов И. С. Славянизмы в древнерусском литературном языке XI – XVII вв. (глаголы с неполногласными приставками) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 20 с.
15. Устюгова Л. М. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / отв. ред. Л. П. Жуковская. М. : Наука, 1987. С. 90 – 104.
16. Устюгова Л. Стандартизованные случаи использования русизмов в памятниках народно-литературного типа древнерусского литературного языка // Науковий Вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Вип. 11. Ужгород, 2005. С. 90 – 98.
17. Шайкин А. А. Повесть временных лет: История и поэтика. М. : Русская панорама, 2011. 616 с.

**VERBS WITH PREFIXES *PRE-* AND *PERE-* IN THE COPIES
OF THE «TALE OF BYGONE YEARS»**

The author analyzes the similarities and variances of verbs with prefixes *pre-* and *pere-* in the 6 major copies of the «Tale of Bygone Years». As a result of analysis, the author defines the basic tendencies of development of heterogeneous verbs with prefixes in the manuscript. In the analysis the author takes into account the place of creation of the manuscript (the north-east, west, south-west and south of ancient Russia) and time (XIV – XVII centuries.).

Keywords: book Slavonic, Russian word verbs with prefixes *pre-* / *pere-* and *pri-*, different interpretations, varying linguistic means.

УДК 81.42

А. С. Малахов

**АППОЗИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ВО «ВЛАДИМИРСКИХ ПРОСЕЛКАХ»
В. СОЛОУХИНА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹**

В статье рассматриваются функциональные особенности аппозитивных сочетаний в лирической повести В. Солоухина «Владимирские проселки». Аппозитивные сочетания, являясь одной из разновидностей языковых единиц с синкретичной семантикой, используются В. Солоухиным как для организации художественного текста, так и в определенных стилистических функциях (как одно из основных синтаксических средств выразительности).

Ключевые слова: аппозитивные сочетания, категория аппозитивности, структура и семантика художественного текста, В. Солоухин.

Функционирование языковых единиц в произведениях В. Солоухина является малоизученным. Языковые единицы в художественных текстах используются в функции текстовой организации и в стилистической функции. В построении текста участвуют различные лексические и синтаксические средства. При этом некоторые языковые

единицы являются функционально значимыми, т. к. передают особенности языковой личности писателя.

Одним из таких важнейших средств организации текста у В. Солоухина выступают аппозитивные сочетания – синтаксические единицы, семантика которых является синкретичной. Аппозитивные сочетания, называя одновре-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-33001.

менно предмет (явление) и его отличительный признак, являются одним из средств выражения значения аппозитивности.

Круг явлений, подводимых под понятие аппозитивного сочетания, очень широк. Традиционно к числу аппозитивных относятся сочетания, включающие в свой состав приложение (необособленное и обособленное) и определяемое им слово. Т. А. Бертагаев к аппозитивным сочетаниям, помимо сочетаний с приложением, относит сочетания типа *хлеб-соль* [1], получившие в науке название «парные именования». М. Г. Шатух в число аппозитивных сочетаний включает пояснительные конструкции, в том числе пояснительные конструкции при анафорических членах предложения (при синсемантических словах), а также присоединительные конструкции [8]. К аппозитивным сочетаниям относят и составные наименования типа *слесарь-сборщик, заяц-русак*, функционирующие в русском языке в качестве терминов. По мнению Н. М. Лаврентьевой, такие терминологические сочетания не содержат характеризующего признака и обладают воспроизводимостью, поэтому их нельзя считать аппозитивными [4, с. 117].

Трудность в квалификации этого языкового явления связана с тем, что, как заметил А. Б. Копелиович, аппозитивный оборот представляет собой «не-что промежуточное от синтаксических отношений к деривационным, то есть приближается к тому, что мы называем сегодня сложносоставным словом» [3, с. 17]. Не случайно К. С. Горбачевич считает сложносоставными словами и аппозитивные сочетания типа *город-курорт* [2]. Такого же мнения придержи-

вается и З. Д. Попова, которая, анализируя синтаксическую систему русского языка с позиций когнитивного направления в лингвистике, считает, что приложение как особый член предложения возможен только при обособлении, в то время как сочетания с необособленным приложением необходимо рассматривать как составные номинации, созданные для обозначения объекта, не имеющего однословной номинации [5, с. 124].

Рассматриваются как аппозитивные и конструкции, которые в традиционной грамматике квалифицируются как однородные члены предложения с обобщающим словом [7]. Д. Э. Розенталь рассматривает такие конструкции как переходные между однородными членами предложения с обобщающим словом и аппозитивными сочетаниями [6].

Таким образом, вопрос о том, какие сочетания следует относить к числу аппозитивных, является дискуссионным. В настоящей статье под аппозитивными сочетаниями мы, придерживаясь традиционной точки зрения, будем понимать сочетание двух существительных (как правило однопадежных), находящихся в отношениях «определяемое – определяющее».

Аппозитивные сочетания с необособленным приложением в произведении В. Солоухина «Владимирские проселки» выполняют различные функции.

1. Качественно-оценочная функция. В качественно-оценочной функции употребляются сочетания, которые дают качественную характеристику предмета, лица или явления и оценку этого предмета, лица или явления со стороны говорящего. Характерным признаком таких сочетаний является наличие в их составе признакового слова, содержащего

оценку. Так, в предложении *Две девочки и мальчонка-бутуз, все трое русоголовые, синеглазые, забрались на упавшую ветлу и затеяли там игру* компоненты аппозитивного сочетания мальчонка-бутуз объединяются на основе общей семы «ребенок»: *мальчонка* (уменьш. к сущ. мальчик) – «ребенок или подросток мужского пола», *бутуз* – «здоровый, упитанный ребенок». При этом слово *мальчонка* дает указание на пол ребенка, а слово *бутуз* указывает на качественный признак: здоровый, упитанный. Таким образом, реализуя признаковое значение, слово бутуз принимает на себя роль прилагательного.

2. Характеризирующая (классификационная) функция. Очень часто в произведении В. Солоухина аппозитивные сочетания используются как один из способов указания на классификационный разряд, к которому принадлежит лицо или предмет. Такие сочетания обладают широким спектром значений. Они могут идентифицировать лицо по профессиональной принадлежности и роду деятельности: *Ведь сказал же остроумный исландский писатель Лакнесс, что корова по-прежнему остается более ценным агрегатом, чем, например, реактивный самолет*; *Художник Игорь Кузьмич Балакин (из более молодого поколения, чем основатели и ветераны мстерской миниатюры) посвящал нас в разницу стилей*; давать указание на должность: *В гостинице девушка-администратор сказала как отрезала: «Нет ни одного места. Если хотите, я дам вам какой-нибудь адрес. Некоторые кольчугинцы пускают постояльцев, и мы держим с ними связь»*; *В это время девушка-секретарь отозвала художника, она сказала, что при-*

шел Морозов; охарактеризовать лицо с точки зрения его увлечений: *На прогоне нас перегнала еще одна грибница-девушка, в аккуратных, по ноге, кожаных сапогах и в аккуратной новой стеганке («грибница» – «любительница собирать грибы»)*; охарактеризовать лицо по месту жительства: *Князя ваши, – это Варганов обращался к экскурсам-там-москвичам, – ходили на нас войной*; охарактеризовать лицо по возрастному признаку: *Шустрый паренек-подросток, получив наряд, долго отнекивался и отказывался, так что не помогали ни угрозы, ни мирные увещевания*; охарактеризовать лицо с точки зрения социального положения: *Мужик Ксенофонт из села Волтовитинова начал выделять плуги* (существительное мужик употребляется в значении «крестьянин»); охарактеризовать лицо по половому признаку: *В некие времена, в деревушке, нахохлившейся над ручейком, может в той же Владимирской земле, жил паренек Захарка.*

3. Релятивная функция характерна для аппозитивных сочетаний, один из компонентов которых указывает на характер отношений между двумя лицами: *Сначала село принадлежало декабристу и, кажется, приятелю Пушкина Михаилу Федоровичу Митькову, но во второй половине прошлого века им владела Екатерина Федоровна Тютчева – дочь поэта*; *Наконец сосед Костя, постарше меня лет на пять, пригласил вынимать вершу.*

4. Для аппозитивных сочетаний, включающих в свой состав необособленный топоним, характерна **функция именованья**. Таких сочетаний во «Владимирских проселках» очень много, что объясняется повествовательной манерой

Солоухина. Сочетания такой модели используются прежде всего для **разграничения населенных пунктов**. Автор путешествует, и ему важно зафиксировать, в каком населенном пункте он оказался. Именно поэтому к имени нарицательному добавляется имя собственное, т. е. географический объект получает свое именование: *Большое торговое село Черкутино долгое время выглядело как после бомбежки; Начиналась книга с сообщения, что сельцо **Вески** расположено под 56°33' северной широты и 57°21' восточной долготы, что среднегодовая температура там +2,65°, что от Владимира до Весок 72 версты, а от Юрьева-Польского – 12,5, от торгового села **Симы** 7 и, наконец, от Москвы 170 верст; К концу дня вместе со стадом коров в прозрачно-золотистом облаке пыли, пахнущей парным молоком, мы вошли в деревню **Бусино**; А между тем, глядя на карту, было ясно, что Жары для нас – ключ к Ополю, что там мы попадаем на просеки, ведущие к городу **Кольчугину**, а там не за горами и Юрьев-Польский – «столица» Владимирского Ополя; Не остался в стороне и град **Юрьев** (в аппозитивном сочетании град Юрьев употреблена устаревшая форма «град», олицетворяющая старинный город, имеющий символическое название – в честь его основателя Юрия Долгорукова); Милый, тихий городок **Юрьев-Польский!** (сочетание городок Юрьев-Польский, в составе которого есть слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом, позволяет автору указать численность населения в городе: городок – это небольшой город).*

В этой функции аппозитивные сочетания могут использоваться и для

*воссоздания исторической действительности: Когда Суздаль был цветущим могучим городом, на западе, в дремучих лесах дымилась десятком труб деревушка **Москва**. Аппозитивное сочетание употребляется для создания контраста: раньше Москва представляла собой небольшую деревушку, а в настоящее время Москва – это огромный многонаселенный красивый город.*

Функция именования характерна и для сочетаний, в которых имя собственное служит названием **периодической печати, марки автомобиля**: *Чтобы закончить дело, я показал председателю корреспондентское удостоверение журнала «**Огонек**», а также членский билет Союза писателей; Автомобиль «**ЗИМ**» с анилагом «Москва-Владимир» выбрался, наконец, из каменного лабиринта столицы и, прибавив скорости, устремился по прямой и широкой автостраде; названием **общественных мест**: Под часами – книжный киоск, тут же ларек «**Галантерея**», тут же хлебный ларек, тут же рядом столовая; Вопрос этот решался на вечернем совете в гостинице «**Свет**» вместе с другими наиважнейшими вопросами.*

5. Для сочетаний, состоящих из двух нарицательных существительных, находящихся в родо-видовых отношениях, характерна **функция конкретизации (уточнения)**. Так, например, в предложениях *А вот совсем уж чудно, завитушками вниз, скользит по поверхности воды улитка-прудовик; Теперь хорошо видно, что это тигр подводных джунглей – жук-плавунец* используемые автором сочетания *улитка-прудовик* и *жук-плавунец* конкретизируют разновидность улиток и жуков. Кроме того, такие сочетания содержат дополнитель-

ный оттенок в значении: указывают на среду обитания этих насекомых – водоем.

6. В. Солоухин использует аппозитивные сочетания и в **стилистической функции** как одно из средств персонификации образов природы: *Текла красавица Колокша, проплывали над Юрьевом облака, уходило время; Еще не скоро сможет похвалиться этот ручеек-младенец тяжелым всплеском рыбины, рождающим на утренней воде багряные круги волн.* Существительные *красавица* и *младенец* в составе сочетаний приобретают метафорическое значение и позволяют Солоухину персонифицировать природу (в данном случае реку и ручеек), наделяя ее качествами живых существ.

Следует отметить, что персонификация природы – одна из особенностей, характерных для идиостиля В. Солоухина, т. к. природа осознается Солоухиным как действующая сила.

Аппозитивные сочетания используются В. Солоухиным и для создания фольклорных образов: *Постепенно число детей около женщины увеличилось, и, наконец, собрались все шесть ее сыновей-богатырей; Я заглянул в окно и увидел за столом семерых (нет, не братьев-разбойников), а просто здоровенных мужиков; Иные стали*

расписывать матрешек и другие игрушки, причем вместо деда-мороза нет-нет да и глянет суровый бог Саваоф, иные малевали стенные коврики (Стенька Разин развалился в лодке и персиянка у него на коленях), иные пошли работать по орнаменту для клеенок.

Таким образом, аппозитивные сочетания в произведении Солоухина не только являются строительным материалом текста, но и выполняют ряд других функций. С помощью приложения автор может показывать свое отношение к описываемым явлениям. Они помогают автору лаконично охарактеризовать какое-нибудь явление с одной или нескольких сторон. В своем произведении автор использует аппозитивные сочетания с необособленным приложением в следующих функциях: оценочной, характеризующей (для идентификации лица по профессиональной принадлежности, по роду деятельности, по возрастному признаку, по месту жительства), релятивной, конкретизирующей (уточняющей) (для указания на видовую принадлежность какого-либо предмета), стилистической (для создания фольклорных образов, для одушевления природы) и функции именования (называния географических объектов).

Библиографические ссылки

1. Бертагаев Т. А. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний // РЯШ. 1957. № 1.
2. Горбачевич К. С. О нормах употребления сложносоставных слов // Русский язык в школе. 1977. № 2. С. 74 – 76.
3. Копелиович А. Б. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток, 1988. 120 с.
4. Лаврентьева Н. М. Синтаксические отношения и связи уровня простого предложения. Саранск : Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1989. 152 с.

5. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж : Истоки, 2009. 209 с.
6. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М., 2004.
7. Чуглов В. И. Обобщающие слова и однородные члены // Русский язык в школе. 2003. № 6.
8. Шатух М. Г. Структурно-семантические разряды приложений // Вопросы языкознания. Львов, 1955. Кн. 1. С. 20 – 41.

A. S. Malakhov

**APPOSITIVE CONSTRUCTIONS IN THE TEXT OF
«VLADIMIRSKIE PROSJOLKI» BY V. SOLOUKHIN:
THE FUNCTIONAL ASPECT**

The article examines the function of appositive constructions in the text of the lyric story «Vladimirskie Prosjolki» by V. Soloukhin. The appositive constructions are one of the types of linguistic units with syncretic semantics. V. Soloukhin uses these constructions in the organization of literary text, as well as in the stylistic function (as one of the types of syntactic means of expressiveness).

Keywords: appositive constructions, category of apposition, the structure and semantics of the literary text, V. Soloukhin.

УДК 81.42

К. М. Богрова

**ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ЛИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
«ВЛАДИМИРСКИЕ ПРОСЕЛКИ» В. А. СОЛОУХИНА¹**

В настоящей статье представлено обоснование необходимости создания словаря языка В. А. Солоухина, определены структура словаря, принцип отбора языкового материала и состав словарной статьи, а также предложены образцы словарных статей.

Ключевые слова: словарь языка писателя, В. А. Солоухин.

С середины XX в. стремительно развивается такая область языкознания, как лексикография. Все чаще исследователи обращаются к изучению языка писателей. Об этом свидетельствуют

изданные словари языка многих русских писателей: «Словарь языка Пушкина» под редакцией В. В. Виноградова (М., 1956 – 1961), «Словарь комедии „Горе от ума“ А. С. Грибоедова» В. Ф. Чистя-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-33001

кова (Смоленск, 1939), «Словарь неологизмов В. В. Маяковского» под редакцией Н. М. Шанского (Тбилиси, 1991), «Словарь языка Василия Шукшина» В. С. Елистратова (М., 2001), «Словарь языка Михаила Шолохова» под редакцией Е. И. Дибровой (М., 2005) и др. Однако до сих пор является малоизученным и не находит отражения в словарях язык писателей Владимирского края. Так, например, существуют отдельные попытки анализа лексических особенностей произведений В. А. Солоухина, но нет системного подхода к описанию языка произведений этого писателя.

Следует отметить, что идея создания словаря языка В. А. Солоухина не нова. Уже в течение многих лет на кафедре русского языка ВлГУ (ВГГУ / ВГПУ) студенты под руководством профессора М. В. Пименовой, старших преподавателей Г. И. Столбуновой, Е. А. Абрамовой и Т. А. Бурлаковой, доцентов А. С. Малахова и К. М. Богровой анализируют языковые особенности произведений В. А. Солоухина. В результате проделанной работы накопился огромный материал, который может и должен быть подвергнут лексикографическому описанию и на основе которого необходимо создать словарь языка писателя.

Проблема составления словаря языка писателя – одна из проблем современной лексикографии. Словарь языка писателя – тип филологического словаря, предметом описания которого является

функционирование языка в художественной литературе, произведениях, созданных конкретной творческой личностью [2].

В зависимости от задач, которые ставит перед собой составитель, а также от подхода к отбору объясняемого материала определяется и состав словаря такого типа. Одни словари подразумевают лексикографическое описание всех лексических единиц, встречающихся в произведениях писателя. По такому принципу построен «Словарь языка Пушкина», представляющий «собственно лингвистический труд, в котором фиксируется вся лексика всех произведений поэта» [3]. Другие словари включают «обычно слова, употребленные данным автором, демонстрирующие, как преломляется общий язык в идиолекте автора» [3]. Подобный принцип лежит в основе «Словаря к пьесам А. Н. Островского», в котором объясняется не вся лексика, а лишь те слова, значение и употребление которых могут вызвать определенные затруднения у читателей [3].

Полный словарь языка В. А. Солоухина будет состоять из серии лексикографических трудов, посвященных отдельным произведениям («Капля росы», «Время собирать камни», «Третья охота» и др.). Словарная разработка раскрывает семантическую и стилистическую систему словоупотребления писателя в многообразии художественных средств, неодинаковых в разных жанрах и на разных этапах творчества.

Каждый из выпусков будет иметь как научную, так и практическую ценность. Научная ценность словаря заключается в том, что впервые будут подвергнуты лексикографическому описанию языковые особенности произведений В. А. Солоухина. Практическая значимость предопределена возможностью использования словаря на занятиях по лингвистическому и литературному краеведению, по истории изучения Владимирского края.

Первый выпуск словаря языка В. А. Солоухина посвящен «Владимирским проселкам». Это лирическая повесть о Владимирской земле, о родине писателя. Вот как пишет об этой повести сам автор: «...объектом, так сказать, писательского исследования была Владимирская земля, с ее дорогами и полями, речками и прудами, деревнями и городами, с ее жителями <...> Объектом литературного исследования была любимая земля» [5]. Эта книга своего рода энциклопедия Владимирской земли: в ней можно найти информацию и о ее истории, и об отдельных исторических личностях, имеющих отношение к Владимирскому краю, и о том, чем жила наша область в 50-е годы XX в., и много других культурологических сведений. Кроме того, в этой повести зафиксированы особенности речи жителей Владимирской области, а также лексика, отражающая картину мира писателя. Все это предопределяет принципы отбора языкового материала для словаря языка «Владимирских проселков».

Предполагается, что словарь будет состоять из трех частей. Первая часть будет включать лексику стилистически окрашенную, просторечную, лексику ограниченного употребления (диалектизмы, историзмы, окказионализмы – слова, созданные В. А. Солоухиным), лексику, употребленную в переносном значении, а также слова, приобретающие индивидуально-авторское значение. В этой же части словаря будут представлены фразеологизмы как общеупотребительные, так и преломленные через авторское мировосприятие. Вторая часть будет включать антропонимы – имена собственные, называющие людей, причем такие антропонимы, которые прямо или косвенно связаны с историей и культурой Владимирской земли. В третьей части будут представлены топонимы (географические названия), непосредственно связанные с Владимирским краем. Принцип расположения материала в каждой части словаря – алфавитный.

Словарная статья будет включать в себя само слово или выражение, его значение, особенности употребления, грамматические и стилистические характеристики, возможные варианты (лексические, словообразовательные, морфологические), иллюстративный материал, а также различные виды комментариев – этимологический, географический, культурологический и др. В словарной статье может присутствовать указание на энциклопедические, культурологические и лингвистические сло-

вари и справочники, в которых содержится подробная информация о данной языковой единице.

Представим образцы статей каждой части словаря.

БАЛТЁРКА, -и, ж. Обл. Здесь: звонкая деревянная доска. *В саду строилась каланча, а от нее протягивались веревки к звонким деревянным доскам, называемым балтёрками* (День 39).

БАРДА', -ы, ж., мн. нет. Спец. Гуща, остающаяся после перегонки суслика при производстве хлебных спиртных напитков, отбросы. *Несмотря на бедность, мы купили две автоцистерны – возить барду* (День 31); **Барда** – это отходы на водочных заводах, очень питательна для скотины (День 31).

БА'РЩИНА, -ы, ж., мн. нет. Истор. Даровой принудительный труд крестьян на помещика при крепостном праве. – *Это что еще за барищина? – осведомился агроном* (День 13).

~ На Руси барщина появилась во времена Киевского государства, широкое распространение имела с XVI до середины XIX в., после отмены крепостного права сохранилась как издольщина, существовала до 1917 г. в виде отработок [6].

БА'ШНЯ, и, ж. 1. Высокое столпообразное архитектурное сооружение (преимущ. каменное). Здесь: о рисунке на изделиях из металла. *Или Кремлевская башня* (День 6 – 9). 2. Сооружение для силосования и хранения силоса. *Тем временем мы то осматривали строительство кирпичного четырех-*

рядного коровника, механизированного, с автопоилками, то строительство водопровода к этому коровнику, то уже отстроенные силосные башни, то кукурузу, выросшую у Борисова до невиданной на Владимирщине почти метровой высоты (День 31).

~ Как правило, силосные башни имеют круглую форму с поперечником 4,6 – 7 м и высотой 6 – 12 м и выше. Силосные башни строятся из дерева, кирпича, камня, цемента и т. п., емкостью 50 – 400 т и больше. В СССР постройка деревянных силосных башен стандартизована на заводах, изготавливающих законченные детали, которые собираются на местах. Силосная башня состоит из фундамента, стен, дна, крыши с окном для загрузки корма, разгрузочных люков с плотно закрывающимися изнутри крышками и сеней (тамбур, в котором устраивают лестницу и куда выбрасывается корм из люков во время разгрузки). Стены силосной башни должны быть вертикальными, гладкими, непроницаемыми для воды, воздуха и устойчивыми против действия соков корма и промерзания. Силосные башни располагаются у скотного двора и соединяются с кормовым отделением для облегчения доставки корма. В хорошей силосной башне силос может храниться несколько лет, не подвергаясь порче [4].

БЕГУ'ЧИЙ, -ая, -ое. Здесь: быстро и непрерывно движущийся (об огне). *Внутренние стенки формы были смазаны, и теперь смазка сгорает красным пламенем, а сам металл облизывают трепетные, бегущие зеленые языки* (День 6 – 9).

БЕЗВЕ'СТНОСТЬ, -и, ж. Книжн. Неизвестность. *Прах полководца покоится теперь на Бородинском поле, но луч Багратионовой славы капризно упал на безвестное глухое село, затерянное в глубине Владимирского ополья, и осветил его для многих и многих поколений, отняв у безвестности* (День 12).

БЕ'ЗДНА, -ы, ж. Разг. Огромное количество, множество. *Частушек за это время они перепели бездну* (День 31).

БЕРЕЖЁНЫЙ, -ая, -ое. Прост. Охраняемый, оберегаемый. *И сколько в сельце мужиков, и сколько женского населения, и сколько сенокоса по рекам да оврагам, и сколько сенокоса в кустарнике, и сколько дровяного леса бережёного и сколько дровяного запущенного, и сколько выхухолей и карасей в четырех прудах* (День 13).

СПОКОН ВЕКУ. Разг. С незапамятных времен. – *Как же, спокон веку* луком держимся, – пояснила нам женщина, мимо которой проходили (День 24).

ДОЛГОРУКИЙ ЮРИЙ (90-е гг. XI в. – 1157 г.) – князь суздальский и великий князь киевский, сын Владимира Мономаха. В 1125 г. перенес столицу Ростово-Суздальского княжества из Ростова в Суздаль и способствовал укреплению его могущества. С начала 30-х гг. XII в. стремился утвердить свою власть в Переяславле и Киеве (за что получил прозвище «Долгорукий»), после упорной борьбы занял Киев, но вскоре умер, по-видимому, был отравлен киевскими боярами. О нем осталась память как об основателе многих городов

(Юрьев, Звенигород), строителе церквей и монастырей. При нем впервые упомянута Москва (1147), укрепленная Юрием Долгоруким в 1156 г. [1]. **Юрий Долгорукий**, как, впрочем, и многие русские князья, любил закладывать города на месте слияния двух рек, если даже одна из них совсем маленькая. И столицу нашу **Юрий** заложил на высоком мысу между Москвой-рекой и Неглинкой; **Юрий Владимирович Долгорукий** избрал Суздаль столицей, но осел в Кидекше, в четырех верстах отсюда, где Каменка впадает в Нерль (День 11).

АЛЕПИНО (ср. р.) – одно из древнейших сел в области, существовавшее с домонгольских времен. В XVI в. село принадлежало Московскому Ново-Девичьему монастырю. Иван Грозный взял его в казну, обменяв у монастыря на село Никульское. С начала XVIII в. село становится вотчиной князей Салтыковых. В селе сохранилась Покровская церковь 1850 г. Ранее на ее месте были деревянные церкви того же названия (в честь Покрова Пресвятые Богородицы). Первая была построена при княжении Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, вторая – при Иване Грозном, третья – при Борисе Годунове. Алепино – родина русского писателя В. А. Солоухина. Возле церкви сохранился дом Солоухиных. По завещанию писателя он похоронен на сельском кладбище рядом со своими земляками [7]. *Но село Алепино, его люди и окрестности могут составить для меня*

предмет отдельной книги, которую я когда-нибудь обязательно напишу (Дни 17 – 22); Эти дни мы провели в Алепине (Дни 17 – 22).

В заключение отметим, что значение словаря языка В. А. Солоухина ве-

лико, поскольку лексика, зафиксированная в данном словаре, позволит читателю не только правильно понять смысл, вкладываемый автором в текст, но и отметить особенности того времени, в которое жил писатель.

Библиографические ссылки

1. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/339954> (дата обращения: 17.05.2016).
2. Лексикография русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений Российской Федерации / О. В. Васильева [и др.] ; под ред. Д. М. Поцепни // Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка». СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 583
3. Махонь С. В. Словари языка писателей // Филолог. Минск : Национальный институт образования, 2010. С. 20 – 24.
4. Сельскохозяйственный словарь-справочник / гл. ред. А. И. Гайстер. М. – Л., 1934.
5. Солоухин В. А. Я шел по родной земле. В 2 т. Т. 1 // В. А. Солоухин. Избранные произведения. М. : Художественная литература, 1974. С. 5 – 7.
6. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/6705/%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 26.07.2016).
7. История Алепино. URL: https://vk.com/topic-58780578_29011264 (дата обращения: 01.08.2016).

К. М. Bogrova

EXPERIENCE OF COMPILING OF THE LANGUAGE DICTIONARY OF THE LYRIC STORY «VLADIMIRSKIE PROSJOLKI» BY V. A. SOLOUKHIN

The article presents the basis of creation of the dictionary of V. A. Soloukhin's language, defines the structure of the dictionary, the principle of selection of language material and structure of the dictionary entry, as well as offers some samples of dictionary entries.

Keywords: dictionary of language of the writer, V. A. Soloukhin.

**ЖАНР И МЕТОД «ТРАКТАТА О МОДУСАХ ОБОЗНАЧЕНИЯ»
ФОМЫ ЭРФУРТСКОГО¹**

В статье рассматриваются основные характеристики так называемых спекулятивных грамматик XIII – XIV вв., прежде всего тех, которые составлялись под общим названием «Модусы обозначения» в рамках модистского направления в языкознании. Автор показывает, что как на само формирование жанра спекулятивной грамматики, так и на методологию, использовавшуюся модистами, определяющее влияние было оказано со стороны философии науки Аристотеля.

Ключевые слова: Фома Эрфуртский, спекулятивная грамматика, модисты, средневековое языкознание, философия языка.

Фома Эрфуртский (Thomas Erfordiensis) – один из наиболее известных представителей средневекового языкознания, автор «Трактата о модусах обозначения» («Tractatus de modis significandi»), называемого также «Спекулятивной грамматикой» (написан между 1300 и 1310 гг.). Биография Фомы нам практически неизвестна; мы не знаем даже приблизительных дат его рождения и смерти. Судя по всему, он был родом из Эрфурта, а образование получал в конце XIII в. в университете Парижа, где познакомился с творчеством грамматиков парижской школы (есть предположение, что он учился вместе с другим известным грамматиком, Сигером из Куртрэ (ок. 1280 – 1341) у одного учителя [8, с. 66], но это не более чем предположение; тем не менее, влияние парижских грамматиков, в частности Радульфа Бритона (ок. 1270 – 1320), на

творчество Фомы очевидно²). Возможно, Фома сам преподавал в Париже какое-то время, однако основная его преподавательская и научная деятельность проходила в Эрфурте, где он руководил церковными школами св. Севера и св. Якова. Помимо «Трактата о модусах обозначения» перу Фомы, насколько нам известно, принадлежат еще пять работ: четыре комментария (к «Введению» Порфирия, «Категориям» и «Об истолковании» Аристотеля, а также к анонимной «Книге шести начал») и школьный учебник по грамматике «Fundamentum puerorum». Впрочем, эти работы в отличие от «Трактата» какого-либо заметного следа в истории западной философской и научной мысли не оставили.

«Трактат о модусах обозначения» Фомы Эрфуртского – произведение интересной судьбы. Он получил доста-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00204.

² Как пишет Я. Пинборг, «некоторые длинные пассажи из «Спекулятивной грамматики» просто заимствованы у Радульфа Бритона» [11, с. 372].

точно широкую популярность уже в первой половине XIV в. под названием «Модусы обозначения» (по мнению Я. Пинборга, иногда его именовали «Новыми модусами обозначения» – по контрасту с другими, «старыми» «Модусами обозначения» Мартина Дакийского, написанными еще в XIII в. [10, с. 134]³). «Спекулятивной грамматикой» трактат начали называть не ранее XVI в. Тогда же (или немного ранее) его стали приписывать другим авторам: сначала Альберту Саксонскому, а затем Иоанну Дунсу Скоту. После того как Лука Уолдинг издал «Модусы обозначения» в рамках собрания сочинений Дунса Скота (1639 г.), трактат вплоть до XX в.⁴ считался безусловно аутентичным произведением Тонкого Доктора. Надо сказать, что это курьезное обстоятельство поспособствовало тому, что «Трактат» приобрел довольно широкую известность: в итоге «он оказался, пожалуй, единственной работой модистов, которую продолжали читать лингвисты и лингвистически ориентированные философы на протяжении нескольких последних столетий» [9, с. 731].

Творчество Фомы Эрфуртского принадлежит к традиции модистской грамматической школы, которая возникла в Парижском университете в 1260 – 1270 гг. У истоков модизма стояла группа из нескольких профессоров датского

происхождения (среди них наиболее известными и влиятельными были Мартин Дакийский (ок. 1220 – 1304) и Боэций Дакийский (ок. 1230 – после 1277)). К более позднему поколению модистов принадлежали Радульф Бритон (ок. 1270 – 1320), Сигер из Куртрэ (ок. 1280 – 1341), Михаил из Марбэ (конец XIII – первая половина XIV в.), Фома Эрфуртский, а также некоторые другие мыслители. Название «модисты» (*modistae*) происходит от «модусов обозначения» («*modi significandi*»), которые, как считали представители данного направления, являются специфическими грамматическими «началами», или «принципами», формирующими различные грамматические категории. Равным образом эти «модусы обозначения» дали название многочисленным трактатам, включая трактаты Мартина Дакийского, Боэция Дакийского, Фомы Эрфуртского и др.

То обстоятельство, что трактат Фомы известен не только как «Трактат о модусах обозначения», но и как «Спекулятивная грамматика» (причем изначально, как уже отмечено выше, он этого названия не имел, и оно было добавлено позже переписчиками и издателями), требует определенных разъяснений касательно отношения между понятиями «спекулятивная грамматика» и «грамматика модистов». Прежде всего, следует отметить, что исторически термин «спекулятивная грамматика» появился, судя по всему, в конце XIII в., когда средневековые ученые, занимавшиеся проблемами языкознания, пришли к осознанию того, что грамматика может быть не просто сугубо практической школьной дисциплиной («*recte loquendi*

³ С выводами Пинборга не согласны Д. Граффи и С. Пальяроли, которые указывают, что выражение «*novi modi significandi*» нигде не употребляется в прямой связи с именем Фомы Эрфуртского, а встречающуюся в некоторых манускриптах фразу «*modi significandi noviter compilati a magistro Thoma de Erfordia*» следует понимать в смысле ««Модусы обозначения», недавно составленные магистром Фомой из Эрфурта» [6, с. 216 – 225].

⁴ Авторство Фомы Эрфуртского было установлено М. Грабманном [5, с. 273 – 277].

scientia», «знанием о том, как правильно говорить»), но и самостоятельной теоретической (speculativa) наукой, изучающей язык как таковой. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести следующие слова из сочинения «Flores grammaticae» («Цветы грамматики», ок. 1300) Лудольфа из Хильдесхайма: «Регулярная грамматика (grammatica regularis) – та, которая учит, как при помощи определенных правил (regulae) связно (congrue) выражать понятия ума; и другое ее название – “спекулятивная грамматика” (grammatica speculativa), поскольку она рассматривает (speculare) начала, нормы и заключения грамматической науки (scientia grammaticalis). Положительная же грамматика (grammatica positiva) – та, которая обучает сигнификатам терминов; и она называется так от “положения” (pono), поскольку полагает фундамент для всех наук. И данное деление является делением по аналогии, поскольку положительная грамматика не является грамматикой – так как она не является наукой, но есть лишь [обучение] одному языку (idioma)» [цит. по: 13, с. 51].

Что же касается использования термина «спекулятивная грамматика» в современной научной литературе, то оно иногда отличается от исторической традиции. Например, К. М. Фредборг распространяет это понятие на грамматики XII в. – на том основании, что в их рамках обсуждались «универсальная грамматика, определения слова и части речи и вопрос о значении как о чем-то отличном от референции (к внеязыковым и экстраментальным сущностям)» [4, с. 177]. С Фредборг можно согласиться в том, что определенное движение к со-

зданию полноценной научной (прото-научной)⁵ теории языка в XII в. действительно имело место и что спекулятивная грамматика не возникла из ничего, но в некоторой степени опиралась на предшествующую традицию. Однако нельзя не признать также, что у грамматиков XII в. отсутствовала прочная теоретическая база. Так, например, популярная грамматика «Doctrinale» Александра из Вильдье (ок. 1175 – ок. 1240), составленная около 1200 г., является практическим (дидактическим), но не теоретическим трактатом и содержит главным образом мнемонические упражнения для запоминания правил латинского языка.

Полноценный сдвиг от педагогической практики к теории и, соответственно, к научности (в средневековом смысле этого слова) стал возможен только в XIII в. благодаря адаптации западноевропейскими мыслителями философии Аристотеля и его (преимущественно арабских) комментаторов. Именно философия Аристотеля (и, если так можно выразиться, его философия науки⁶) позволила грамматикам XIII в.

⁵ В рамках настоящей статьи нет возможности заниматься проведением демаркационных линий между наукой и протонаукой как таковыми, тем более, что не существует единого мнения по поводу того, каковы должны быть критерии этой демаркации. Однако мне хотелось бы отметить, что теоретическая (спекулятивная) грамматика XIII – XIV вв., равно как и логика этого периода, отличались от современных логики и лингвистики не так радикально, как средневековое естествознание, ориентированное на натурфилософию Аристотеля, отличалось от современных эмпирических естественнонаучных дисциплин.

⁶ Формально ничто не препятствует тому, чтобы говорить о философии науки у Аристотеля. Однако при этом надо иметь в виду как специфическое понимание Аристотелем научного знания, так и то, что у него в качестве философии науки выступала метафизика (постольку поскольку она занимается началами познания как такового и устанавливает компетенции отдельных дисциплин).

выйти на качественно иной, сравнительно с тем, что было ранее, уровень. Теперь для объяснения лингвистических феноменов создавались полноценные теории языка, велась работа по определению их объектов и методов, разрабатывался специальный понятийный аппарат, формулировались аксиомы, общие законы и т. д. Кроме того, теперь грамматика встраивалась в общую систему средневекового научного (протонаучного) знания, а ее статус как науки определялся в соответствии с общими для всех дисциплин критериями и принципами.

Поэтому правильнее сказать, что спекулятивная грамматика как направление в языкознании и особый жанр научной литературы возникла в середине XIII в., незадолго до того, как появился сам термин, а появление термина на рубеже столетий ознаменовало осознание самими средневековыми учеными всей серьезности произошедших в языкознании изменений. При этом к наиболее ранним вариантам спекулятивных грамматик следует отнести, вероятно, грамматики Роджера Бэкона (ок. 1214 – ок. 1294) и Роберта Килвордби (ок. 1215 – 1279), которые уже хорошо (в отличие от предшественников) знали Аристотеля и активно использовали его методологию и философию науки. Однако, с другой стороны, нельзя не отметить, что как полноценное научное направление спекулятивная грамматика формировалась главным образом в среде модистов (которые сами могли и не называть свои работы спекулятивными грамматиками) и что именно они внесли наибольший вклад в постановку и разработку основных проблем данного направления.

Таким образом, термины «спекулятивная грамматика» и «грамматика мо-

дистов» не являются полностью тождественными. По замечанию И. Росье-Каташ, «модистов не следует безусловно отождествлять со спекулятивной грамматикой, поскольку та включала не только модистов, но и более ранних и более поздних университетских профессоров, которые разделяли с модистами один и тот же взгляд на грамматику как на науку» [14, с. 204]. Тем не менее, в случае Фомы Эрфуртского данные термины могут считаться взаимозаменяемыми (пусть даже трактат Фомы «О модусах обозначения» был назван «Спекулятивной грамматикой» уже после смерти автора).

Прояснив вопрос о возникновении жанра спекулятивной грамматики и его отношении к творчеству модистов, можно обратиться к композиционно-смысловой структуре модистских спекулятивных грамматик, а также к общеметодологическим идеям и принципам, которые оказали на данную структуру определяющее влияние. Ключевым в данном вопросе является характерное для модистов представление о грамматике как о науке в аристотелевском смысле этого слова. Данное представление можно эксплицировать в виде сочетания следующих четырех критериев научности. Во-первых, наука должна соотноситься с объективной реальностью – с тем, что не является «фикцией разума» (*figmentum intellectus*). Во-вторых, наука – знание общего и необходимого (случайное и произвольное пребывает вне сферы научного знания). В-третьих, наука строится по модели дедуктивной системы, в которой из недоказуемых начал (аксиом) силлогистически выводятся заключения: «*scientia est per decursum a principiis ad conclusiones*». В-четвертых, любая научная дис-

циплина должна относиться к одной из трех основных областей научного знания: к физике, математике или метафизике.

Что касается первого критерия научности, то он создавал для грамматиков вполне очевидную проблему: если грамматика является «словесной наукой», то единственная объективная реальность «вне человеческой души», с которой она соотносится — это сам звук слова; но он, согласно средневековым представлениям, должен исследоваться физикой, а не грамматикой. При решении этой проблемы модисты задействовали концепцию модусов обозначения, о которой уже упоминалось выше. Суть ее заключается в том, что процесс использования языка людьми для общения между собой предполагает взаимодействие трех различных «модусов», или «свойств» (*proprietaes*): модуса существования (*modus essendi*), модуса мышления (*modus intelligendi*) и модуса обозначения (*modus significandi*). Эти модусы пребывают в отношениях зависимости: модус обозначения зависит от модуса мышления, а он — от модуса существования. При этом определяющим и важнейшим элементом в данной цепи зависимостей являются реальные свойства вещей: «Все модусы обозначения должны брать начало от свойств вещей. Ведь тот, кто налагает имена, необходимо должен обладать знанием вещи, которой следует придать звук для обозначения, и звука, который должен налагаться... И поскольку вещь посредством своих свойств определяет модус того, как она мыслится... а способы обозначения следуют за модусами мышления... постольку свойства вещи определяют модус ее обозначения» [2, с. 94]. Или, по словам Иоанна Дакийского,

«грамматика берется от вещей, ибо она не является фикцией разума (*figmentum intellectus*), которой ничто не соответствует в реальности за пределами души (*extra animam*)» [цит. по: 12, с. 36]. Благодаря такому подходу модисты могли установить связь между языком, мышлением и объективной реальностью и, соответственно, утвердить статус грамматики как науки, имеющей непосредственное отношение к неким вещам (свойствам вещей) «*extra animam*».

Второй критерий поднимает вопрос о том, можно ли обнаружить в языке, который, как считалось, был изобретен человеком⁷ (и потому различается у разных народов), нечто необходимое, общее и неизменное. На этот вопрос модисты обычно отвечали следующим образом: различия между реальными языками и их зависимость (насколько речь идет, например, о фонетике) от воли их создателей не означает, что в языке как таковом нет ничего общего и необходимого. Существуют (и могут быть выявлены) определенные закономерности, обращаясь к которым грамматика может описывать необходимые и неизменные отношения между теми или иными лингвистическими феноменами. Бозций Дакийский формулировал этот подход следующим образом: «То, о чем повествует наука, должно быть неизменным насколько речь идет о следовании такового из своих причин: так, чтобы оно происходило по необходимости и всегда наличествовало, когда происходят и существуют его причины... и то, о чем учит грамма-

⁷ Наиболее показательны в этом отношении слова из глоссы к Присциану «*Tria sunt*»: «Речь изобретена для того, чтобы при ее помощи мы выражали свои понятия и сообщали их другим» [цит. по: 7, с. 32].

тика... необходимо той необходимостью, которая требуется для научного знания (*scientia*), а именно, оно по необходимости возникает и существует от тех [причин], благодаря которым познается» [2, с. 18].

В этом отношении надо отметить еще один принципиальный момент: идея об универсальности грамматики, которая обнаруживалась у некоторых авторов и ранее, в XIII в. обрела прочную теоретическую и методологическую базу. Поскольку, согласно известной максиме, «*scientia est universalium*» («наука относится к общему»), постольку грамматика как наука должна была заниматься изучением неких универсальных структур. Данная принципиальная установка вела к тому, что, во-первых, из сферы интересов авторов спекулятивных грамматик был полностью исключен звуковой строй реальных языков, а во-вторых, в центре их внимания оказывался идеальный ментальный язык, отвлеченный от любого реального языка. Например, Роберт Килвордби писал, что предметом грамматики является существующее «в уме» (*in mente*) «обозначающее слово» (*sermo significativus*), постольку, поскольку «оно абстрагировано от любого частного языка (*lingua specialis*)» [цит. по: 10, с. 29]. В этом отношении грамматика была подобна другой «словесной науке», логике, с которой она во многом пересекалась. «Логика одна и та же у всех, следовательно, и грамматика» — писал Иоанн Дакийский [цит. по: 12, с. 37]. Таким образом, универсальный характер модистских грамматик, на который обращают внимание все историки языкознания, был в значительной степени предопределен тем, что лингвисты XIII – XIV вв. следовали принципам аристотелевской методологии науки.

Третий критерий самым непосредственным образом затрагивает вопрос о методе научного познания (*modus sciendi*), который должен использоваться в грамматической науке. Как уже отмечалось выше, согласно Аристотелю, процесс получения научного знания заключается в выведении (посредством силлогистического (доказательного)⁸ дискурса) определенных заключений из неких аксиоматических начал (которые свои у каждой научной дисциплины). У Боэция Дакийского можно обнаружить более детальное изложение этой идеи применительно к грамматике: «В грамматике, как и во всех других науках, общие и собственные начала недоказуемы, а выводы, которые из них следуют, доказуемы через эти начала. Ибо из того, что основа слова (*dictio*) обладает такими-то модусами обозначения, с необходимостью следует, что она предполагает такие-то, а не иные конструкции; и точно так же надлежит мыслить о многом ином, чему учит грамматика, и что может быть сведено к своим сущностным достаточным причинам, посредством коих все таковое может быть необходимо познано научным и доказательным знанием» [2, с. 52]. Как видно из этого фрагмента, модисты считали, что аксиоматическими началами грамматики являются модусы обозначения. Именно поэтому Фома Эрфуртский писал, что «желая приобрести знание грамматической науки (*scientia Grammaticae*), мы должны в первую очередь обратиться ко всем ее началам, которые суть модусы обозначения как таковые» [3, с. 1 – 2].

⁸ Согласно средневековой максиме, почерпнутой у Аристотеля [см. 1, с. 259], «*demonstratio est syllogismus faciens scire*» («доказательство есть силлогизм, производящий научное знание»).

Интересно, что модисты, ориентируясь в сфере методологии и философии науки на Аристотеля, в определенных аспектах своего творчества сохраняли зависимость от традиционных грамматик Доната и Присциана. Так, например, моделью «языка вообще» для Фомы Эрфуртского служил латинский язык, как он был представлен в грамматике Доната (поэтому, например, Фома насчитывает восемь частей речи), а грамматические изыскания проводились им «сообразно порядку Доната»⁹. Можно сказать, что по форме многие работы модистов были своеобразными комментариями к классическим грамматикам («Модусы обозначения» Боэция Дакийского, например, имеют подзаголовок «Вопросы к “Большому тому Присциана”»), хотя по содержанию они от них радикально отличались. Модисты вполне осознавали это обстоятельство и при случае отмечали принципиальные различия в методологических подходах между собой и классиками. Например, Боэций Дакийский писал: «Вещам, по отношению к которым применим демонстративный метод познания (*modus sciendi demonstrativus*), нередко обучают, обращаясь не к этому методу, но повествовательному (*modo narrativo*); и такое обучение не является достаточным, так как производит в отношении познаваемых вещей не столько научное знание (*scientia*), сколько мнение (*opinio*). Поэтому учение Присциана более чем неполно, ибо он преподавал грамматику, не используя все возможные для нее методы» [2, с. 54].

⁹ Данный порядок выглядит следующим образом: имя (*nomen*), местоимение (*pronomen*), глагол (*verbum*), наречие (*adverbium*), причастие (*participium*), союз (*coniunctio*), предлог (*praepositio*) и междометие (*interiectio*).

Сочетание метода Аристотеля с «порядком Доната» определило общие принципы композиции спекулятивных грамматик модистов. Как правило, они начинались с рассмотрения теоретико-методологических проблем (цели, предмет и метод грамматики) и определения ключевых терминов (таких как «звук» («*vox*»), «основа слова» («*dictio*»), «часть речи» («*pars orationis*») и т. д.). Эта первая часть находилась в сильной зависимости от философии науки Аристотеля. После нее, как правило, следовал подробный анализ частей речи безотносительно их связи друг с другом¹⁰. Данный раздел (Фома Эрфуртский называл его этимологией) основывался на оригинальных идеях модистов о типах и функциях модусов обозначения, однако анализ частей речи обычно проводился в соответствии с «порядком Доната». Третья часть спекулятивных грамматик, как правило, была разделом, посвященным синтаксису (Фома Эрфуртский называл его диасинтетикой). В рамках этого раздела модусы обозначения исследовались в аспекте их приложения к трем «свойствам» (*passiones*) речи (*oratio*): конструкции (*constructio*), связности (*congruitas*) и завершенности (*perfectio*). При этом под «конструкцией» понималось соединение двух частей речи, выполняющих в соответствии со своими модусами обозначения

¹⁰ Если говорить о Фоме Эрфуртском, то, по его мнению, предметом исследования грамматики являются части речи, которые образуются благодаря привхождению модусов обозначения как своего рода форм к основам слова (*dictiones*), после чего основы слова могут осуществлять частные функции в качестве элемента связной речи. Пояснить все это можно на обычном для модистов примере с основой слова *dol-*, обозначающей печаль [см. 2, с. 81]. Модусы обозначения образуют от этой основы слова следующие части речи: *dolor* (печаль), *doleo* (печалюсь), *dolens* (печалющийся), *dolenter* (печально).

функцию «составных элементов конструкции» (*constructibilia*); под «связностью» – формальная согласованность *constructibilia* сообразно их модусам обозначения в лице, числе, роде и т. д.; под «завершенностью» речи – ее способность осуществлять свою главную функцию, то есть адекватно передавать сложные понятия разума.

Четвертый критерий научности требовал от модистов определить грамматику в одну из основных областей теоретического научного знания. Здесь возникала вполне очевидная проблема: если все теоретическое знание разделяется на физику, математику и метафизику, то статус грамматики как теоретической науки оказывался под вопросом, поскольку она явно не попадала ни в

одну из указанных дисциплин. Модисты пытались выйти из этого положения, указывая на то, что грамматика занимает среди наук особое место: не являясь «сущностной частью философии», она является «вводной» (*introductoria*), или «инструментальной» (*organica*), но тем не менее полноценной теоретической дисциплиной [2, с. 20; 3, с. 179].

Таким образом, можно сказать, что определяющее влияние как на само формирование жанра спекулятивной грамматики, так и на методологию, которая использовалась модистами и другими представителями данного направления, оказала философия науки Аристотеля и, в частности, вышеуказанные четыре критерия научности.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1976 – 1984.
2. Боэций Дакийский. Сочинения. М., 2001.
3. Duns Scotus, Thomas Erfordiensis. *Grammaticae speculativae: nova editio*. Quaracchi, 1902.
4. Fredborg K. M. *Speculative grammar // A history of Twelfth-Century Western Philosophy* / ed. Dronke P. Cambridge, 1999.
5. Grabmann M. *De Thoma Erfordiensis auctore Grammaticae quae Ioanni Duns Scoto adscribitur speculativae // Archivum Franciscanum Historicum*. 15. 1922.
6. Graffi G., Pagliaroli S. *Terminans o determinans in Tommaso di Erfurt? Problemi interpretativi e filologici // Atti del sodalizio glottologico Milanese VI. Nuova Serie*. Milano, 2011.
7. Hunt R. W. *The History of Grammar in the Middle Ages (Collected Papers)*. Amsterdam, 1980.
8. Lehmann C. *Thomas von Erfurt // Große Denker Erfurts und der Erfurter Universität* / Hrsg. Pfordten D. von der. Göttingen, 2002.
9. Mathiesen R. *Review of Thomas of Erfurt. Grammatica speculativa. An edition with translation and commentary by G. L. Bursill-Hall*. London : Longman, 1972. *Language* 51. 1975.
10. Pinborg J. *Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter // Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters*. Band XLII, heft 2. Münster, 1967.

11. Pinborg J. Review of Thomas of Erfurt. *Grammatica speculativa*. An edition with translation and commentary by G. L. Bursill-Hall. London : Longman, 1972. *Lingua* 34, 1974.
12. Rosier-Catach I. *La Grammaire spéculative des Modistes*. Lille, 1983.
13. Rosier-Catach I. Modisme, pre-modisme, proto-modisme: vers une definition modulaire // *Medieval Analyses in Language and Cognition* / ed. Ebbesen S., Friedman R. L. Copenhagen, 1999.
14. Rosier-Catach I. *Grammar* // *The Cambridge History of Medieval Philosophy* / ed. Pasnau R. Cambridge, 2010.

A. V. Appolonov

THOMAS OF ERFURT'S «MODES OF SIGNIFYING»: GENRE AND METHOD

The article examines the main characteristics of the so-called speculative grammars of 13th and 14th centuries, especially those compiled under the common title «Modes of Signifying» by representatives of the modistic movement in medieval linguistics. The author shows that both the formation of the genre of speculative grammar and the methodology used by modists, were influenced decisively by the Aristotelian philosophy of science.

Keywords: Thomas of Erfurt, speculative grammar, modists, medieval linguistics, philosophy of language.

УДК 117

П. Е. Матвеев

ОНТОТЕОЛОГИЯ ГЕГЕЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА

Статья посвящена анализу понятия «онтотеология» в интерпретации Гегеля и Хайдеггера. Показана их диалектическая связь, а также единство и различие их интерпретаций с одноименным понятием у Канта. В исследовании дается критический анализ разных точек зрения на проблему «существования».

Ключевые слова: религия, онтология, онтотеология, существование, «доказательства бытия Бога», «онтологическое доказательство».

В одной из статей, опубликованных в «Вестнике ВлГУ», мы писали об онтотеологии Канта [16], о том, что Кант ввел это понятие в философский язык и по сути дела «закрыв проблему», показав

его (понятия) неэффективность. В конце той статьи мы отметили, что «однако «онтотеологию» можно понимать и не в кантовском значении. По этому пути пойдут Гегель и Хайдеггер». В данной

статье мы и попытаемся проанализировать путь Гегеля и Хайдеггера в проблеме онтотеологии.

Исследователи отмечают, что термин «онтотеология» появляется у Хайдеггера в лекциях по «Гегелевской феноменологии духа», прочитанных в 1930/31 гг. [12]. Затем вплоть до 60-х гг. Хайдеггер будет работать над проблемами онтотеологии. Примечательной здесь предстает его статья *«Онто-тео-логическое строение метафизики»*, которая по собственному признанию автора является «частично переработанным рассуждением, завершающим семинарские занятия зимнего семестра 1956/57 года, посвященные «Науке логики» Гегеля» [21, с. 7]. Вновь Гегель! Путь к Хайдеггеру лежит через Гегеля. К нему первоначально и надо обращаться.

Гегель (1770 – 1831) получил богословское образование. Защитил магистерскую диссертацию по церковной истории в Тюбингенском университете, но заниматься духовной карьерой не стал. И первая незавершенная научная работа Гегеля называлась «Народная религия и христианство». К ранним работам Гегеля относится и «Жизнь Иисуса», написанная в 1795 г., и при жизни Гегеля неопубликованная. Собственно и последние работы немецкого философа содержат исследования по религии. В частности, это «Лекции по философии религии». Данный курс Гегель читал четыре раза: в 1821, 1824, 1827 и 1831 гг. Затем, это «Лекции о доказательстве бытия Бога», которые Гегель читал в 1829 г., и текст которых

намеревался издать, но осуществлению чего помешала смерть философа в 1831 г. Как видим, на протяжении всей своей творческой жизни Гегель обращался к религиозной тематике. Думается, что для него подобное было важным не только из-за научных интересов, но и из-за личных стремлений утвердиться в своем понимании Бога и религии.

Мы не станем рассматривать все идеи Гегеля, высказанные им на сей счет. Нас будет интересовать отношение Гегеля к онтологическому доказательству бытия Бога, ибо оно собственно и представляет одну из главных содержательных тем онтотеологии. Само понятие «онтотеология» Гегель не использовал, хотя неоднократно касался онтологического доказательства и оценки его со стороны своего великого предшественника в философии – Иммануила Канта.

Как же Гегель оценивал идеи Канта об онтологическом доказательстве? Данную оценку мы встречаем в нескольких работах Гегеля: в «Науке логики», книге первой, посвященной бытию; «Лекциях по философии религии»; «Энциклопедии философских наук», томе первом; «Лекциях о доказательстве бытия Бога». Обратимся к изложению Гегелем мыслей Канта. Можно сказать в целом, что Гегель довольно точно передал эти мысли, но отнесся к ним критически.

В «Науке логики» Гегель пишет: «А в таком вылущивании существования бога из его понятия и состоит-де онтологическое доказательство. Но если несомненно верно, что понятие отличается

от бытия, то бог еще более отличен от ста талеров и других конечных вещей. В том и состоит *дефиниция конечных вещей*, что в них понятие и бытие различны, понятие и реальность, душа и тело отделены друг от друга, и потому преходящи и смертны» [2, с. 148]. Гегель и здесь, и в других местах заявляет, что рассуждения Канта не применимы к абсолютной идее, к Богу, в котором понятие и бытие нераздельны. «Напротив, – пишет Гегель, – абстрактная дефиниция бога состоит именно в том, что его понятие и его бытие *нераздельны и неотделимы*» [2, с. 148]. Именно в формально-логическом понятии и бога, и самого понятия будет обвинять Канта Гегель. По словам Гегеля: «Кант уничтожил это доказательство и создал всеми подхваченный предрассудок» [3, с. 218].

Само онтологическое доказательство бытия Бога Ансельма Кентерберийского Гегель оценивал очень высоко. Ансельма Кентерберийского он охарактеризовал как человека, «обладающего большой ученостью» [3, с. 219]. Но и в доказательстве Ансельма Гегель отмечал недостатки. И главным является тот, что Ансельм и понятие, и бытие не рассматривал *диалектически*, т. е. как «движущееся к своей противоположности». «То, что понятие есть такое движение определения себя в бытии, – утверждал Гегель в «Лекциях по философии религии», – такая диалектика, движение, состоящее в том, чтобы определить себя к бытию, к своей противоположности, – этот логический момент есть дальнейшее развитие, которое не дано в онтологическом доказа-

тельстве, и в этом – его недостаток» [3, с. 270]. Здесь следует остановиться и дать критическую оценку изложенным выше идеям самого Гегеля.

Как отмечалось, Гегель постарался довольно точно передать мысли Канта, но, по нашему мнению, не абсолютно точно. Дело в том, что Кант противопоставлял бытие не понятию, а другим предикатам или атрибутам/качествам субстанции. И по Канту бытие отличается от таких качеств как синее, горячее и т. п. Последующие поколения философов подтвердили данную мысль кенигсбергского мыслителя. В предыдущей статье мы указали на Мура, действительно свидетельствующие об особенностях бытия [16]. По Канту бытие может существовать как понятие в мышлении, как имя нарицательное в языке, но по содержанию оно не является реальным предикатом, «оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении» [7, с. 521].

Учение же Гегеля о неразрывной связи понятия и бытия нужно интерпретировать только в идеалистическом и диалектическом контексте, чтобы понять, о чем говорит философ. И суть его размышлений состоит в том, что понятие само есть Бог, диалектическая идея, самодвижущаяся, развивающаяся, и «вылущить» из такого понятия бытие, значит в осадке оставить совсем иное понятие – формально-логическое. Но данная идея Гегеля сама требует обоснования. Для верующего человека, каким несомненно был Гегель, это может

казаться очевидным. Об этом свидетельствуют и слова Библии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [1]. Но для философа, каким несомненно был Кант, эта великая идея требует обоснования.

Следующее замечание в адрес Гегеля касается его диалектики как диалектического метода познания и логического метода изложения. В настоящее время философия Гегеля редко цитируется, значительно реже кантовской философии. К его диалектике по большей части у самих философов отношение отрицательное. Ярким примером такой гиперкритической интерпретации Гегеля служит статья Карла Поппера «Что такое диалектика?» [17]. Мы не занимаем столь радикально критическую позицию против диалектики Гегеля и считаем, что за всей диалектической «шелухой», «диалектическим словоблудием» есть и рациональные здоровые зерна. Но доказательство, опирающееся на диалектику, требует действительно предметного критического анализа. И. Кант писал в формально-логическом дискурсе, хотя у него, как известно, есть понятие диалектики, но взятое во многом еще в античном, аристотелевском значении [8]. Таким образом, по нашему мнению, и в вопросе об онтологическом доказательстве бытия Бога, и в вопросе об онтотеологии, понимаемой как попытку познать существование первосущности «посредством одних лишь понятий без всякой помощи опыта» [7, с. 545], Кант более прав нежели Гегель.

Но с понятием «онтотеология», (напомним, что сам Гегель его не использовал) у Гегеля связана еще одна проблема, которая особо привлекала Хайдеггера. Это проблема *начала* философии и ее *принципов*. Гегель понимал данную проблему как проблему «с чего следует начинать науку?» и как исследование, и как изложение результатов исследования. В последующей за Гегелем марксистской философии с данным пунктом будет связываться принцип диалектической логики единства исторического и логического. Гегель различал понятия «начало философии» и «принцип философии». *Начало* – субъективно, это «способ начинать изложение» [2, с. 123]. *Принцип* философии – объективен, это «начало всех вещей». «Правда, – пишет Гегель, – *принцип* какой-нибудь философии также означает некое начало, но не столько субъективное, сколько *объективное* начало, начало *всех вещей*» [2, с. 123].

Принцип по Гегелю – это, например, вода, огонь, единое и т. п., что брали философы за первоначало, субстанцию мира. Начало и принцип в философии взаимосвязаны, как связаны метод и содержание теории, с чем, несомненно, следует согласиться. «Таким образом, – отмечал Гегель, – *принцип* должен быть также началом, а то, что представляет собой *prins* для мышления, – *первым в движении* мышления» [2, с. 124]. Начало философского изложения и исследования, чтобы быть продуктивным, должно быть в то же время и итогом исследования, здесь начинается круговорот гегелевской диа-

лектической философии, здесь «змея кусает свой хвост». Гегель пишет о логическом развитии, где движение вперед «есть скорее *возвращение назад в основание*» [2, с. 127]. Изложение теории от начала есть в то же время «дальнейшее его [начала – МПЕ] определение». Гегель попутно замечает, что начало теории «должно быть *абстрактным* началом» [2, с. 130]. Развитие теории таким образом подчиняется еще одному принципу диалектической логики – принципу восхождения от абстрактного к конкретному.

Понятно, что начало, о котором говорит Гегель, может появиться лишь в результате исследования предмета теории, как бы в конце исследования. И это должно быть такое начало, которое содержит в себе, как в зародыше, будущее древо теории. Такое начало, действительно, для каждой научной теории еще следует поискать.

Отметим здесь новизну методологии Гегеля. Классическим методом построения теории до Гегеля был аксиоматический, сформированный еще в античности и получивший классическую форму в «Началах геометрии» Евклида. Согласно аксиоматическому методу в начале теории формулируются основные понятия/термины, правила вывода, аксиомы – как положения, принимаемые за истинные без доказательств. А затем из аксиом по правилам вывода, в качестве которых служили и законы формальной логики, сформулированные Аристотелем, и с применением принятых терминов, строится теория, состоящая из теорем, следствий/колларий, при-

мечаний/схолий. Так, например, изложена философия Спинозы в его книге «Этика». Гегель же предлагает иную, не формально-логическую, а диалектическую методику.

В качестве примера теории, использующей диалектическую методику Гегеля, можно указать экономическую теорию К. Маркса, изложенную им в «Капитале». К. Маркс пишет в «Предисловии к первому изданию», что «всякое начало трудно, – эта истина справедлива для каждой науки» [10, с. 5]. В «Послесловии ко второму изданию» Маркс соглашается, что «открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения» [10, с. 17]. И в то же время он отмечает, что его диалектический метод является «прямой противоположностью» гегелевскому. «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [10, с. 17]. Маркс также отличает различие способа изложения от способа исследования. Только после того как исследование закончено, «может быть надлежащим образом изображено действительное движение», т. е. действительное изложение полученных в процессе исследования результатов.

Одним из таких важных результатов исследования буржуазной экономики явилось открытие К. Марксом товара, товарной формы продуктов труда как «экономической клеточки» буржуазного общества. Товар и есть подобная

клеточка капиталистической экономики, в которой, как в зародыше, содержатся многие ее феномены. И Маркс начинает изложение «Капитала» с анализа товара, глава первая так и называется «Товар».

Но вернемся к Гегелю. Как отмечалось, изложение теории по Гегелю должно подчиняться и такому принципу диалектической логики как принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Это означает, что начало теории должно быть и содержательным и простым, абстрактным, непосредственным. Гегель писал о логике, что она как наука о чистом знании есть знание о «простой непосредственности» [2, с. 126]. Если суммировать все сказанное Гегелем о начале, то началом «науки логики» по нему есть «чистое бытие». «В своем истинном выражении простая непосредственность есть поэтому *чистое бытие*» [2, с. 121]. Несомненно, что это не столько логический вывод из диалектических рассуждений, сколько интуитивное прозрение учебного. Как известно, глава первая книги первой «Науки логики» и называется «Бытие». Однако бытие здесь не формально-логическое, от которого можно было отмахнуться наподобие Канта, а бытие содержательное, за таким бытием стоит сущее, в конечном счете абсолютная идея или Бог.

Бог, по Гегелю, имеет «самое неоспоримое право» на начало логики, надо «начинать именно с него» [2, с. 136]. Поэтому такое «бытие» и живет, развивается по диалектическим принципам у Гегеля. Примечательно, что и первая

книга «Библии» называется «Бытие», что, несомненно, учитывалось Гегелем. И первые философские понятия принципов, которые связаны еще с именами милетцев – Фалеса, Анаксимена – можно понимать как названия богов. В «Лекциях по истории философии» Гегель скажет, «что в особенности о Фалесе нам ничего другого не известно, кроме принимаемого им первоначала, кроме утверждения, что вода есть бог всего» [4, с. 157].

Данные идеи Гегеля и заинтересовали Хайдеггера. С этого начинается его собственное учение об онтоотеологии. С онтоотеологией Хайдеггер связывал целый ряд проблем: историко-философскую, онтологическую, теологическую и др. Всегда надо иметь в виду, что Хайдеггер был не только историком философии, но и философом, который в своих философских исследованиях опирался на богатейший опыт истории философии, которую он прекрасно знал. И, проводя историко-философские исследования, он всегда видел за ними реальные и актуальные философские проблемы. Так, кстати, творил и Гегель. Хайдеггер сам об этом пишет следующее: «Гегель, однако, мыслит дело своего мышления, по сути дела одновременно в разговоре с прежней историей мышления. Гегель – первый, кто может и должен мыслить так. Отношение Гегеля к истории философии – спекулятивное и единственно как таковое – историческое» [19, с. 31]. Можно сказать, что такое единство исторического и спекулятивного стало методологическим принципом и для самого Хайдеггера.

Итак, с онтотеологией связаны прошлое, настоящее и будущее философии. М. Хайдеггер обращается к истокам философии – к досократической мысли, где и начинается философия в Европе. Однако дело и в том, что уже здесь намечается перекося, «сдвиг» в философской мысли, который спустя тысячелетия предстанет нигилизмом и атеизмом. Слова Ницше «Бог умер» и являются знаковой оценкой подобного итога истории западной философии. Хайдеггер неоднократно обращался к приведенным словам Ницше, обнаруживая в них разные потаенные смыслы [14]. У самого Ницше насчитывается около 15 вариаций на данную тему и «все необыкновенной красоты» [6, с. 33].

Здесь отражается и реальный исторический процесс, связанный с нигилизмом как с «переоценкой ценностей» и с атеизмом, который стал утверждаться в сознании людей XIX века, вероятно самого атеистического для Европы за всю ее историю. Здесь можно найти и пророческие прозрения Ницше, и его пессимизм в отношении европейской метафизики и т. д.

Для Хайдеггера, как и для Ницше, «смерть Бога» для европейского сознания, и, в частности, для философии есть несомненный факт. Смерть Бога означает и смерть прежней метафизики. Великий христианский святой и мыслитель, заслуживший славу «Богослова», Григорий Нисский сказал во втором слове о богословии: «Солнце в чувственном мире то же, что Бог в мысленном, сказал один из не наших» [5, с. 411]. «Из не наших» – возможно, Григорий

Богослов имел в виду язычника Платона, который первый заявил: «Чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам» [11, с. 315]. Иногда, как мы видим в примере с Григорием Богословом, слова Платона подаются так: «*Что Солнце в мире чувственном, то Бог – в мире мысленном*».

Но благо как *идея* не тождественна богу у Платона, боги и идеи имеют по нему автономное бытие. Однако христианство признает данное учение Платона еретическим, а Богу присвоит и имя «Благое» [15, с. 37]. Дионисий Ареопагит напишет о Боге: «Поскольку же, будучи бытием Благости, самым фактом своего бытия она [богоначальная сверхсущественность – МПЕ] является причиной всего сущего, благоначальный промысел Богоначалия следует воспевать, исходя из всего причиненного Им, потому что в Нем – все и Его ради, и Он существует прежде всего, и все в Нем состоялось, и Его бытие есть причина появления и пребывания всего» [15, с. 35 – 37].

Как Солнце в мире чувственном есть источник, начало жизни, так Бога можно по аналогии оценить как начало, принцип мира сверхчувственного. И «смерть Бога» влечет разрушение подобного мира. Данный процесс «умирания» сверхчувственного мира Ницше, как известно, обозначил как *утверждение нигилизма*. М. Хайдеггер пишет по этому поводу: «Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого

«сверхчувственное» в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценность и смысл. Нигилизм есть сама история сущего, когда медленно, но неудержимо выходит на свет смерть христианского Бога» [18, с. 64]. Остается лишь добавить, что «истина и сущее», по определению Хайдеггера, «в целом издавна носит название «метафизики»» [18, с. 64].

В самой же метафизике процесс умирания начинается с забвения *бытия* и с переноса внимания на *сущее*. Как отмечалось, по Хайдеггеру, этот процесс начался еще в досократической философии – вот где источник нигилизма! Все же как много заимствовал Хайдеггер у Ницше, правда, по-своему переосмыслив его! Так у Ницше грехопадение философии началось с Сократа, который предпочел аполлоновское начало дионисийскому. А по Хайдеггеру грехопадение философии надо перенести на еще более ранний срок – на досократиков, которые оставили бытие и обратились к сущему. Хайдеггер пишет: «Уже в ранней античности видели, что бытие и его определения в некотором смысле лежат в основе сущего, ему предшествуют, суть *раньше*, нечто более раннее. Терминологическим обозначением для этой черты предшествования бытия по отношению к сущему служит выражение *apriori*, *анприорность*, некое «раньше». Бытие как и *apriori* есть раньше сущего» [20, с. 24].

Как у Ницше, вся последующая после Сократа философия лишь углубляла нигилизм, так и у Хайдеггера вся

последующая после досократиков философия занималась лишь сущим. А по нему предметом философии должен быть «зазор» между бытием и сущим. По крайней мере, не должно быть забвения бытия. «Различие сущего и бытия есть та область, в которой метафизика, [т. е.] европейское мышление в целостности своего существа может быть тем, что она есть» [19, с. 37].

Здесь невольно возникают вопросы и возражения в адрес историко-философского экскурса Хайдеггера. Во-первых, почему забвение бытия есть забвение Бога? Разве Бог и бытие одно и то же? Как уже отмечалось выше при анализе Гегеля, данное тождество является истинным только для религиозного сознания. Оно здесь может предстать априорным, исходным, не требующим доказательств, принимающимся на веру. Для собственно философского сознания здесь заключается большая метафизическая проблема. И здесь, во-вторых, напрашивается замечание в адрес рассуждений Хайдеггера об истории философии при всем уважении к его знаниям в данной области. Он предложил свою интерпретацию, свою контекст/правду. С нашей точки зрения возможны и иные интерпретации историко-философского процесса.

В самом деле, согласно выдающимся представителям немецкой философии – Гегелю, К. Марксу, Ницше, Хайдеггеру – развитие философии носит прямолинейный характер. Отсюда и выводы о конце философии, ее подразделении на научную и ненаучную (К. Маркс), необходимости «шага

назад» в философии (Хайдеггер). И тот или иной философ время от времени примерял на себе личину могильщика философии и открывателя, творца новой философии. Так, Гегель считал, что философия закончила свое развитие в лоне его философской системы. Маркс, а особенно последователи Маркса – марксисты, утверждали, что до Маркса была ненаучная, т. е. неправильная философия, и только с Маркса началась истинная научная философия. Ницше обвинил философию в нигилизме и поставил программу «переоценки всех ценностей». Хайдеггер считал, что философия, начиная с досократиков, идет по неверному пути забвения бытия и обращает внимание только на сущее. Даже Кант говорил о «коперниканском перевороте» в философии. Скромненько, правда?! Откуда у немцев такое головокружение от собственных, несомненных, успехов в философии? Или это характерная черта западного мышления, воспринимающего историю как дорогу, хотя и петляющую, а не как разноцветное поле?! Однообразие против многообразия, одноцветие против разноцветия!

С нашей точки зрения, развитие философии, как и истории в целом, имеет *не прямолинейный* характер, а *круговой*, «ковровый», когда одновременно философия развивает разные направления, школы, методологии и т. п. *Философия – это не дорога к истине, а это поле истины*. И развивается она, как развивается поле, в круговую, одновременно во все стороны, а также через перепаживание прежней площади и высевание новых семян – идей. И развитие

философии разве не идет по этому плану?! Разве не занимались бытием еще в античное время, начиная с Парменида и Зенона?! Разве не думали о бытии средневековые философы?! Откуда тогда «онтологическое доказательство» Бога Ансельма Кентерберийского?!

В связи с открывающейся новой интерпретацией истории философии по новому звучит и вопрос о началах философии, ее постулатах. С чего начинать философствовать: с бытия или с сущего? А не все ли равно, если развитие философии не прямолинейно, а кругообразно?! Здесь можно привести размышление У. В. О. Куайна о постулатах, сделанных с логической точки зрения, в его знаменитой статье «две догмы эмпиризма». «Но если просто задать способ записи, – пишет У. В. О. Куайн, – математический или какой-то еще, действительно тщательно продуманный с точки зрения перевода или истинных условий его высказываний, кто мог бы сказать, какие из его истинных высказываний отнести к категории постулатов? *Очевидно, этот вопрос не имеет смысла – также бессмысленно спрашивать, какие пункты в штате Огайо являются начальными*» [9, с. 65] (выделено нами – МПЕ).

Но обратимся к Хайдеггеру. Онто-теология ему нужна была для объяснения, как Бог входит в философию. В самом деле, начиная с античности идея Бога живет в философии и время от времени занимает здесь важное место. И Хайдеггер объясняет это тем, что Бог и бытие взаимосвязаны, и философские рассуждения о бытии предстают и рас-

суждениями о Боге, и наоборот. Однако со временем происходит неоправданный перекося в философских исканиях, что приводит к развитию нигилизма и атеизма. И Хайдеггер предлагает философии сделать «шаг назад из метафизики в сущность метафизики» [19, с. 38]. Это вновь напоминает ницшеанскую идею «вечного возвращения», которой Хайдеггер также уделял много внимания [13].

Как известно, у Ницше было двоякое «вечное возвращение». В первый раз идея о нем повергла Ницше в уныние и ужас перед дурной бесконечностью вечного возвращения того же самого. Во-второй раз Ницше увидел здесь и ростки нового, что обратило его дух в радость и что придало ему оптимизма. Так и Хайдеггер предлагал сделать шаг назад из метафизики в сущность метафизики с учетом новых реальностей, где особую роль играет техника. «Шаг назад из метафизики в сущность метафизики, – писал М. Хайдеггер, – уви-

денный из современности и воспринятый из прозрения в нее, есть шаг из технологии и технологического описания и истолкования эпохи в *сущность* современной техники, которую еще только предстоит продумать» [19, с. 38].

Философ предвидел большие трудности для философии на этом пути, в том числе связанные с языком. Является ли сущность европейских языков «исключительно метафизической» или же они таят возможность для «сказывающего несказания» – это еще подлежит изучению. Хайдеггер предполагал, что «шаг назад» может остаться несделанным, «а путь, открываемый и указываемый им – не пройденным» [19, с. 58].

С нашей точки зрения, то, на что указывал Хайдеггер как на возможный путь развития философии, не является единственно возможным. Как мы отметили выше, развитие философии не носит прямолинейного характера пути к истине, философия – это поле истины, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Библиографические ссылки

1. Библия. Ин. 1.1.
2. Гегель В. Наука логики. М., 1970. Т. 1.
3. Гегель В. Философия религии. М., 1977. Т. 2.
4. Гегель В. Лекции по истории философии. Книга первая. М., 1932.
5. Богослов Григорий. Слово 28, о богословии второе // Святитель Григорий Богослов. Собрание творений : в 2 т. Свято-Троицкая Лавра, 1994. Т. 1.
6. Делез Ж. Ницше. СПб., 1997.
7. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 т. М., 1964. Т. 3.
8. «Трансцендентальная логика» Канта как одна из двух частей «Критики чистого разума», в свою очередь, подразделяется на две части: «Трансцендентальную аналитику» и «Трансцендентальную диалектику». Предметом трансцендентальной диалектики по Канту является анализ человеческого познания,

- стремящегося выйти за пределы опыта, где у него появляются идеи души, мира, Бога и где человеческий разум запутывается в ошибках, паралогизмах, антиномиях. Их анализ и составляет предмет диалектики, рассуждающей строго по формально-логическим, а не по диалектическим принципам. (См.: И. Кант. «Критика чистого разума»).
9. Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. М., 2010.
 10. Маркс К. Капитал // Избр. соч. В 9 т. М., 1987. Т. 7.
 11. Платон. Государство // Собр. соч. : в 3 т. М., 1971. Т. 3(1).
 12. См.: Гагинский А. М. Онто-теология и преодоление метафизики: М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион и христианская традиция // Вестник ПСТГУ. 1. Богословие. Философия. Вып. 4 (60).
 13. См.: М. Хайдеггер. Ницше. СПб., 2006 – 2007. Т. 1 – 2. Здесь обсуждение идеи «вечного возвращения» станет одной из центральных тем.
 14. См.: М. Хайдеггер. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7 ; Его же. Европейский нигилизм // Время и бытие. М., 1993 ; Его же. Ницше. СПб., 2006 – 2007. Т. 1 – 2.
 15. См.: Дионисий Ареопагит. О божественных именах. СПб., 1994.
 16. См.: П. Е. Матвеев. Онтотеология Канта // Вестник ВлГУ. 2016. № 2 (10).
 17. См.: Поппер К. Что такое диалектика? // Предположения и опровержения. М., 2008.
 18. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. М., 1993.
 19. Хайдеггер М. Онто-тео-логическое строение метафизики // Тождество и различие. М., 1997.
 20. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
 21. Хайдеггер М. Тождество и различие. М., 1997.

P. E. Matveev

ONTOTHEOLOGY OF HEGEL AND HEIDEGGER

This article analyzes the concept of "ontoteologiya" as it is interpreted by Hegel and Heidegger. It shows their dialectical relationship, as well as unity and difference in their interpretations with the same concept in Kant. The study provides a critical analysis of the different points of view on the "existence" problem.

Keywords: religion, ontology, ontology existence, "the proof of God's existence," "ontological proof".

КОСМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И НОВАЯ СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ

В программной работе Л. В. Шапошниковой обосновывается существование двух главных направлений, или способов познания – эмпирического научного и метанаучного, раскрываются их принципиальные особенности и взаимоотношение, а также эволюционный смысл синтеза этих способов познания. Впервые в науке выдвинута концепция культурно-исторических видов мышления (мифологический, религиозный, научный, космическое мышление), каждый из которых имеет свои особенности, свою культуру, свою эпоху. Особый акцент в работе поставлен на становлении космического мышления, на том большом вкладе, который был внесён в этот процесс выдающимися учёными-космистами и философами Серебряного века. Обосновывается важнейшее место в формировании космического мышления Живой Этики – философии космической реальности, которая содержит новую систему познания; впервые выявлены методологические положения Живой Этики.

Ключевые слова: космическое мышление, космизм, новая система познания, наука, метанаука, Живая Этика, Рерих, дух, Космос, Духовная революция.

Перерождение мышления должно утверждаться как основа лучшей Эпохи. Мышление – залог преуспевания, залог нового строительства, залог мощного будущего. Претворение жизни именно утверждается трансмутацией мышления. На каждом проявлении можно проследить, как мышление эволюционирует или инволюционирует. Кроме устремленного мышления, действует импульс зажигания мышления. Потому закон устремления дает нам соответствие, которое сближает Миры, насыщая творческим огнем. Дать себе отчет в направлении мышления уже поможет сдвинуть сознание.

Мир Огненный. Ч. III, §262

Научно понять – значит установить явление в рамки научной реальности Космоса.

В. И. Вернадский

Лучшие умы обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов.

Н. К. Рерих

Наука и метанаука

Знание и познание есть основные составляющие обширного пространства человеческой культуры. То и другое не тождественные понятия. Если знание представляет собой определенный объем

информации, которая тем или иным способом попадает в культурное поле конкретной эпохи и конкретного пространства, то познание – это проявленное знание, знание активизированное, систематизированное и объясненное. Знание

может быть случайным, неупорядоченным, разбросанным, познание же – это всегда система. За всю историю человечества мы сталкиваемся с самыми различными системами познания, с различными способами этого познания.

В пространстве и времени XIX – XX вв. сформировались и получили относительно завершение два главных направления в познании: научное и вненаучное. Под научным имеется в виду прежде всего эмпирическая материалистическая наука и ее экспериментальный способ познания. Так называемое вненаучное направление объединяет самые разные способы познания, но имеющие общие принципиальные особенности. Вненаучный способ познания формировался в течение ряда тысячелетий и развивался через человека, через его внутренний мир. Иными словами, этот способ существовал в духовном пространстве, границы которого много обширнее, чем те, которые имела эмпирическая наука, действовавшая в трехмерном поле плотной материи. Природа духовного пространства определила и особенности этого способа познания, основным методом которого было умозрение, или умозрительное действие. Научный же способ познания был всегда ограничен экспериментом. И хотя тот и другой способ имели общий источник возникновения и взаимодополняли друг друга, наука не брала в расчет вненаучный способ познания, высокомерно отворачивалась от него, забывая о том, что оба они были птенцами, вылетевшими из одного гнезда. А если продолжить это «птичье» сравнение, то следует сказать, что вышеупомянутая птица познания со временем разделилась надвое, и у каждой из них

оказалось по одному крылу. Поэтому ту и другую порой уносило с правильного пути, а однокрылый их полет был драматичен и мучителен.

До сих пор в нашем образованном и грамотном мире вненаучный способ познания характеризуется такими определениями, как эзотерика, оккультизм, мистика и прочее. Ни одно из этих названий не дает ясного представления о самих знаниях и путях их получения, а, скорее, способствует различного рода непониманию и мифам. Если отбросить эти архаические термины и понятие «наука» взять в качестве основного, то такую систему познания можно было бы назвать сверхнаукой, или метанаукой. Этот метанаучный способ познания весь пронизан космизмом. И мифологическое сознание, и религиозное в своем творчестве имели связь с Богом, Высшим, Космосом. Слова могут быть самыми разными, но космическое содержание их оставалось одним и тем же. Пришедшее им на смену научное мышление было лишено подобных связей, а следовательно, и соответствующих методологических установок.

Идущая из глубины веков метанаучная система познания сохранила свои накопления в основном на Востоке, наиболее древней в культурном отношении части нашей планеты, и укрепилась затем и на Западе. Она не имела отношения к эксперименту как таковому, а пользовалась свидетельством или информацией, шедшей через духовный мир человека из пространства инобытия, или, другими словами, из пространства материи иных состояний и измерений. Информация эта обладала одним важным качеством – она намного опережала сведения, полученные в ре-

зультате эксперимента, и во многих случаях имела пророческий, или пророческий, характер. На основе этого создавалась философия, в которой метод свидетельства имел концептуальное значение и нес в себе формообразующее начало. Такие явления, как сны, видения, информационные образы, идущие из Космоса, – все они относились к свидетельствам, ибо, несмотря на субъективный канал взаимодействия, носили вполне объективный и даже практический характер. Подобные знания отрицались не только наукой, но и церковью, несмотря на то, что последней были хорошо известны видения и пророчества святых. Сюда же следует отнести и искусство. Являясь самой таинственной областью человеческого творчества, искусство более, чем другие области, связано с инобытием, откуда, собственно, и идут к человеку творческие импульсы красоты и образцы гносеологической информации.

Уровень свидетелей и их работ был разный, но среди них хотелось бы отметить труды немецкого философа Якоба Бёме (1575 – 1624). Его работа «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» дала пример смелой диалектики (мир как движение и соединение противоречий), улучшила наше понимание реального Космоса и была впоследствии использована представителями немецкой классической философии Гегелем и Фейербахом. Ф. Энгельс назвал Бёме «предвестником грядущих философов» [6, с. 574].

Несмотря на это, произведения Бёме в советское время были запрещены, а церковь еще при жизни философа прокляла его «Утреннюю зарю».

Свидетельства Бёме об устройстве Вселенной намного обогнали не только тогдашнюю науку, но и современную нам. Из того, что он увидел духовным взором, следовало, что человек идентичен Космосу, а человеческое сердце – центр мира. В то время ни наука, ни теология подобного не утверждали. И можно удивиться проницательности Ф. Энгельса, который, нисколько не сомневаясь, включил знания Бёме в будущую философию, изменения которой, по всей видимости, интуитивно предчувствовал сам. Бёме дал уникальные свидетельства о важнейшем месте человека во Вселенной. Уровень Бёме как свидетеля был много выше уровня его современников, которые, возможно, и не подозревали о существовании подобных свидетельств.

Разъединение систем познания на научную и вненаучную, или метанаучную, было столь же неплототворным, как и разделение духа и материи, хотя бы и условное. К XX веку такие разделения если не полностью заблокировали движение науки, то во всяком случае закрыли дорогу к правильному осмыслению открываемых явлений.

Три культурно-исторических вида мышления

Общепризнано, что человечество в своей истории прошло через три вида мышления, или сознания. Точнее, прошло через два первых вида, а в конце третьего находится сейчас. По времени он оказался самым коротким. На подходе – четвертый. Какой именно, это как раз и предстоит нам выяснить. Три вида мышления – это мифологический, религиозный, научный, каждый из которых имел свои особенности, свою

культуру, свою эпоху. Каждый вид формировался в глубинах предыдущего. У мифологического сознания не было «опоры» в виде предыдущего мышления, в недрах которого оно бы зародилось. В этом состоит одна из его загадок. Все в нем представляется тайной: и его целостность, и образность, и мудрая глубина этой образности, и загадочный язык символов, которыми пользовался человек, действуя и творя в пространстве мифологического мышления. И еще: в самой мифологии заключается ряд труднообъяснимых особенностей. Знания, которые содержались в мифологии, начинались с космогонических представлений, которые занимали большую часть пространства самих мифов. И второе. Мифологические знания оказались общими для народов, удаленных друг от друга на большие расстояния. Эта общность создавала впечатление, как будто кто-то неизвестный и вездесущий бросил на землю горсть волшебных зерен и они проросли мудрой глубиной удивительных мифов, в которых было все и от которых пошли все наши знания и умения. Мексиканский ученый Ф. Д. Инфанте пишет: «Религии, философские системы, искусство, общественные формы бытия примитивного и современного человека, первые научные и технические открытия, даже мучительные сновидения – все это вытекает из единого мифологического источника» [9 с. 174].

В пространстве мифологического мышления возник интересный культурно-исторический парадокс. С одной стороны, мифологическое мышление не имело своего предшественника в земной истории, или, по крайней мере, мы об этом не знаем. С другой стороны,

оно являлось наиболее универсальным по сравнению с двумя другими. В этом парадоксе нарушена культурно-историческая логика настолько, что в пределах земной информации мы не можем получить ему объяснения. Все в мифологии удивительно и неправдоподобно. Ее герои действуют в обстоятельствах, где время и пространство иные, а сами эти герои обладают качествами, не присущими земному человеку. Тексты метанаучных знаний наводят нас на мысль, что источником земной мифологии был Космос, где мы находим миры с более тонкой структурой материи и более высоких измерений, чем наш плотный мир. Иными словами, изначальная мифологическая информация является космической информацией, пришедшей на Землю из инобытия и заложившей, таким образом, фундаментальные наши знания и основные виды мышления, развившиеся потом из той же мифологии. Меньше всего можно считать, что мифология могла быть плодом человеческого воображения. Но в том, что мифология инициировала человеческое воображение как способ познания, сомневаться не приходится.

В мифологии субъектом, или правящим началом, является Космос и процессы, происходящие в нем. Человек же – лишь объект всех действий персонифицированного Космоса. Проблема субъект-объект, которую мы рассматриваем в пространстве мифологического мышления, может быть поставлена лишь условно. Дело в том, что мифологии, как целостному явлению, чужд так называемый разделительный, или аналитический, подход, субъект и объект здесь нераздельны, они настолько тесно связаны между собой, что отде-

лить один от другого крайне трудно. Начало правящее и начало подчиненное и в пространстве и во времени представляют собой единое целое, дополняют друг друга. И лишь следующее за мифологическим мышлением – религиозное – отделяет одно от другого, изменив качество и того и другого. Вместо разнообразия и богатства Космоса появился единый Бог, связывающий объект, или человека, с Высшим. Бог становится правящим началом, а человек – безусловно подчиненным ему объектом. Наиболее ярко выражено такое соотношение в католичестве, где возникает сильная Церковь в качестве замены Бога на земле. Функции Бога присваиваются церковными иерархами, получившими священное право говорить и действовать от имени Бога. Это обстоятельство немало повлияло на формирующееся в недрах религиозного мышления научное мировоззрение.

Крайне негативную роль в этом отношении сыграла инквизиция, которая не только олицетворяла собой борьбу Церкви за веру и ее чистоту, но и вела настоящую войну против всего нового, и в первую очередь против новой мысли. Инквизиция безжалостно преследовала всех, кто нес новые знания. Не буду перечислять, сколько выдающихся ученых Средневековья сгорели на кострах, прошли через пыточные камеры и кончили свою жизнь в заточении. Всевластие Церкви и феодальный гнет в светском обществе усугубляли тенденции свободолюбия. Свобода и научное мышление шли рука об руку. Свободомыслие французских энциклопедистов, их антицерковный настрой, а затем и Великая французская революция положили начало освобождению научного

мышления от тяжелых пут средневековья, и в первую очередь от церковного надзора над мыслью. Искажения, которые возникли в духовном пространстве европейской мысли в результате церковной политики, обусловили ряд отрицательных черт в изначальном слое научного мышления. Оно вышло из религиозного Средневековья механистически материалистическим, атеистическим и эмпирическим. Церковь сама «обезбожила» новое мышление, перерезав его связь с Высшим. Молодая наука поставила на место Бога свободно мыслящего человека, сделав его субъектом и правящим началом. Что же касается самого Бога, то он в пространстве самой науки был упразднен. Пример. Когда выдающийся астроном Лаплас объяснял заинтересовавшемуся Наполеону принципы небесной механики, то на вопрос императора о месте Бога во всем этом ответил: «Сир, я не нуждаюсь в такой гипотезе». Откровенный атеизм, механистический материализм, отсутствие космической концепции в теории познания и прочее составили основные «достоинства научного мышления».

Зарождение и становление четвертого вида мышления – космического Мышления

В конце XIX – начале XX века началась Духовная революция в России, приведшая к явлению Серебряного века в ее культуре и философской мысли. Серебряный век принес с собой ослепительные вспышки расцвета искусства, литературы, философии, а также зарождение новой научной мысли. К сожалению, в трудах по истории России и ее культуры Духовная революция, так

много давшая России в целом, не удостоилась упоминания. Причиной этому служат различные исторические обстоятельства, сложившиеся в России к началу XX века. Главное из них состоит в том, что Духовная революция совпала в определенной степени с революцией социальной, происшедшей в 1917 году и получившей название Октябрьской. И тогда началось то великое противостояние двух революций, которое привело сначала к замедлению, а затем и вовсе к затуханию Духовной революции. Однако последняя, в основе которой лежала энергетика духа и культуры человека, не могла полностью исчезнуть с исторической арены страны и, несомненно, несла в себе потенциал дальнейшего возрождения. Опираясь на непреходящие ценности, связанные с творческой деятельностью человека, Духовная революция была запрограммирована на долгое время, и остановить совсем ее ход было невозможно. В отличие от социальной революции, Духовная была связана с духовно-энергетическими процессами, происходящими внутри самого человека. Социальная же революция занималась лишь внешней стороной человеческого бытия, выдвигая на первый план проблемы классовой борьбы, экономического благополучия угнетенных классов и передачу власти от господствующих классов угнетенным. Мировоззренческой платформой социальной русской революции являлось социологическое мироощущение XIX века, в основе которого лежала социально-экономическая доктрина крупнейшего ученого Германии Карла Маркса. Эта доктрина и стала фундаментом идеологии русской социальной революции. Если диапазон

действия социальной революции ограничивался историческими рамками пространства одной страны, то Духовная революция простирала свои крылья в Космос, действуя в пространстве энергетических коридоров космической эволюции и связывая воедино земное и небесное. Она заложила основы космической переориентации важнейших форм познания, таких, как философия, наука, искусство.

Духовная революция XX века, в пространстве которой формировалось новое мышление космического мироощущения, несла в себе тенденцию к синтезу научного и вненаучного способов познания. Наиболее яркое выражение эта тенденция получила в трудах философов Серебряного века, тесно связанных с проблемами культурно-духовной эволюции человека.

Среди этих философов были такие высокие умы, как В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и другие. В их трудах мы находим мысль и религиозную, и философскую, и научную. Работы философов Серебряного века, такие, как «Чтения о Богочеловечестве», «Оправдание Добра. Нравственная философия» В. С. Соловьева, «Философия свободы», «Смысл творчества», «Судьба России», «Творчество и объективация», «Царство Духа и царство кесаря» Н. А. Бердяева, «Столп и утверждение истины», «Мнимости в геометрии», «Обратная перспектива», «Общечеловеческие корни идеализма» П. А. Флоренского, «Свет невечерний», «Два града» С. Н. Булгакова, «Путь к очевидности» И. А. Ильина и другие, были самобытны, в них отсутствовало традиционное подражание западным школам.

Отойдя от мелких политических моментов, от вопросов рутинного бытия, русские философы поместили в центр своих исследований человека, особенности его духа, эволюционную его судьбу и роль Высшего во всем этом. Старое социологическое мышление с его традиционными подходами не могло ответить на многие вопросы, которые ставили перед Россией и миром события космического масштаба. Русские мыслители интуитивно ощущали те энергетические изменения, которые несла в себе эволюция Космоса и человека XX века. Они, эти мыслители, переходили, по выражению Н. А. Бердяева, в «иное идейное измерение», прозревая энергетическую целостность мироздания и его неразрывную связь с человеческим бытием.

Научный взрыв 20-х годов XX века в значительной степени способствовал развитию такого процесса. Естественные науки, и в первую очередь физика, методологически оказались в критическом положении. Материя, в заданных обстоятельствах эксперимента, начинала вести себя непредсказуемым образом. Неделимое становилось делимым, в невидимых пространствах обнаруживалась бурная энергетическая деятельность, на «чистые» эксперименты в атомной физике стала влиять тонкая энергетика самого экспериментатора, в материи появились какие-то «нематериальные» структуры и частицы. Новое мышление, складывающееся в пространстве Духовной революции, ставило перед научной мыслью новые задачи, вызов которых приняли самые выдающиеся ученые. Накопления «вненаучных» областей человеческого знания вновь оказались востребованы.

Нахождения великих ученых, таких, как В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, П. Тейяр де Шарден, Нильс Бор, Альберт Эйнштейн, соединили в себе науку и метанауку. В их работах формировался целостный подход к явлениям природы и человеческого общества.

Ученые обратили внимание на забытые мысли древних мудрецов о тесном взаимодействии человека, планеты, Космоса, о фундаментальном единстве макро- и микрокосма. Эти мысли находили подтверждение в научных открытиях. Особенно много для осмысления новых открытий дала умозрительная философия Востока. Новое космическое мироощущение вводило в науку категорию духа, приближало ученых к изучению иных состояний материи и заставляло их искать экспериментальные подтверждения существования такой материи.

Резкие границы между научным и метанаучным методом стали размытаться, направляя поток научной мысли к синтезу в пределах различных явлений космопланетарного характера. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере, изложенное в уникальном труде «Научная мысль как планетное явление», было одним из первых научных плодов нового космического мышления на уровне «эволюции, осознавшей себя» (П. Тейяр де Шарден).

Ноосфера, или сфера разума, следующий, высший этап в развитии биосферы Земли, – есть результат, утверждал ученый, сознательной мыслительной деятельности человека. В те же годы А. Л. Чижевский писал о необходимости новой науки – «более современной, чем современная, более терпи-

мой к новым идеям и новым завоеваниям человеческого гения» [13, с. 116].

Гениальный К. Э. Циолковский в заштатной Калуге писал и говорил об одухотворенном Космосе, о разумных силах в нем, о неодолимой воле Вселенной, об иерархии высокоразвитых существ. «Воля человека, – утверждал он, – и всяких других существ – высших и низших – есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения – есть только голос Вселенной» [12, с. 14].

Выдающийся ученый XX века А. Л. Чижевский экспериментально обосновал взаимодействие человеческого организма и человеческого общества с деятельностью Солнца, и в частности, с ритмом солнечных пятен. Исходя из концепции единства человека и Космоса, взаимодействия человека и Солнца, он установил циклы и ритмы влияния Солнца на здоровье, общественную деятельность человека и на земной исторический процесс в целом. Эти исследования ломали границы между науками естественными и гуманитарными, оставляя причинные приоритеты за естественными. В своих трудах ученый писал о великой электромагнитной жизни Вселенной, закладывая первые кирпичи в фундамент энергетического мировоззрения XX века. Подводя итоги своих необычных исследований, Чижевский продвигался все дальше и дальше в своем космическом поиске. «Из сказанного следует заключить, что есть некоторая внеземная сила, воздействующая извне на развитие событий в человеческих сообществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой

деятельности служит лучшим указанием на эту силу» [14, с. 52].

Многие научные открытия XX века имели прямое отношение к «вненаучной» информации, касающейся в первую очередь проблем пространства, в котором и были заключены основные тайны мироздания. Первые шаги в этом направлении сделаны еще в XIX веке русским ученым Н. И. Лобачевским, разработавшим теорию неевклидовой геометрии, перевернувшей наши представления о самой природе пространства, которое оказалось не таким плоским и однозначным, как у Евклида. За пределами механистически-материального мира возникло нечто, недоступное обычному зрению, но тем не менее реально существующее, поддающееся исследованию научной мыслью. Невидимое пространство несло в себе новые измерения, пока еще недоступные сознанию человека, информация о которых пришла из области метанаучной.

Вслед за Лобачевским немецкий ученый Герман Минковский в 1907 – 1908 гг. заговорил не о пространстве как таковом, а о пространстве-времени как целостном явлении. В результате Минковский пришел к выводу о том, что существует некая четвертая пространственно-временная координата. То, что возникало в духовных озарениях метанауки, оказалось реальностью сегодняшней науки. Теория относительности Альберта Эйнштейна утвердила эту координату как четвертое измерение.

Учитывая, что скорость света 300 000 км/с имеет свои материальные границы, Эйнштейн подошел вплотную к гипотезе существования сверхсветового пространства.

В науку, в ее парадигму постепенно, вместе с невидимыми пространствами и мирами, входило реальное понятие духа и предощущение ее революционных изменений.

Космическая эволюция востребовала тех мыслителей и ученых, которые обладали способностью к синтезу и несли его в себе. Таким человеком был, например, П. А. Флоренский, великий ученый, священнослужитель, уникальный философ, обладавший способностью свидетельства и хорошо понимавший искусство как важнейший способ познания.

«В геометрии, – пишет П. А. Флоренский в труде “Мнимости в геометрии”, – изучаем мы **пространство**, – не линии, точки и поверхности как таковые, а именно **свойства пространства**, выражающиеся и в этих частных пространственных образованиях» [11, с. 12 – 13]. Он ставит перед собой задачу «**расширить область двухмерных образов геометрии так, чтобы в систему пространственных представлений вошли и мнимые образы**. Короче говоря, необходимо найти в пространстве **место** для мнимых образов, и притом не отнимая от уже занявших свои места образов действительных» [11, с. 11 – 12]. Ученый выполнил эту задачу, постиг свойства пространства, используя при этом не только геометрию, но, казалось бы, совсем неожиданный для науки источник – «Божественную комедию» Данте. Данте был не только великим поэтом, но и крупным эзотериком, обладателем тайных знаний, и был причастен к «свидетельскому» направлению метанаучного знания. Строение мироздания, описанное Данте в «Божественной комедии», было настолько реаль-

ным, что послужило Флоренскому основанием для его анализа «Мнимостей в геометрии». В космологии Данте ученый обнаружил «предвосхищение <...> неевклидовой геометрии» [11, с. 44].

В заключение своего исследования Флоренский пишет: «Область мнимостей реальна, постижима, а на языке Данта называется **Эмпиреем**. Все пространство мы можем представить себе **двойным**, составленным из действительных и из совпадающих с ними мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через **разлом** пространства и **выворачивание** тела через самого себя. Пока мы представляем себе средством к этому процессу только увеличение скоростей, может быть, скоростей каких-то частиц тела, **за** предельную скорость света, но у нас нет доказательств невозможности каких-либо иных средств» [11, с. 51]. Эта мысль Флоренского, связывающая напрямую устройство мироздания с внутренним пространством самого человека, была столь смела и парадоксальна, что не могла быть воспринята ни идеологами, ни самими учеными. Опережение своего времени, которое присуще свидетелям иного мира, обладающим духовным зрением, стоило Флоренскому жизни.

Тем не менее Флоренский подтвердил, что в традиционной науке чисто научных (как мы это себе представляем) методов исследования нет. В нее все время вторгается так называемая метанаучная информация, не основанная на традиционном эксперименте, но тем не менее приносящая важные результаты. Ибо в конечном счете наукой

занимается все тот же человек, энергетическая структура которого намного богаче, чем себе представляет традиционная наука, полная предрассудков и самоограничений. Именно богатство внутреннего мира и энергетики самого человека, занимающегося научными исследованиями, и обуславливает во многих случаях отклонение от механистически-материального эксперимента в сторону метанаучных методик и информации.

Известный философ К. А. Кедров пишет, что, соединив Эйнштейна с Данте, «Флоренский создал свой неповторимый образ Вселенной. Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит по Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира очерчивает радиус светового луча, пробегающий свой путь за одну секунду. <...>

Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения мироздания; свернулось в клубок наше земное время, вмещающее прошлое, будущее, настоящее. Это есть реальная вечность» [5, с. 140].

И «Обратная перспектива», и «Иконостас» Флоренского несут в себе научные доказательства существования миров иных состояний материи и иных измерений. Флоренский получает доказательства этого в художественном пространстве, где отражен религиозный опыт постижения инобытия. Речь идет об иконах, на которых изображены те или другие моменты, связанные с Высшими мирами. Флоренский считал икону окном или даже дверью в мир иной, откуда на молящихся в зависимости от состояния их духа могли даже

сходить видения святых. Тех святых, по свидетельству которых и писались сами иконы.

Иконы представляют собой уникальное явление, которое дает возможность провести научный анализ мира более высокого измерения, что и было сделано Флоренским в его «Обратной перспективе».

В. И. Вернадский также прибегал к метанаучному способу познания, чтобы доказать научные положения своей теории ноосферы. «Художественное творчество выявляет нам Космос, проходящий через сознание живого существа», – писал ученый (цит. по: [5, с. 235]). Занимаясь самым серьезнейшим образом историей науки и научного мировоззрения, Вернадский ощущал в себе ток эволюции, ведущей к созданию не только космического мироощущения, но и к новой системе познания, в которой так нуждалась бурно развивающаяся в начале XX века наука. Вернадский был одним из первых, кто понял несоответствие старой системы научного познания современному процессу развития науки и поставил в своих философских трудах проблему иных взглядов на теорию научного познания. Он снял антагонизм, существовавший ранее в пространстве «наука – не-наука», и даровал равные права науке и другим способам познания, прекрасно понимая, что, если такого не сделать, это скажется самым роковым образом в первую очередь на самой же науке. «Научное мировоззрение, – писал он в 1902 году, – развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или

ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою – и могут быть разделены только в воображении» [1, с. 31]. И еще: «При изучении истории науки легко убедиться, что источники наиболее важных сторон научного мировоззрения возникли вне области научного мышления, проникли в него извне, как вошло в науку извне всеохватывающее ее представление о мировой гармонии, стремление к числу. Так, столь обычные и более частные, конкретные черты нашего научного мышления, как атомы, влияние отдельных явлений, материя, наследственность, энергия, эфир, элементы, инерция, бесконечность мира и т. п., вошли в мировоззрение (научное. – Л.Ш.) из других областей человеческого духа; они зародились и развивались под влиянием идей и представлений, чуждых научной мысли» [1, с. 29 – 30].

Вернадский считал, и вполне справедливо, что в современном научном мировоззрении невозможно отделить то, что пришло в него из чистой эмпирической науки, от того, что пришло из метанауки. И если вопреки здравому смыслу такое разделение вдруг произойдет, то от научного мировоззрения останутся лишь осколки.

Сама научная революция XX века была неотъемлемой частью Духовной революции, в которой тесно переплетены ее составляющие: философия космического мироощущения, научные достижения, нахождение религиозной и гностической мысли и озарения поэзии и искусства. В активном синтезе перечисленного должна была возникнуть,

как Афродита из морской пены, новая система познания, насквозь пронизанная идеями космизма, но более высокого уровня, нежели изначальный космизм древней мысли.

«Живой, смелый молодой дух, – писал Вернадский в 20-е годы XX века, – охватил научное мышление. Под его влиянием гнется и трясется, рушится и изменяется современное научное мировоззрение. Впереди, на далеких высотах, открываются негаданные горизонты. К ним стремится в настоящее время великий порыв человеческого творчества.

Этот исторический перелом должен быть пережит смелой и свободной мыслью. Нужно далеко отбросить от себя старые “истины”, быстро на наших глазах превращающиеся в старые предрассудки. Надо расчистить почву от накопившихся от прошлого ненужных теперь подпорок и построений» [1, с. 57].

Этот «исторический перелом» в научной мысли ощущал не только В. И. Вернадский, но и те русские ученые, которые обратили внимание на Космос, идущие в нем процессы, и соотнесли все это с главными направлениями развития не только самой науки, но и со знаниями, которые были получены из метанаучного пространства, пронизанного космическими идеями.

Предчувствуя переломные события в поле научного мировоззрения, Вернадский отмечал: «Итак, современное научное мировоззрение – и вообще господствующее научное мировоззрение данного времени – не есть *maximum* раскрытия истины данной эпохи. Отдельные мыслители, иногда группы ученых, достигают более точного его познания, но не их мнения определяют ход научной мысли эпохи. Они чужды

ему. Господствующее научное мировоззрение ведет борьбу с их научными <...> идеями. И это борьба суровая, ярая, тяжелая» [1, с. 43].

Борьба действительно оказалась «ярой и тяжелой», ибо это была борьба старого с новым – старого мышления с новым. Но процесс становления нового мышления, несмотря на все препятствия, через которые проходили его создатели, жертвуя своей свободой и жизнями, продолжал развиваться и вовлекал в свои ряды все новых и новых последователей. «Рушатся вековые устои научного мышления, срываются покровы, принимавшиеся нами за законченные создания, и под старыми именами перед удивленным взором современников открывается новое, неожиданное содержание» [1, с. 56]. Это опять Вернадский.

Предвидение нового космического мышления, новой системы познания владело не только Вернадским, но и Чижевским, Циолковским, Флоренским – теми учеными, которые обогнали свое время и приняли на себя всю тяжесть противоречия между уровнем сознания современников и развитием передового научного мышления.

Новое мышление, которое начало развиваться в XX веке в пространстве Духовной революции в России, явилось более серьезным и глубоким процессом, нежели мы себе это можем представить. Думаю, не ошибусь, если скажу, что происходит смена одного вида мышления другим. Этот процесс носит несомненно эволюционный характер. Мы оказались свидетелями событий космического масштаба, во всей их грандиозности и роковых столкновениях, суть которых нами еще до сих пор не осознана.

Великий русский поэт Ф. Тютчев писал о таких периодах:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Не все собеседники всеблагих, не все посетившие этот «мир в его минуты роковые» смогли осознать важность времени, в котором они оказались. К сожалению, до сих пор мы рассматриваем космическое мышление как одно из направлений современной мысли, забывая о том, что каждый вид мышления формировался в недрах предыдущего и затем складывался как господствующее направление. В космизме XX века мы имеем не частное направление, а начало (а может быть, уже не начало) общего процесса замены одного вида глобального мышления другим. Мнение о том, что космизм есть только часть научного мышления, в самой своей сути неверно. Космизм, или космическое мышление, много шире по своим концепциям современного научного мышления. Нам предстоит еще осознать, что последнее лишь часть уже формирующегося нового мышления, из которой в будущее перейдут ее лучшие познавательные элементы. Думать, что новое космическое мышление наступит сегодня или завтра, значит не уметь ориентироваться во времени процесса. Завершающий период формирования нового мышления может занять не менее двух веков, а возможно, и больше. Время процесса становления космического мышления зависит от самого человека. Чем выше уровень сознания человека, тем быстрее и плодотворнее окажется этот процесс.

Каждый из видов мышления имел свое пространство и свое время. Каждому из них предшествовали революционные изменения в духовно-культурном поле, или, коротко говоря, Духовные революции.

Определить время возникновения первого, самого древнего вида мышления – мифологического – сейчас крайне трудно, по всей видимости, оно исчисляется несколькими тысячелетиями до нашей эры. Мы знаем, что этот вид мышления имел ряд эксклюзивных качеств, отличавших его от последующих. Мы можем сказать, что мифологическое мышление зародилось на Востоке, самой древней в культурном отношении части нашей планеты.

Религиозному виду мышления предшествовала Духовная революция, давшая миру учение Христа. Само же мышление как таковое возникло в пространстве Европы в начальные века нашей эры.

Научный вид мышления сохранил за собой европейское пространство. Духовная революция также предшествовала зарождению этого мышления и проявила себя наиболее ярко в мысли французских энциклопедистов, а затем и в Великой французской революции 1799 года. Полагаю, что XVII – XVIII вв. были временем возникновения научного мышления и его главной основы – эмпирической науки.

И наконец, четвертый вид мышления, появившийся в результате Духовной революции в России в конце XIX – начале XX в., имеет полное право называться Космическим мышлением. Исторические обстоятельства этого пространства и времени сложились так, что мы можем считать этот вид мышления

чисто российским явлением, но имеющим тенденцию к полной глобализации. Наука и ее великие носители приняли самое активное участие в формировании этого нового мышления. Не остались в стороне русские философы Серебряного века, а также представители искусства и религии.

В результате уже в начале XX века в сфере космического мышления сформировались его основные идеи:

1. Новое космическое мышление требует иной системы познания и иных методологических основ, нежели те, которые существуют в современных теориях познания. Осмысление и становление новой системы есть крайняя необходимость для дальнейшего развития космического мышления.

2. Космос рассматривается в новом мышлении не только как астрономическое понятие, а во всем его энергетическом богатстве и многообразии состояний материи.

3. Целостный подход к изучению Мироздания необходим для его правильного осмысления.

4. Взаимосвязь между космическими процессами и бытием человека должна учитываться при исследовании человека и Космоса.

5. Влияние на человека и земные процессы материи более высокого состояния следует рассматривать как причинные явления.

6. Макро- и микрокосм – едины.

7. Человек – часть Космоса, несущая в себе этот Космос.

8. Дух – одно из важнейших явлений, связывающих внутренний мир человека с глубинным Космосом.

9. Человек является субъектом и сотрудником космических сил, что нашло

свое отражение в теории теургии В. С. Соловьева и во введенном им понятии богочеловека.

10. Космическое мышление – это не только научная концепция, но и практическое преобразование жизни и сознания человека.

11. Новая система познания, соответствующая новому мышлению, представляет собой синтез основных способов познания, научных и метанаучных, который приведет к восстановлению, на более высоком уровне, связи с Высшим.

12. Такая система познания будет теснейшим образом связана с нравственными и этическими моментами.

13. Космическое мышление содержит новый подход к исследованию проблем человека как космической структуры, в которой явление сознания составляет важнейшую эволюционную направленность.

Неизбежность Живой Этики

В начале 20-х годов XX века произошло событие важного эволюционного значения – в Россию на русском языке из духовного пространства была передана система знаний, связанная самым тесным образом с теми процессами космизации мышления, которые имели место в России.

Система была оформлена в книги Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами, которые в то время жили в Индии и были напрямую связаны с теми, кто стоял у истоков подобных знаний.

Книги имели не совсем обычные названия – «Зов», «Озарение», «Община», «Аум», «Беспределность», «Сердце», «Агни Йога», «Мир Огненный», «Братство». Столь же необычным был

и стиль их изложения, напоминавший спираль, по которой как бы поднималось сознание читателя. Они имели общее название – Живая Этика. В них повествовалось о космической эволюции человечества, ее особенностях, ее причинах и роли человека в ее сложнейших процессах. На первых читателей книги произвели необычное впечатление своей смелостью и новыми подходами к проблемам, казалось, уже раз и навсегда оформленным и канонизированным. Некоторые полагали, что они читают научно-фантастические произведения, которые в те годы стали появляться в большом количестве на мировом рынке. Трудно было поверить в то, что Мироздание представляет собой грандиозную энергетическую систему, в которой происходит интенсивный энергоинформационный обмен между составляющими ее структурами различных состояний и измерений материи. Человек является сам подобной структурой. Живая Этика сообщала о Великих законах Космоса, о которых наука еще не знала. И лишь немногие, а точнее, единицы, ознакомившись с книгами Живой Этики, осознали, что перед ними изложение принципов нового космического мышления, а упомянутые анонимными авторами Живой Этики Великие космические законы составляют гносеологический каркас этой удивительной философии, в которой отражена Космическая реальность...

Живая Этика являла собой тот необходимый эволюционный импульс, к которому Космические Сущности, стоящие на эволюционной ступени много выше современного человечества, прибегали не раз. Если мы проследим историю человеческой мысли, то найдем в ней немало таких моментов.

В Живой Этике мы находим созвучие идеям русских ученых, философов, художников, музыкантов и поэтов, которые творили в пространстве российской Духовной революции, где шел эволюционный процесс созидания новой системы космического мышления.

И Е. И. Рерих, которая провела титаническую работу с сообщаемыми ей текстами, и Н. К. Рерих, воплотивший эволюционно-космические идеи Живой Этики в прекрасные художественные полотна и в научно-литературные очерки, внесли свою великую лепту в формирование нового планетарного мышления и нового сознания современного человечества.

«Что такое эволюция – теория, система, гипотеза? – пишет крупнейший французский ученый и мыслитель Тейяр де Шарден. – Нет, нечто гораздо большее, чем все это: она – основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, – вот что такое эволюция» [10, с. 175]. Именно закономерностям космической эволюции, в которой смыкаются «все линии» человеческого существования, и посвящена Живая Этика. Идеи Живой Этики не были ни отвлеченными, ни абстрактными. Сложившись в природном космическом потоке, вобрав в себя самое ценное из прошлого и настоящего человечества, объединив в себе мысль Востока и Запада, научное и метанаучное знание, они несут огромный энергетический заряд действенности, устремляя человечество к будущему, к духовному совершенствованию и эволюционному

продвижению. Охватывая широчайший диапазон космических процессов, Живая Этика способствует такому пониманию человеком событий, «которое бы отражало суть и основу всей Вселенной», по словам Н. К. Рериха. Осмысливая место человека в системе космической эволюции, создатели Живой Этики утверждают, что «человек является источником знания и самым мощным претворителем космических сил» [3, с. 217], что он есть «часть космической энергии, часть стихий, часть Разума, часть сознания высшей материи» [2, с. 122].

Человек в своем бытии не может быть отделен, обособлен от энергетической структуры Космоса. Он несет ее в себе и поэтому живет по тем же законам, что и Космос. Взаимодействие энергетических структур мироздания в процессе энергообмена с человеком является главной движущей силой его космической эволюции. Сам этот процесс обширен, сложен и мало изучен современной наукой. Однако лишь в результате него происходят те вспышки энергии, которые продвигают человечество. Человек вступает в энергообмен с подобными себе объектами, находящимися на поверхности планеты, с самой планетой, а также с различными космическими телами, в первую очередь с Солнцем, планетами Солнечной системы, созвездиями Зодиака, созвездием Орион и, наконец, с мирами иных измерений и иных состояний материи. В результате такого обмена энергетический потенциал человека и космических тел меняется и создает условия для их эволюционного продвижения. Сама же энергетика есть первопричина всех процессов, происходящих в Кос-

мосе. Она играет основную роль и в переходе сознания человека от состояния объекта эволюции к ее субъекту. Расстояние, отделяющее объект эволюции от ее субъекта, есть путь духовно-культурного совершенствования человека, в итоге которого происходит переход от пассивного и неосознанного участия человека в эволюции к активному и осознанному. Человек обретает знания и способности влиять, соблюдая великие законы Космоса, на ход и качество эволюции. Из тех, кто стал сознательным субъектом эволюции, и состоит Иерархия одухотворенного Космоса, представленная на Земле Учителями, в том числе и авторами Живой Этики. Эволюционные процессы Космоса развиваются согласно его объективным законам. Эти же законы определяют общие и частные цели эволюции и свидетельствуют о приоритете духа, который авторы Живой Этики рассматривают как силу природы и энергетическое явление. Искра такого духа находится в каждом человеке и живет и действует в нем согласно великим законам Космоса, с одной стороны, и его, человека, свободной воле – с другой.

Главной задачей самой эволюции является одухотворение материи, повышение ее энергетики и последующее ее изменение и утончение. Этого можно достигнуть с помощью такой силы, как дух. В процессе одухотворения и утончения материи направление синтеза является главным магистральным путем в выполнении подобной задачи. Такие же явления, как культура и возникающие в ее пространстве любовь и красота, несущие в себе тонкую высоковибрационную энергетическую, и, наконец, сама психическая энергия человека являются усто-

ями эволюции и определяют ее качество. Отсутствие подобных устоев по тем или иным причинам прерывает путь космической эволюции и уводит в воронку инволюции. Живая Этика рассматривает любое земное явление с точки зрения взаимодействия духа и материи и энергетики этого взаимодействия. Такой подход дает возможность выявить реальный смысл явления, установить его причинные связи и его энергетические взаимодействия. В Живой Этике самым широким образом поставлена проблема Культуры как средства спасения планеты от грядущих губительных катаклизмов. Авторы Учения аргументированно и убедительно показали, что регулярное нарушение человечеством великих законов Космоса уже завело его в тупик, чреватый губительными энергетическими взрывами.

Перед тем как перейти к подробностям общей методологии Живой Этики, необходимо остановиться на явлении, которое я бы назвала «двойственностью». Двойственность является важной или, точнее, важнейшей особенностью этой методологии. Без постижения смысла двойственности очень многое в самой методологии Живой Этики будет неясным. Явление это носит универсальный, космический характер, представляя собой Великий космический закон, которому подчиняются любые процессы, идущие в Космосе.

Идея двойственности проходит через образы мифологии, через различные системы философии Востока и древнейшие верования.

Двойственность, или дух–материя, дает возможность определить особенности реальности чувственной, или эмпирической, с одной стороны, и реаль-

ности сверхчувственной, или внеэмпирической, с другой стороны. Последняя свидетельствует со всей убедительностью о существовании миров иных, более высоких состояний материи, с которыми человек входит в соприкосновение своей внутренней структурой. Таким образом, двойственность, дух–материя, заключенная в человеке, приводит к выводу о существовании не только внешней вселенной, но и вселенной внутренней, которую мы познаем не эмпирически, а интуитивно, сверхчувственно.

Отбрасывая эту внутреннюю вселенную, основой которой является дух, мы тем самым уводим себя из поля, которое, во-первых, влияет определенным образом на нашу внешнюю и внутреннюю жизнь, а во-вторых, является источником разнообразной информации, помогающей нам познавать не только себя, но и процессы космической эволюции, в которой мы участвуем (в значительной мере неосознанно) с самого нашего начала. Именно человек, осознавший себя, в состоянии понять свою двойственность, в которой заключен дух–материя, ощутить в себе двуединство небесного и земного, мира плотного и мира тонкого, мира эволюции и мира инволюции, мира Высшего и мира низшего. Именно он, человек, является главным инструментом эволюции, без которого был бы невозможен эволюционный процесс одухотворения материи, переход ее в другое, более высокое состояние, достижение миров более высокого измерения. Для того чтобы все это понять, необходимо осознать относительность энергетического взаимодействия в рамках явления «дух–материя» в бесконечной цепи

космической эволюции. Именно Живая Этика дает нам возможность постичь подобный процесс. И то, что мы называем духом, и то, что определяем как материю, есть различные состояния все той же материи. С этой точки зрения Живая Этика есть наиболее материалистическая философская система. Для нее не существует «невещественного начала». Дух, сказано в Живой Этике, есть энергия. Энергия же, являющаяся в структуре мироздания главным компонентом, не может существовать без материи. Состояние материи в конечном счете обусловливается уровнем вибрационности энергии, связанной с данным видом материи. И дух и материя составляют единое целое, которое Живая Этика называет духоматерией.

В этом двуедином явлении – дух–материя – должна всегда существовать разница потенциалов, точно так, как существует в батарее, вырабатывающей электроэнергию. Если эта разница по каким-то причинам отсутствует, то энергия исчезнет и эволюционная цепь распадется, что приведет к катастрофическим последствиям. Ведет же за собой эволюционные изменения материи дух как энергия, имеющая причинный смысл. Энергия духа одухотворяет материю, являясь особым видом тонкой материи, обладающим высоковибрационной энергетикой. И как любая материя, дух наделен способностью к эволюции, он создает на основе двойственности то явление относительности, которое заполняет Космос бесчисленным количеством различных состояний материи. И в то же время, являясь высокоэнергетическим видом тонкой материи, которая противостоит плотной материи, поддающейся эмпирическому исследованию,

дух обладает рядом особенностей, не учитывать которые в познании любого явления или любого вида творчества нельзя. Пренебрежение этими особенностями, которые мы находим в системе познания Живой Этики, может завести в тупик и современную науку и наделать немало бед в общем духовно-культурном пространстве.

Мост человеческой связи с мирами иного состояния материи и с параллельными вселенными выстроен из духа, энергией которого держатся все космические тела.

Наш внутренний мир – это мир нашей энергетики в самых разных сочетаниях, от тонкого до грубого. В нашем дифференцированном мире мы всегда стремимся найти место того или иного явления. Согласно системе познания Живой Этики, место связи с иными мирами, откуда идет к нам не только энергетика, но и нужная нам познавательная информация, находится в нашем сердце. Именно оно является центром нашего сознания и носителем двойственности. Еще в древности сердце отождествляли с Солнцем. Сердце является перекрестком, где сходятся дух и материя, инобытие и наш мир, небесное и земное. Из этого вытекает, что и наше сознание формируется на взаимодействии надземного и земного. В Живой Этике есть специальный том, который так и называется – «Сердце», и та часть системы познания, которая относится к духовно-энергетической роли сердца, представлена там во всем богатстве древнего и современного опыта и знания.

Двойственность есть важнейшее методологическое положение новой системы познания Живой Этики. И по мере проникновения в глубины космического закона двойственности мы начинаем понимать, что без него не может существовать никакая система познания. Ибо это положение дает нам возможность понять, что есть два источника знания – земной, который имеет дело с плотной материей, и надземный, тонкоматериальный, обладающий высокой энергетикой инобытия. Первый источник тесно связан с экспериментальной наукой и материалистической философией, возникшей на основе этой науки. Второй источник связан с метанаучными способами познания, основанными на интуиции и способности видеть невидимое и умении получать информацию из миров иных состояний материи и более высоких ее измерений. В историческом процессе человечества, если брать его с древнейших времен, метанаучный способ познания играл большую роль, нежели научный или экспериментальный. Материалистическая философия и экспериментальная наука на долгое время вывели из оборота познания метанаучный способ, ограничив познание лишь внешней, материальной стороной человеческого существования и на какое-то время исключив внутренний мир человека и тонкоматериальный, высокоэнергетический источник познания.

Новое мышление XX века, основой которого стало космическое мироощу-

щение, нуждается в новой системе познания, представленной в данный момент Живой Этикой, философией космической реальности, в которой парадигма двойственности играет главенствующую роль. «Советую очень усвоить, – писала Е. И. Рерих в одном из своих писем, – первоосновы восточной философии – *существование Единой, Абсолютной Трансцендентальной Реальности, ее двойственный Аспект* в обусловленной Вселенной и иллюзорность или относительность всего проявленного».

Лишь при сопоставлении этой двойственности, или пар противоположений, высекаются искры познания и возможно совершенствование или эволюция» [7, с. 422 – 423].

Нижеследующие методологические положения Живой Этики дают нам возможность понять то новое, что она внесла в философскую мысль XX века, и те подходы к Космической эволюции человечества, которые становятся неотъемлемой частью концепции нового мышления.

1. Мироздание является целостной энергетической системой, состоящей из различных энергетических структур, включая человека, которые взаимодействуют между собой в грандиозном энергоинформационном обмене. Последний является одной из движущих сил космической эволюции. «Космос существует, – пишет Е. И. Рерих, – лишь взаимопрониканием и взаимодействием пространственных энергий, ис-

ходящих из неисчислимых миллиардов фокусов или центров, наполняющих его и непрестанно образующихся в нем» [8, с. 446].

Подобные центры представляют собой пространственные магниты, энергетика которых управляет всеми творческими процессами, идущими в Космосе.

2. Эти процессы обуславливают существование и развитие самых разных состояний материи с различными измерениями, которые и образуют множественность миров в Космосе.

3. Дух является тонкоматериальной и высоковибрационной энергетикой и занимает в мироздании главенствующее положение, выступая в качестве основы самого космического творчества. Дух как тонкоматериальная энергия в процессе эволюции одухотворяет материю, создавая более высокие ее формы.

4. Человек как энергетическая структура не только является частью Космоса, но и несет этот Космос в своем внутреннем мире. Последнее обстоятельство позволяет человеку влиять на эволюционное творчество Космоса посредством энергетики духа, содержащегося в этом человеке.

Разъясняя это положение методологии Живой Этики, Е. И. Рерих пишет: «...в каждом творении необходимо участие энергий человека, как носителя высших принципов Космоса. В сокровенном Учении сказано – “миры, не населенные человеком, не могли разви-

ваться и потому разрушились”. Таким образом, становится ясной зависимость миров или планеты от человека и его духовного и морального уровня» [7, с. 288].

5. Человек, в свою очередь, также зависит от миров более тонкого состояния материи и более высоких ее измерений.

«И чем человечество обладает, – сказано в Живой Этике, – оно черпает из сокровищницы Космоса» [2, с. 53]. Иными словами, информация, получаемая человеком в результате энергетического обмена с более высокими мирами, по своему эволюционному значению является важнее, нежели та, которая добывается средствами эмпирической науки. Без энергоинформационного потока, идущего к человеку из Высших миров, не могло бы существовать творчество космической эволюции, и человек не смог бы продвигаться по ее спирали вверх, совершенствуя свой дух и утончая свою материю.

В эволюции, как это понимают авторы Живой Этики, только Высшее может продвинуть низшее. Это одно из главных методологических положений философии Живой Этики.

Поэтому так важны и в жизни, и в эволюции человека Высшие миры и взаимодействие с ними самого человека. Мир более высокого состояния материи будет всегда причинным явлением для более низкого. «...Мир невидимый не отклоняйте от жизни, потому в духотворчестве нужно понимать невидимую силу как главный импульс»

[2, с. 205]. Поэтому миры иного состояния материи играют в нашей жизни более значительную роль, чем мы предполагаем.

6. Необходимость расширения сознания человека есть главное условие усвоения новой модели мироздания, которую мы находим в системе познания Живой Этики. Расширение сознания ведет к новым научным парадигмам, к открытиям и снятию противоречий на определенных ступенях познания. Энергетическое мировоззрение дает нам возможность понять, а также увидеть тонкоматериальные процессы, идущие в плотных слоях материи. Один из крупнейших английских философов, Фрэнсис Бэкон, писал, что «вселенную нельзя низводить до уровня человеческого разума, но следует расширять и развивать человеческое разумение, дабы воспринять образ вселенной по мере ее открытия» (цит. по: [5, с. 119]). Научные открытия и находения умозрительной мысли – это все результат расширения сознания. То, что человек не видит и не воспринимает сегодня, при расширении сознания завтра становится для него видимым и постижимым. История науки – это не только история человеческого гения, его интеллекта, усилий и труда, но это и отражение процесса расширения сознания, которое развивается в ходе энергоинформационного обмена на всех уровнях Космоса. «...Есть лишь единый путь перерождения мышления, – сказано в Живой Этике. – Именно нужно будить

сознание. Именно, когда дух может уже оглядываться назад, зная, что день вчерашний со своим мышлением уже миновал, то происходит трансмутация распознавания» [3, с. 191].

Ни одна материалистическая система философии последнего времени еще не указывала в своей методологии на необходимость учета в научных исследованиях расширения сознания как важнейшего условия в системе познания. Не интеллект сам по себе, а расширенное сознание есть причина научных открытий. Каждое научное достижение – это результат синтеза интеллекта и сердца, являющегося вместилищем сознания. Проблема расширения сознания человека есть важнейшая и главная проблема в системе познания.

7. Расширение сознания обуславливает и эволюционный процесс, идущий на энергетической дистанции «объект – субъект». Путь от объекта к субъекту эволюции – это путь совершенствования человека, включение его в цепь космической Иерархии, без духовного творчества которой была бы невозможна эволюция ни Космоса, ни человечества. Наука и метанаука, естественное и сверхъестественное, мистика и реальность лежат в пространстве процесса расширения сознания. Каждая ступень такого процесса меняет точку зрения человека на окружающую действительность, делает понятным сегодня то, что было непонятным вчера. Вся история науки, ее достижений и открытий идет по вехам процесса расши-

рения сознания. И, как обычно, каждая такая ступень или веха сопряжена с противостоянием узкого, неразвитого сознания, и последнего оказывается обычно больше, чем первого.

8. С процессом расширения сознания и проблемой «объект – субъект» тесно связано одно из важнейших положений системы познания Живой Этики – «Учитель – ученик». Этот ведущий принцип космической эволюции далеко не нов. Он возник еще с незапамятных времен в пространстве культуры и философии Востока. В методологии Живой Этики он расширен до универсальных масштабов как космический принцип обучения и познания в процессе эволюции, без которого невозможно какое-либо продвижение человечества. Если в древности Учитель выступал в качестве мифологического культурного героя, то в современной теории познания он представлен как один из космических Иерархов, влияющих на эволюционные процессы. Эта иерархическая цепь, в которой «Учитель – ученик» представлен многочисленными звеньями, переходящими одно в другое и уходящими в Беспредельность, имеет и свою земную часть – своих земных Учителей и своих земных учеников. Таким образом, земное и надземное смыкается в этой цепи, следуя необратимому закону двойственности, согласно которому любое явление в Космосе будет иметь часть земную и надземную, плотноматериальную и тонкоматериальную.

Вся методология Живой Этики тесно связана с действием законов Космоса, без учета которых не может существовать в современном мире ни одна система познания. Ибо любая система познания действует лишь в рамках таких законов.

Действие космических законов, как Великих, так и частных, распространяется не только на Космос, но и на земной план, и на развитие человеческого общества. Их проникаемость универсальна. Космические законы, отмечает Е. И. Рерих, соединяют «мир физический с миром Тонким, или потусторонним» [7, с. 329]. Человек, действующий согласно космическим законам, становится творцом, постепенно достигая уровня субъекта эволюции. Если он, сознательно или бессознательно, пренебрегает этими законами, то идет по пути разрушений и бедствий. В нашем веке мы имеем такие примеры в крупном масштабе.

Некоторые из этих законов были уже открыты наукой, но трактовка их не являлась столь широкой, как в Живой Этике, которая распространила их на все уровни космического бытия. Эти законы действуют и в пространстве нравственности, и в поведенческих нормах человека, которые он соблюдает или не соблюдает. «Когда Мы настаиваем на полезности нравственной жизни, – сказано в Живой Этике, – Мы прежде всего оберегаем основные законы Вселенной» [4, с. 116]. На первом месте среди великих законов Кос-

моса стоит закон двойственности, о котором уже было сказано.

Затем следуют: закон энергоинформационного обмена в Космосе, закон смещения энергий, закон сохранения и превращения энергий, закон Космического Магнита, закон Космической Иерархии, закон Высшей Воли, закон единства Космоса, закон соответствия миров, закон космического сотрудничества, закон циклического развития Космоса, закон причинно-следственных связей, закон противодействия Непроявленного проявленному, закон свободной воли, закон Неповторимости, закон расширения сознания, закон Духовного преображения через Красоту, закон единства Макрокосма и Микрокосма, закон учительства и многие другие.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что Живая Этика как философия космической реальности заключает в себе систему познания нового космического мышления. В ней синтетически объединились знания древние и современные, мысль Востока и Запада, находения эмпирической науки и метанауки, способы познания различных областей творчества, таких, как наука, философия, религиозный опыт, искусство. Явление Живой Этики еще раз подтверждает Великий закон Космоса – Высшее продвигает низшее, высшее сознание содействует развитию расширенного сознания на более низких уровнях. Космическое мышление объединяет в себе мысль надземную и

земную. Тот же синтез мы находим в Живой Этике. До сего дня мы не имеем ничего подобного Живой Этике. Она позволяет нам увидеть реальный Космос, его сложные процессы, его разнообразную материю и то вечное движение, которое складывает новые комбинации и новые формы нашего Бытия.

Значительным представляется и то, что Живая Этика появилась в переломный момент нашей космической эволюции, сменяющей один вид мышления другим. И это другое есть космическое мышление, не просто космизм как часть эмпирической научной мысли, а именно космическое мышление, часть которого составляет и научное мышление. Основные положения Живой Этики как системы познания направлены на усиление и усовершенствование тех явлений нашего Бытия, включая науку, культуру, нравственность и т. д., которые сейчас проходят через пространство кризисов.

Теперь дело остается за малым – осознать в полном объеме духовно-культурное значение философии космической реальности под названием Живая Этика. «За малым» легко сказать, но трудно сделать. Мы не можем

избежать тех закономерностей, которые сложились в историческом процессе развития человечества и через которые проходило оно при становлении нового мышления в первые века нашей эры, когда утверждалось религиозное мышление, и в период Средневековья, когда формировалось научное, и вот теперь, когда в борьбе и сопротивлении растет и развивается новое космическое мышление. Состав врагов нового не меняется из тысячелетия в тысячелетие. Это – невежество, низкий уровень сознания, тоталитарная претензия на Истину и властное стремление подчинить себе свободную мысль человека. И сейчас, в который раз, встает над нами призрак Великого Инквизитора, так точно вычитанного в мировой истории человечества гениальным Достоевским.

Извечна борьба старого с новым, света с тьмой, добра со злом. Но извечны и их защитники. И извечна проблема – чью сторону мы выбираем. И только крепость нашего духа, ясный ум и достаточный уровень нашего сознания диктуют нам верный выбор на этой космической дороге в темный предрассветный час нашей истории и нашей эволюции.

Библиографические ссылки

1. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М., 2000.
2. Живая Этика. Беспредельность. М., 2009. Ч. I.
3. Живая Этика. Мир Огненный. М., 1996. Ч. III.
4. Живая Этика. Надземное. М., 1996. Ч. II.
5. Кедров К. А. Параллельные миры. М., 2001.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 18.
7. Письма Елены Рерих : в 2 т. Рига, 1940. Т. 2.
8. Письма Елены Рерих : в 2 т. Рига, 1940. Т. 1.
9. Портильо Х. Л., Соди Д., Инфанте Ф. Д. Кецалькоатль. М., 1982.
10. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
11. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М., 1991.
12. Циолковский К. Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга, 1928.
13. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.
14. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.

L. V. Shaposhnikova

COSMIC THINKING AND NEW SYSTEM OF COGNITION

The programme work by L.V. Shaposhnikova establishes two principal directions or methods of cognition – empirical scientific and metascientific ones, reveals their essential peculiarities and interrelations as well as the evolutionary sense of synthesis of these ways of cognition. The concept of cultural and historical ways of thinking (mythological, religious, scientific, cosmic thinking) has been set forth in scholarship for the first time. Each of these ways has had its features, culture and epoch in the past or now. Particular emphasis in the work is placed on the origin and establishment of the cosmic thinking, the fourth way of thinking, on that great contribution to this process made by the outstanding scientists-cosmists and philosophers of the Silver age. The fundamental place in forming the cosmic thinking of Living Ethics, the philosophy of cosmic reality, containing the new system of cognition, is being based. The methodological statements of the Living Ethics allowing to understand those approaches to the cosmic evolution of the mankind, which become the integral part of the conception of new thinking are identified for the first time.

Keywords: cosmic thinking, cosmism, new system of cognition, science, metascience, Living Ethics, Roerich, spirit, Cosmos, Spiritual revolution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АППОЛОНОВ Алексей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

alexeyapp@yandex.ru

БОГРОВА Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ВлГУ Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

kmbogrova@mail.ru

МАЛАХОВ Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

phil.vlsu@mail.ru

МАТВЕЕВ Павел Евлампиевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

matvei5@icloud.com

НИКОЛАЕВА Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

irina-nikolaeva-v80@yandex.ru

СКОРОБОГАТЫХ Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

arhip2212@yandex.ru

ТЯХОВ Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

ilja.tryahoff@yandex.ru

УСТЮГОВА Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянского и контрастивного языкознания Ужгородского национального университета.

ustyugova_l_m@mail.ru

ШАПОШНИКОВА Людмила Васильевна (1926 – 2015) – кандидат исторических наук, академик Российской академии естественных наук (2001). В течение многих лет возглавляла Музей имени Н. К. Рериха (г. Москва), будучи его создателем и бессменным генеральным директором.